

ISSN 0131-6044

РОМАН-15 ГАЗЕТА

(1165) · 1991

ЗАРУБЕЖНАЯ
ФАНТАСТИКА
Супруги, любившие
уединение

В начале года редакция получала более 1000 писем в день. Шел традиционный совет с читателями. Итоги его подведены. Исторические и социально-психологические романы, современная фантастика и зарубежный детектив — вот тот широкий диапазон интереса нашей читательской аудитории. Кроме того **ВПЕРВЫЕ** в план включены произведения авторов Русского Зарубежья, широко известных мировой общественности, но неизвестных на родине.

К нашему великому сожалению, цены на бумагу, полиграфические услуги и доставку снова растут. Поэтому мы вынуждены предупредить читателей, что произведения, отмеченные «звездочкой» (*), мы сможем издать, если финансовые возможности журнала позволят это сделать.

I ПОЛУГОДИЕ

СОЛЖЕНИЦЫН А. Август Четырнадцатого. Роман (3 актуальная часть).

Катастрофа в Восточной Пруссии, поражение армии генерала Самсонова и его самоубийство, деятельность Столыпина и хроника его убийства — эти события начала XX века, существенно повлиявшие на ход истории нашей страны, освещены знаменитым писателем на основании подлинных документов.

БОНДАРЕВ Ю. Испытание. Роман.

Беспощадно и непримиримо действуют силы растления и зла в эпоху всеобщего экологического и политического кризиса. В своем новом романе известный писатель Ю. Бондарев ставит вопрос о высокой нравственной ответственности каждого за происходящее.

УСПЕНСКИЙ В. Тайный советник вождя. Роман-исповедь. Книга третья.

Свидетель непростых взаимоотношений Сталина с историческими деятелями и членами семьи, уже хорошо знакомый читателям тайный советник вождя в третьей книге с неожиданной стороны освещает многие события и факты Великой Отечественной войны.

ФЕДОРОВА Н. Семья. Роман.

Переведенный на многие языки мира, удостоенный международных премий, роман «Семья» **ВПЕРВЫЕ** станет доступен столь широкому кругу читателей. Ностальгия по Родине, истинность переживаний, образный язык сделали этот роман одним из самых искренних и значительных произведений Русского Зарубежья.

ГАНИЧЕВ В. Флотовождь (Адмирал Ушаков). Историческое повествование.

Он не боялся сказать «нет» и не стыдился сказать «не могу», он занимал свое место с достоинством. Человек, способный творчески мыслить и не способный лукавить, человек вдохновенный, он беззаветно служил своему народу и Отечеству и выиграл все сорок сражений, в которых принимал участие.

Таким был адмирал Ушаков, о котором рассказано в романе В. Ганичева. Созданию произведения предшествовала долгая работа автора в отечественных и зарубежных архивах.

МУРАВЬЕВ П. Полюс Лорда. Роман.

Остросюжетный, написанный в современной манере, роман «Полюс Лорда» сочетает в себе традиции отечественной и западной литературы. Напряженный сюжет, глубокий психологизм выводят роман П. Муравьева в ряд наиболее заметных произведений современности. Советские читатели **ВПЕРВЫЕ** встретятся с творчеством одного из интереснейших писателей Русского Зарубежья.

ЗАРУБЕЖНЫЙ ДЕТЕКТИВ (Д. Х. ЧЕЙЗ. Перстень Борджа. А. КРИСТИ. Рассказы).

«Ограбление на миллион долларов», «Тайна голубой вазы», «Тайна египетской гробницы» — знакомство с этими и другими рассказами будет **ОТКРЫТИЕМ** для многих читателей, поскольку А. Кристи известна в нашей стране прежде всего как автор детективных повестей и романов.

«Крутой детектив» — так многие критики определяют жанр произведений популярного во многих странах мира писателя Д. Х. Чейза.

Увлекательный сюжет, внимание мастера детективной интриги к психологическим и социальным деталям — характерные особенности его авторского почерка, поэтому ни на миг не ослабевает напряженное внимание читателя повести «Перстень Борджа».

***КАЛИНИН А. Цыган.** Роман. Часть седьмая и восьмая.

Заключительные главы известного романа, главным героем которого является цыган Будулай.

РЫБАКОВ А. Страх. Роман. Книга вторая романа «Тридцать пятый и другие годы».

Страх перед возможностью оказаться жертвами массовых репрессий не покидает героев нового произведения А. Рыбакова. Читатель узнает продолжение событий и непростых судеб, описанных в романе «Тридцать пятый и другие годы».

РОМАН-15

НАРОДНЫЙ
ЖУРНАЛ
МОСКВА

ГАЗЕТА

(1165) · 1991

Основана в 1927 г.

ЗАРУБЕЖНАЯ ФАНТАСТИКА

Супруги, любившие уединение

Хулио Кортасар
МАЛЕНЬКИЙ РАЙ

Формы счастья очень разнообразны, и не следует удивляться, что жители страны, которой правит генерал Орангу, счастливы с того дня, когда в их кровь попадают золотые рыбки.

Строго говоря, рыбки эти не золотые, а всего лишь золотистые, но достаточно увидеть, как они сверкают, резвясь, и у тебя появляется неодолимое желание их иметь. Правительство сразу это поняло, когда некий натуралист поймал первых рыбок и они стали быстро размножаться в благоприятной среде. Известная специалистам как Z-8, золотая рыбка необычно мала, настолько, что если представить себе курицу величиной с муху, то золотая рыбка будет величиной с такую курицу. Поэтому, когда жителю страны исполнится восемнадцать лет, не составляет никакого труда ввести рыбок ему в кровь; указанный возраст и процедура введения определены законом.

Таким образом, все юноши и девушки с нетерпением ждут дня, когда их допустят в один из специальных медицинских центров; они приходят туда в сопровождении семьи. К вене на руке присоединяют трубку, она является частью прозрачного сосуда, наполненного физиологическим раствором, куда потом запускают двадцать золотых рыбок. Облагодетельствованный и его семья имеют возможность всласть налюбоваться играми золотых рыбок в сосуде, пока те одна за другой, уже неподвижные и словно бы испуганные, крошечными брызгами света уходят в вену. За полчаса гражданин получает полный комплект золотых рыбок, а потом он удаляется, чтобы торжественно отпраздновать обретение им счастья.

Если присмотреться повнимательнее, выяснится, что счастливы жители страны более благодаря работе своего воображения, нежели напрямую соприкосновению с действительностью. Хотя увидеть золотых рыбок после введения их внутрь уже невозможно, каждый знает: они непрерывно оббегают все огромное древо

Перевод Р. Рыбкина.

вен и артерий, и любому в последние минуты перед сном кажется, что в чаше его сомкнутых век появляются и исчезают эти сверкающие искорки, так выделяющиеся своим блеском на красном фоне рек и ручейков, по которым они движутся. Особое волнение вызывает всегда мысль о том, что двадцать золотых рыбок тотчас начинают размножаться, и потому житель страны представляет их себе, бесчисленных и сверкающих, во всех частях своего тела: как они скользят в голове, как приплывают в кончики пальцев, как скапливаются в больших бедренных артериях, в яремной вене или как, с их невероятной ловкостью, проникают в самые укромные уголки тела. Наибольшую радость внутреннему взору доставляет образ периодического прохождения золотых рыбок сквозь сердце, потому что там наверняка есть крутые горки, озера и стремнины, удобные для их игр и общения друг с другом; и конечно, именно в этом большом и шумном порту золотые рыбки знакомятся, выбирают себе пару и соединяют с ней свою судьбу. Когда юноша или девушка влюбляются, они всегда убеждены, что и в сердце у него (или у нее) какая-нибудь золотая рыбка нашла себе пару. Даже некоторые напоминающие щеколку ощущения все объясняют спариванием золотых рыбок в соответствующих местах. Главные жизненные ритмы снаружи совпадают с таковыми же внутри — разве можно представить себе счастье, исполненное большей гармонии?

Картину омрачает лишь то обстоятельство, что время от времени какая-нибудь из золотых рыбок умирает. Хотя живут они подолгу, наступает, однако, день, когда одна из них гибнет, и тело ее, увлекаемое движением крови, в конце концов закупоривает переход из

артерии в вену или из вены в какой-нибудь сосуд. Жителям страны хорошо известны симптомы, очень, вообще говоря, простые: становится трудно дышать, а иногда еще и кружится голова. Если такое происходит, сразу достают ампулу для инъекции — их специально держат дома на этот случай. Под действием содержимого ампулы мертвая рыбка за считанные минуты рассасывается, и кровообращение снова становится нормальным. Каждому официально разрешено использовать три ампулы в месяц, учитывая, что золотые рыбки размножаются очень быстро и количество смертей их со временем увеличивается.

Правительство генерала Орангу установило стоимость ампулы в двадцать долларов, что в течение года по стране дает доход в несколько миллионов; если иностранные наблюдатели рассматривают это как тяжелый налог, то жители страны воспринимают все совершенно иначе, потому что каждая ампула возвращает им счастье, а платить за счастье вполне справедливо. Когда речь идет о семьях без средств, это бывает очень часто, правительство предоставляет возможность приобретать ампулы в кредит, взимая при окончательном расчете двойную стоимость, что вполне логично. Если и при таких благоприятных условиях кто-то останется без ампул, он может обратиться к преуспевающему черному рынку, которому правительство, понимая нужды людей и желая им помочь, позволяет процветать для блага народа и нескольких полковников. Какое значение, в конце концов, имеет нищета, когда известно, что у каждого есть золотые рыбки, и золотых рыбок будут получать одно за другим все новые и новые поколения, и снова и снова будут праздники, будут танцы, будут песни!

Джеймс Баллард

КОНЕЦ

Днем они всегда спали. К рассвету расходились по домам, и когда над расплывающимися валами соли всходило солнце, спасающие от зноя ставни были уже плотно закрыты и из домиков не доносилось ни единого звука. Большинство жителей поселка были люди преклонного возраста, они быстро засыпали в своих жилищах, но Грейнджер, с его беспокойным умом и единственным легким, после полудня часто просыпался и уже больше не засыпал — лежал и пытался, сам не зная зачем, читать старые бортовые журналы (Холлидей извлекал их для него из-под обломков упавших космических платформ), между тем как сделанные из металла стены его домика гудели и время от времени ползгивали.

К шести часам вечера зной начинал отступать через поросшие ламинариями равнины на юг, и кондиционеры в спальнях один за другим автоматически выключались. Поселок медленно возвращался к жизни, окна открывались, чтобы впустить прохладный воздух

вечерних сумерек, и Грейнджер, как всегда, отправился завтракать в бар «Нептун», по пути поворачивая голову то вправо, то влево и вежливо снимая темные очки, чтобы приветствовать престарелые пары, сидевшие в тени на крылечках и разглядывавшие другие пары, на другой стороне улицы.

Холлидей, в пяти милях к северу, в пустом отеле, обычно проводил в постели еще час, слушая, как поют и свистят, постепенно охлаждаясь, башни кораллов, сверкающие вдалеке, как белые пагоды. В двадцати милях от себя он видел симметричную гору: это Гамильтон, ближайший из Бермудских островов, возносил с высохшего дна океана к небу свой срезанный верх, и в лучах заката была видна каемка белого песка — словно полоса пены, которую оставил, уходя, океан.

Холлидей и вообще-то не очень любил ездить в поселок, а ехать сегодня ему хотелось даже меньше обычного. Дело не только в том, что Грейнджер будет сидеть в своей всегдашней кабинке в «Нептуне» и потче-

вать неизменным пойлом из юмора и нравоучений (фактически это был единственный человек, с которым Холлидей мог общаться, и собственная зависимость от старшего неизбежным образом стала его раздражать), дело еще в том, что тогда состоится последняя беседа с чиновником из управления эмиграции и придется принять решение, которое определит все его будущее.

В каком-то смысле выбор был уже сделан — Буллен, чиновник, понял это, еще когда приезжал месяц назад. Никаких особых умений, черт характера или способностей к руководству, которые могли бы оказаться полезными на новых мирах, у Холлидея не было, и поэтому особенно угловаривать его Буллен не стал. Однако чиновник обратил его внимание на один небольшой, но существенный факт, который стал для Холлидея предметом серьезных размышлений на весь последовавший месяц.

«Не забывайте, Холлидей,— предупредил его тогда Буллен в конце беседы, происходившей в задней комнате домика шерифа,— средний возраст жителей вашего поселка перевалил за шестьдесят. Вполне может оказаться, что лет через десять уже не будет никого, кроме вас с Грейнджером, а если сдаст его легкое, вы останетесь один».

Он замолчал, чтобы дать время Холлидею хорошо это себе представить, а потом тихо добавил: «Молодежь отправляется следующим рейсом — оба мальчишки Мерриуэзеров и Том Джуранда (скатертью дорога балбесу, подумал Холлидей, ну, не завидую тебе, планета Марс),— понимаете вы, что останетесь здесь единственным, кому еще нет пятидесяти?»

«Кейти Саммерс тоже остается»,— быстро возразил тогда Холлидей; внезапно ему представились белое платье из органди, длинные, соломенного цвета волосы, и видение это придало ему смелости.

Чиновник скользнул взглядом по списку заявлений об эмиграции и неохотно кивнул.

«Это правда, но ведь она ухаживает за своей больной бабушкой. Когда старушка умрет, Кейти поминай как звали. Что ее тогда может здесь удерживать?»

«Ничего»,— машинально согласился Холлидей.

Да, теперь ничего. Долгое время он заблуждался на этот счет, думал: что-то может. Кейти столько же, сколько и ему, двадцать два, и она, если не считать Грейнджера, казалась единственным человеком, который понимает его решимость остаться на позабытой Земле и нести на ней вахту. Но бабушка умерла через три дня после отъезда чиновника, и на следующий же день Кейти начала упаковывать вещи. Наверно, какое-то помрачение разума побуждало Холлидея до этого думать, что она останется, и теперь его тревожила мысль, что, быть может, так же ложны и все его представления о себе.

Выбравшись из гамака, он вышел на плоскую крышу и стал смотреть, как фосфоресцируют на грядах дюн, уходящих вдаль, частицы других веществ, выпавших вместе с солью в осадок. Он жил в фешенебельной квартире на крыше этого десятиэтажного отеля, в единственном здании — защищенном от жары месте, но отель неумолимо опускался в океанское дно, и от

этого в несущих стенах появились широкие трещины, которые вскоре должны были достигнуть верха. Первый этаж уже ушел в паву совсем. Ко времени, когда опустится следующий (месяцев через шесть, самое большее), ему придется покинуть старый курорт Айдл-Энд, а это значит, что предстоит жить в одном домике с Грейнджером.

Примерно в миле раздалось жужжание мотора. Сквозь сумерки Холлидей увидел, как к отелю, местному ориентиру, плывет по воздуху, неумолимо вращая лопастями винта, вертолет чиновника из управления эмиграции; потом, поняв, где находится, Буллен взял курс на поселок,— там была посадочная полоса.

Уже восемь часов, отметил про себя Холлидей. Беседа назначена на восемь тридцать утра. Буллен переночует у шерифа, выполнит другие свои обязанности в своем качестве мирового судьи и регистратора актов гражданского состояния, а потом, после встречи с Холлидеем, отправится дальше. Ближайшие двенадцать часов Холлидей свободен, у него еще есть возможность принять окончательное решение (или, точнее, такового не принимать), но когда они истекнут, ему придется сделать выбор, и назад дороги уже не будет. Это последний прилет чиновника, его последнее путешествие по кольцу опустевших поселений, от Святой Елены к Азорским островам, от них — к Бермудам, а оттуда — к Канарским островам, где находится самая большая во всей бывшей Атлантике площадка для запуска космических паромов. Из крупных космических паромов еще держались на своих орбитах и оставались управляемыми только два; остальные (их были сотни) все падали и падали с неба; и если наконец сойдут с орбит и те два паромы, Землю можно считать покинутой людьми. Тогда единственными, кого еще, может быть, подберут, будут несколько связистов.

На пути в поселок Холлидею пришлось два раза опускаться противосолевой щит, закрепленный на переднем бампере его джипа, и счищать с дороги, сделанной из проволоки, соль, натекающую за послеполуденные часы. По обеим сторонам дороги высились мутирующие ламинарии, похожие на огромные кактусы (радиоизотопы фосфора ускоряли генетическую перестройку); на темных грядах соли словно вырастали белые лунные сады. Но вид надвигающейся пустыни только усиливал желание Холлидея остаться на Земле. Большую часть тех ночей, когда он не спорил с Грейнджером в «Нептуне», Холлидей проводил, разъезжая по океанскому дну, взбираясь на упавшие космические платформы или блуждая вместе с Кейти Саммерс по ламинариевым лесам. Иногда удавалось уговорить Грейнджера пойти с ними тоже — Холлидей надеялся, что знания старшего по возрасту (когда-то Грейнджер был морским биологом) помогут ему лучше разобраться во флоре океанского дна; однако настоящее дно было теперь похоронено под бесконечными холмами соли, и с тем же успехом можно было бы искать его под песками Сахары.

Когда Холлидей вошел в «Нептун» (бар с низ-

кими потолками и с интерьером, где преобладали кремовые тона и блеск хромированного металла; заведение стояло у начала взлетной полосы и прежде служило своего рода залом ожидания для транзитных пассажиров — тогда к Канарским островам летели тысячи эмигрантов из Южного полушария), Грейнджер окликнул его и постучал палкой по окну, за которым, ярдах в пятидесяти, на бетонированной площадке перед ангаром, маячил темный силуэт вертолета.

— Да знаю я, — сказал почти брюзгливо Холлидей, подсаживаясь к нему со стаканом. — Не мечите икру, я видел, что он летит.

Грейнджер растянул рот в улыбке. Исполненное твердой решимости лицо Холлидея, на которое падали пряди непослушных русых волос, и его чувство полной личной ответственности за происходящее всегда забавляли Грейнджера.

— Не мечите икру вы сами, — сказал он, поправляя наплечную подушечку под гавайской рубашкой с той стороны, где у него не было легкого (он лишился его, ныряя без маски, лет за тридцать до того). — Ведь не я на следующей неделе лечу на Марс.

Холлидей смотрел в стакан.

— И не я.

Он оторвал глаза от стакана и посмотрел в угрюмое, с застывшей гримасой недовольства лицо Грейнджера, потом сказал, иронически улыбнувшись:

— Будто не знали?

Грейнджер захохотал и застучал палкой по окну, теперь словно подавая вертолету знак к отбытию.

— Нет, серьезно, вы не летите? Решили твердо?

— И нет и да. Я не решил еще, и в то же время я не лечу. Улавливаете разницу?

— Вполне, доктор Шопенгауэр.

Грейнджер снова заулыбался. Потом резко отодвинул стакан.

— Знаете, Холлидей, ваша беда в том, что вы относитесь к себе слишком серьезно. Если бы вы знали, до чего вы смешны.

— Смешон? Почему? — вскинулся Холлидей.

— Какое значение имеет, решили вы или нет? Сейчас важно одно: собраться с духом, махнуть к Канарским островам и — в голубой простор! Ну зачем, скажите на милость, вы остаетесь? Земля скончалась и погребена. У нее больше нет ни прошлого, ни настоящего, ни будущего. Неужели вы не чувствуете никакой ответственности за вашу собственную биологическую судьбу?

— Ой, хоть от этого избавьте!

Холлидей достал из кармана рубашки свою карточку на право получения промышленных товаров и протянул ее через стол Грейнджеру, ответственному за выдачу.

— Мне нужен новый насос для домашнего холодильника, тридцативаттного «Фрижидэра». Остались еще?

Грейнджер театрально простонал, потом, раздраженно фыркнув, взял карточку.

— О Боже, да ведь вы Робинзон Крузо наоборот — возитесь со всем этим старым хламом, пытаетесь что-то из него мастерить. Последний человек на берегу: все уплывают, а он остается! Допустим, вы и в самом

деле поэт и мечтатель, но неужели вы не понимаете, что эти два биологических вида уже вымерли?

Холлидей не отрывал взгляда от вертолета на бетонированной площадке, от огней, отраженных соевыми холмами, обступившими поселок со всех сторон. Каждый день эти холмы придвигались немного ближе, стало трудно даже раз в неделю собирать людей, чтобы отбрасывать соль назад. Через десять лет он и в самом деле может оказаться в положении Робинзона Крузо. К счастью, в огромных, как газгольдеры, цистернах воды и керосина хватит на пятьдесят лет. Если бы не эти цистерны, выбора бы у него, конечно, не было.

— Отстаньте от меня, — сказал он Грейнджеру. — Отыгрываетесь на мне, потому что сами вынуждены остаться. Может, я и принадлежу к вымершему виду, но, чем исчезнуть совсем, я лучше буду цепляться за жизнь здесь. Что-то мне говорит: настанет день, когда люди начнут сюда возвращаться. Кто-то должен остаться, в ком-то должна сохраниться память о том, что означало «жить на Земле». Земля не какая-то ненужная кожура — сердцевину съел, а ее отбросил. Мы на ней родились. Только ее мы помним по-настоящему.

Медленно, словно раздумывая, Грейнджер кивнул. И уже хотел, по-видимому, что-то сказать, но тут мрак за окном прорезала ослепительно белая дуга. Место, где она соприкоснулась с землей, увидеть не удалось — его загораживала цистерна.

Холлидей встал и высунулся из окна.

— Должно быть, космическая платформа. И, похоже, большая.

В ночи, эхом отдаваясь от башен коралла, пронеслись долгие раскаты могучего взрыва. Потом, после нескольких всплесков, послышались еще взрывы, более слабые, а потом весь северо-запад заволкло белой пеленой пара.

— Атлантическое озеро, — прокомментировал Грейнджер. — Давайте поедem и взглянем — вдруг платформа открыла что-нибудь интересное?

Через полчаса, погрузив на заднее сиденье джипа старый грейнджеровский комплект пробирок для образцов флоры и фауны, а также слайды и инструменты для изготовления чучел, они выехали к южному концу Атлантического озера — за десять миль от них.

Именно там Холлидей и обнаружил рыбу.

Атлантическое озеро, узкая лента стоячей морской воды к северу от Бермудских островов, длиною в десять миль и шириною в одну, было единственным, что осталось от прежнего Атлантического океана, — вернее, от всех океанов, когда-то занимавших две трети земной поверхности. Бездумная и лихорадочно поспешная добыча кислорода из морской воды (кислород был нужен для создания искусственных атмосфер вокруг новых осваиваемых планет) привела к гибели Мирового океана, быстрой и необратимой, а его смерть, в свою очередь, вызвала климатические и иные геофизические изменения, сделавшие неминуемой гибель всей жизни на Земле. Кислород, путем электролиза извлекаемый из морской воды, затем сжижали и увозили на ракетах с Земли, а высвобождаемый водород выпускали прямо в земную атмосферу. В конце концов остался лишь тонкий, чуть больше мили толщиной слой сколько-ни-

будь плотного, пригодного для дыхания воздуха, и людям, еще оставшимся на Земле, пришлось покинуть отравленные, превратившиеся теперь в плоскогорья континенты и отступить на океанское дно.⁴

Холлидей в своем отеле в Айдл-Энде провел бессчетные часы среди собранных им книг и журналов, где рассказывалось о городах старой Земли. Да и Грейнджер часто описывал ему свою юность, когда океаны опустели еще только наполовину и он работал морским биологом моря в университете Майами; берега Флориды тогда, непрерывно удлиняясь, превращались для него в лабораторию, о которой до этого он даже не мог и мечтать.

— Моря — наша коллективная память, — часто говорил он Холлидею. — Осушая их, мы стирали прошлое каждого из нас и в еще большей мере — наше понимание того, кто мы такие. Это еще один аргумент в пользу вашего отлета. Без моря жизнь оказывается невыносимой. Мы становимся всего лишь жалкими тенями воспоминаний; слепые и бездомные, мечутся они в пустом черепе Земли.

До озера они доехали за полчаса, пробравшись кое-как через болотистые берега. Кругом в ночном полумраке были видны серые соляные дюны; трещины, змеившиеся в лощинах между дюн, расщепляли солевые пласты, делили их на четкие шестигранники. Поверхность воды скрывало густое облако пара. Они остановили джип на низком мысе и, задрав головы, стали оглядывать огромную тарелку — корпус космической платформы. Платформа была большая, почти в триста ярдов диаметром; сейчас она лежала, перевернувшись, на мелководье, обшивка ее обгорела и была вся во вмятинах, огромные дыры зияли теперь там, где прежде были реакторы, выбитые ударом из гнезд и взорвавшиеся уже на другой стороне озера. В четверти мили от себя Грейнджер и Холлидей с трудом разглядели сквозь дымку пара гроздь роторов; концы их осей смотрели в небо.

Продвигаясь по берегу (озеро было от них по правую руку), с трудом разбирая одну за другой буквы, приклепанные к опоясывающему ободу, они подошли к платформе. Гигантский корабль пропахал цепочку водоемов у южного конца озера огромными бороздами, и Грейнджер, бродя в теплой воде, вылавливал живность. То там, то здесь попадались карликовые анемоны и морские звезды, изуродованные и скрученные раковыми опухолями. К его резиновым сапогам липли тонкие, как паутина, водоросли; их утолщения в тусклом свете сверкали, как драгоценные камни. Холлидей и Грейнджер задержались у одного из самых больших водоемов, круглого бассейна диаметром футов в триста; сейчас он медленно пустел — вода уходила через прорезавшую берег глубокую свежую борозду. Грейнджер осторожно двинулся вниз по склону, подхватывая образцы и засовывая их в пробирки на штативе; Холлидей стоял, задрав голову, на узком перешейке между водоемом и озером и смотрел на край космической платформы, нависающий над ним во мраке, как корабельная корма.

Он разглядывал разбитый люк одного из куполов для экипажа, когда вдруг увидел, как на обращенной вниз поверхности что-то мелькнуло. Какое-то мгновение он думал, что это, возможно, пассажир, которому удалось спастись, но потом понял, что просто отразился в алюминизированном металде всплеск в водоеме у него за спиной.

Он обернулся и увидел, что Грейнджер по колено в воде, стоявший в десяти футах от него, пристально в нее вглядывается.

— Вы что-нибудь бросили? — спросил Грейнджер. Холлидей покачал головой:

— Нет.

Не думая, что говорит, он добавил:

— Наверно, это рыба прыгнула.

— Что-что? Рыба? На всей планете не осталось ни одной. Весь этот зоологический класс вымер еще десять лет назад. Да, странно.

И тут рыба снова подпрыгнула.

Несколько мгновений, стоя неподвижно в полумраке, они смотрели, как ее тонкое серебристое тело выскакивает из тепловатой мелкой воды и, описывая короткие блестящие дуги, мечется по водоему.

— Морская собака, — пробормотал Грейнджер. — Из семейства акул. Высокая способность к адаптации — ну, да это, впрочем, и так достаточно очевидно. Черт побери, вполне возможно, что это последняя рыба на Земле.

Холлидей спустился вниз, глубоко увязая в глине.

— А вода разве не слишком соленая?

Грейнджер нагнулся и, зачерпнув ладонью, с опаской попробовал ее на вкус.

— Соленая, но не чрезмерно.

Он оглянулся через плечо на озеро.

— Возможно, вода, постоянно испаряясь с поверхности озера, потом конденсируется здесь. Своеобразная перегонная установка — каприз природы.

Он шлепнул Холлидея по плечу:

— Довольно интересно, Холлидей!

Морская собака ошалело прыгала к ним, извиваясь всем своим двухфутовым телом в воздухе. Из-под воды выступали все новые и новые глинистые отмели; только в середине водоема воды было больше чем на фут.

Холлидей показал на место в пятидесяти ярдах от них, где берег был разворочен, взмахом руки позвал Грейнджера за собой и побежал.

Через пять минут пролом был уже завален. Потом Холлидей вернулся за джипом и осторожно повел его по извилистым перешейкам между водоемами. Доехав до водоема, где была рыба, он опустил щит, закрепленный на переднем бампере, снова сел в машину и, маневрируя вокруг водоема, начал сбрасывать в воду глину. Через два или три часа диаметр водоема стал почти вдвое меньше, зато уровень воды поднялся до двух с лишним футов. Морская собака больше не прыгала, теперь она спокойно плавала у самой поверхности воды, молниеносными движениями челюстей захватывая бесчисленные мелкие растения, которые джип сбросил в водоем вместе с глиной. На ее удлиненном серебристом теле не видно было ни единой царапины, а небольшие плавники были упругими и сильными.

Грейнджер сидел, прислонившись к ветровому стеклу, на капоте джипа и с восхищением наблюдал за действиями Холлидея.

— Да, в вас, бесспорно, есть скрытые ресурсы, — изумленно сказал он. — Никак не думал, что такое вам свойственно.

Холлидей вымыл в воде руки, потом шагнул через полосу глины, которая теперь окружала водоем. Всего в нескольких футах у него за спиной резвилась в воде морская собака.

— Хочу, чтобы она жила, — сухо сказал Холлидей. — Вы только вдумайтесь, Грейнджер, и вам это станет ясно: когда двести миллионов лет назад из морей выползли на сушу первые земноводные, рыбы остались в море точно так же, как теперь остаемся на Земле мы с вами. В каком-то смысле рыбы — это вы и я, но только как бы отраженные в зеркале моря.

Он тяжело опустился на подножку джипа. Одежда его промокла и была вся в потеках соли, и он тяжело дышал: воздух был влажным. На западе стал виден вздымающийся с морского дна длинный силуэт Флориды — его верх уже освещали несущие губительное тепло солнечные лучи.

— Ничего, если оставим ее здесь до вечера?

Грейнджер взобрался на сиденье водителя.

— Все будет в порядке. Поедьте, вам нужно отдохнуть.

Он показал на нависающий над водоемом край космической платформы:

— Загородит на несколько часов, так что здесь будет не слишком жарко.

Они въехали в поселок, и Грейнджер теперь то и дело замедлял ход, чтобы помахать рукой старикам, покидающим свои крылечки, плотно закрывающим ставни на окнах металлических домиков.

— А Буллен? — озабоченно спросил он Холлидея. — Ведь он наверняка вас ждет.

— Улететь с Земли? После этой ночи? Исключено.

Грейнджер уже останавливал машину у «Нептуна». Он покачал головой.

— Не слишком ли большое значение придаете вы одной морской собаке? Когда-то их были миллионы, океаны буквально кишели ими.

— Вы упускаете главное, — сказал Холлидей, усаживаясь поудобнее на сиденье и пытаясь стереть с лица соль. — Эта рыба означает, что на Земле еще что-то можно сделать. Земля, как выясняется, еще не истощилась окончательно — не умерла. Мы можем вырастить новые формы жизни, создать совершенно новую биосферу.

Грейнджер вошел в бар за ящиком пива, а Холлидей, оставшись за рулем, сидел, устремив взгляд на нечто такое, что было доступно только его внутреннему зрению. Грейнджер вышел из бара не один — с ним был Буллен.

Чиновник из управления эмиграции поставил ногу на подножку джипа и заглянул в машину.

— Ну, так как, Холлидей? Мне бы не хотелось больше здесь задерживаться. Если это вас не интере-

сует, я отправлюсь дальше. На новых планетах расцветает жизнь, и это только начало — первый шаг к звездам. Том Джуранда и парни Мерриузеров улетают на следующей неделе. Хотите составить им компанию?

— Простите, не хочу, — коротко ответил Холлидей, втащил ящик пива в машину, дал газ, и в ревящем облаке пыли джип понесся по пустой улице.

Через полчаса, освеженный душем, уже не изнывая так от жары, он вышел на крышу отеля в Айдл-Энде и проводил глазами вертолет, который, прострелотав у него над головой, унесся за поросшие ламинариями равнины по направлению к потерпевшей крушение платформе.

— Так поедьте же скорей! В чем дело?

— Возьмите себя в руки, — сказал Грейнджер. — Вы уже теряете над собой контроль. Так можно перегнуть палку — вы убьете несчастную тварь своей добротой. Что у вас там?

Он показал на консервную банку, которую Холлидей поставил в ящик под приборной доской.

— Хлебные крошки.

Грейнджер вздохнул, потом мягко закрыл дверцу джипа.

— Ну и тип вы, скажу я вам! Серьезно. Если бы вы так заботились обо мне! Мне тоже не хватает воздуха.

До озера оставалось еще миль пять, когда Холлидей, сидевший за рулем, подался вперед и показал на свежие отпечатки шин в мягкой соли впереди, перетекающей через дорогу.

— Кто-то уже там.

Грейнджер пожал плечами:

— Ну и что? Наверно, решили посмотреть на платформу. — Он тихонько фыркнул. — Ведь наверняка вы захотите разделить ваш новый Эдем с кем-нибудь еще? Или это будете только вы и ваш консультант-биолог?

Холлидей смотрел в ветровое стекло.

— Меня раздражают эти платформы, — сказал он, — их сбрасывают на Землю, как будто это какая-то свалка. И все же, если бы не платформа, которая сюда упала, я бы не наткнулся на рыбу.

Они доехали до озера и начали пробираться на джипе к водоему, где осталась рыба; впереди, исчезая в лужах и снова возникая, виднелся след другой машины. Чужой автомобиль стоял, не доехав двести ярдов до платформы, и загоразивал им путь.

— Это машина Мерриузеров, — сказал Холлидей, когда они обошли вокруг большого облезлого «бьюика», исчерченного полосами желтой краски, снабженного наружными клаксонами и разукрашенного флажками. — Наверно, оба здесь.

Грейнджер показал рукой в сторону:

— Вон, один уже на платформе.

Младший из двух братьев стоял наверху, на самом краю платформы, и паясничал, а его брат и Том Джуранда, высокий, широкоплечий парень в куртке кадета космического флота, бесновались около водоема, в котором Холлидей оставил рыбу. В руках у них были камни и большие комки соли, и они швыряли их в водоем.

Холлидей, бросив Грейнджера, сорвался с места и, истошно вопя, помчался к водоему. Те, слишком поглощенные своим занятием, продолжали кривляться и забрасывать водоем импровизированными гранатами, а наверху младший Мерриуэзер восторженными воплями выражал им свое одобрение. Вот Том Джуранда пробежал по берегу несколько ярдов и начал, разбрасывая комья, разбивать ногами невысокий глиняный накат, сделанный Холлидеем вокруг водоема, а потом снова стал бросать в водоем камни.

— Прочь отсюда! Джуранда! — заревел Холлидей. — Не смей бросать камни!

Тот уже размахнулся, чтобы швырнуть в водоем ком соли с кирпич величиной, когда Холлидей схватил его за плечо и повернул к себе так резко, что соль рассыпалась дождем влажных мелких кристаллов; потом Холлидей метнулся к старшему Мерриуэзеру и дал ему пинка.

Водоем иссяк. Глиняный вал рассекала глубокая канава, и по ней вода уже ушла в соседние водоемы и впадины. Внизу, в самой середине, среди камней и соли еще билось в луже воды, которая там оставалась, изуродованное тело морской собаки. Из ран, окрашивая соль в темно-красный цвет, хлестала кровь.

Холлидей бросился к Джуранде, яростно затряс его за плечи.

— Джуранда! Ты понимаешь, что ты натворил, ты...

Чувствуя, что у него больше нет сил, Холлидей разжал руки, спустился, пошатываясь, в водоем и, отбросив ногой несколько камней, остановился над рыбиной; она судорожно дергалась у его ног.

— Простите, Холлидей, — нерешительно пробормотал у него за спиной старший из Мерриуэзеров. — Мы не знали, что эта рыба ваша.

Холлидей отмахнулся, и руки его бессильно повисли. Растерянный, сбитый с толку, он не знал, как дать выход обиде и гневу.

Том Джуранда захохотал и выкрикнул что-то издевательское. Для юношей напряжение спало, они повернулись и побежали наперегонки через дюны к своей машине, вопя во все горло и передразнивая возмущенного Холлидея.

Грейнджер дождался, пока они пробегут мимо, потом подошел к яме посреди водоема; когда он увидел, что воды там нет, лицо его искривилось в болезненной гримасе.

— Холлидей! — позвал он. — Пойдемте.

Не отрывая глаз от тела морской собаки, Холлидей покачал головой.

Грейнджер спустился к нему и стал рядом. Послышались гудки, потом слабеющий шум мотора — «бьюик» уезжал.

— Чертовы мальчишки. — И Грейнджер мягко взял Холлидея за локоть. — Простите, но это не конец света.

Наклонившись, Холлидей протянул руки к морской собаке, которая теперь уже не двигалась; глина вокруг нее была залита кровью. Руки на миг остановились в воздухе, потом снова опустились.

— Ведь тут ничего нельзя сделать? — сказал он, словно обращаясь к самому себе.

Грейнджер осмотрел рыбу. Если не считать большой раны в боку и раздавленной головы, кожа нигде не была повреждена.

— А почему бы не сделать из нее чучело? — задумчиво сказал Грейнджер.

Холлидей уставился на него, словно не веря своим ушам; лицо его задергалось. Молчание длилось несколько мгновений. Потом, вне себя от гнева, Холлидей закричал:

— Чучело? Да вы что, спятили? Может, и из меня сделать чучело, набить голову соломой?

Он повернулся и, толкнув плечом Грейнджера, будто его не видя, выскочил наверх.

Лорд Дансени

СРЕДСТВО ДОКТОРА КЕЙБЕРА

Однажды у нас в бильярдном клубе зашел разговор о том, можно ли совершить безнаказанное убийство. Тема эта довольно избитая, и хотя мне до сих пор не совсем понятно, почему люди проявляют к ней такой интерес, говорили мы именно о безнаказанном убийстве. Одни утверждали, что совершить его легко, другие — что, наоборот, трудно, но повторять аргументы тех и других едва ли есть необходимость — об этом и так предостаточно тарыхтят по радио. Скажу только, что тогда, в клубе, сторонники мнения, что безнаказанное убийство почти невозможно, брали верх, и весь клуб был уже готов признать их правоту, когда послышался голос Джоркенса:

— Кажется, я уже говорил вам о докторе Кейбере, которого я когда-то знал. Теперь он, бедняга, уже

не практикует; и, пожалуй, я не причиню ему никакого вреда, если скажу, что он успешно совершил абсолютно безнаказанное убийство. Правда, надо признать, что такого рода дела были вполне по его части. Из этого вовсе не следует, что он был убийца, — нет, этого бы я о нем не сказал, но он пользовался большим доверием у людей, которые таковыми были, и они часто с ним советовались, и ему, обладателю одной из самых изобретательных голов нашего времени, удавалось во многом им помогать. Об одной из форм, которые принимала его помощь, я вам, по-моему, уже рассказывал. В основном он помогал преступникам тем, что вызволял их из беды, когда они в нее попадали, — дурачил бедный старый Закон, что, в общем-то, не осуждается. Но в случае, о котором я рассказываю, доктор Кей-

бер, когда к нему обратились, сказал, что не хочет иметь никакого отношения к этому делу, поскольку то, о чем его просят, нарушает как его собственные принципы, так и закон. Тогда цену подняли, и, наконец, доктор Кейбер с неохотой согласился — он идет на это, сказал он, только, чтобы сделать им одолжение.

— Идет на что? — спросил Тербут.

— Сейчас я вам расскажу, — сказал Джоркенс. — Был один тип с безупречным английским произношением, правильными документами и вескими основаниями для того, чтобы жить в Англии. Крепкий орешек: кто-то сказал о нем, что он немец, и вынужден был заплатить большую компенсацию за нанесенный тому моральный ущерб. Звали его Норман Смит, и у этого Смита был мотоцикл, и на нем он разъезжал по дорогам, особенно около аэродромов, не покидая дорожной полосы и как будто не делая ничего подозрительного. Он узнавал таким путем очень многое и однажды раскрыл тайну, касавшуюся самолетов в одном районе... пожалуй, самую важную, какую он только мог раскрыть. Шел 1938 год.

— Что же там были за самолеты? — спросил Тербут.

— А никаких самолетов и не было, — ответил Джоркенс. — Это-то и была страшная тайна. Ее знали только несколько человек. В обширном районе на востоке Англии на аэродромах не было ни одного военного самолета, и даже в случае крайней необходимости мы смогли бы перебросить туда всего лишь несколько боевых машин. Сумеет он передать эту тайну домой, туда, откуда он прибыл, мы бы оказались на милости тех господ, которые создали Бельзен. Обо всем этом было сразу доложено нашему правительству, но оно в то время занималось другими делами, и тогда те, кто наблюдал за Норманом Смитом, решили обратиться к доктору Кейберу, и Кейбер, как я уже сказал, вначале не захотел им помочь, но потом им удалось его уговорить. И тогда Кейбер попросил, чтобы ему изложили все факты дела, и после того, как ему все рассказали, он долго сидел, не говоря ни слова, покуривая свою странную трубку, вырезанную из какого-то индийского дерева; а потом он ознакомил их со своим замечательным планом — или, точнее, с той его частью, с которой, по его мнению, их ознакомить следовало.

Нельзя сказать, чтобы мы в то время были совсем лишены ушей и глаз — за Смитом неплохо присматривали и так же надежно присматривали за его перепиской; но не было законного способа помешать ему вернуться в Германию, приветствовать Гитлера и рассказать заинтересованным лицам о слабых местах в нашей обороне. К сильным местам в ней он, к сожалению, не проявлял, поэтому арестовать его мы не могли. Норман Смит умел действовать, не нарушая буквы закона, и мысль о моих друзьях, которые, конечно, ее нарушали, его особенно не тревожила; однако кое-какие меры предосторожности он все же принимал, и главной из этих мер была огромная немецкая овчарка, о которой и было рассказано доктору Кейберу, — хорошая свирепая собака бельзенской выучки, из тех, при помощи которых немецкие дамы

поддерживали дисциплину среди заключенных женщин. У Нормана Смита был дом в Хертфордшире, и в нем он и держал свою овчарку — на случай, если бы кому-нибудь взбрело в голову ночью туда вломиться. Кейбер задал об этой свирепой собаке много вопросов, поэтому мои друзья решили, что он думает ее отравить, и один из них даже намекнул, что за такой примитивный план едва ли стоит платить столько денег. Но было глупо думать, что доктор Кейбер мог бы сохранить свою популярность у хозяев преступного мира, если бы планы, которые он составлял, были по плечу любому специалисту по части кражи собак. Кстати, отравить овчарку было бы совсем нелегко, потому что ее охраняли приставленные к ней Норманом Смитом две или три злые дворняги — как эсминцы, оберегающие линкор. Все упиралось в эту овчарку, и похоже было, что нет никакого способа управиться с нею ночью, а дневной работы мои друзья в то время избегали. Теперь надо сказать, что среди фактов, которые они сообщили доктору Кейберу, был следующий: довольно часто Норман Смит ездит к морю и останавливается там в каком-нибудь большом отеле. Прямо удивительно, как все шпионы любят море! Услышав об этой привычке Нормана Смита, доктор Кейбер о чем-то задумался и наконец сказал: «Там вам и придется все проделать. Взять овчарку с собой в отель он не сможет». — «Но туда не сможем пробраться и мы, — возразили мои друзья. — Если в отеле не будет его собаки, то наверняка будут швейцар и коридорные». — «Тогда вам придется проделать все днем, — сказал доктор Кейбер, — когда он отправится погулять». — «Мы не любим заниматься такими делами днем», — сказал один из пришедших. Доктор Кейбер поднял на него глаза. «Да ведь вы еще не знаете, о каких делах идет речь», — сказал он. «Так о каких же?» — спросили они. «За ним пойдут следом два или три человека, затеют потасовку и уколуют небольшой иглой».

«Я не люблю яда, — сказал один из пришедших, — его всегда можно обнаружить». Глаза у доктора Кейбера округлились. «Друзья мои, — сказал он, — вы что же, думаете, я ребенок?» — «Все равно, яд всегда можно обнаружить», — упорствовал тот. «Но кто вам сказал, что это будет яд?» — спросил доктор Кейбер. «А если не яд, то зачем игла?» — спросили они. «Вы уколете его ею, совсем неглубоко, — сказал доктор Кейбер, — впрыснете немножко безвредной жидкости, которая будет в шприце, и ваши люди (двое, а еще лучше трое) убегут прочь. Он тут же возбудит дело о нападении на него, и полиция начнет розыски. Но поскольку никаких телесных повреждений у Нормана Смита не обнаружат и доказать полиции, что его укололи, он не сможет, заниматься его делом будет только местная полиция, а не полиция графства и не Скотленд-Ярд, как было бы в случае убийства». — «Что вы, мы понимаем — ни о каком убийстве здесь речи быть не может, — сказал один из моих друзей. — Но все же интересно, как на него подействует укол». — «Да никак, — отозвался доктор Кейбер. — И лучше проделайте это сразу после его приезда на побережье — тогда у полиции будет время убедиться, что никакого вреда никто ему не причинил». — «Ну, а что все это

даст?» — спросили без обиняков у доктора Кейбера. «А то, — сказал Кейбер, — что сразу по возвращении домой или чуть позже он случайно умрет». — «Это распутают», — сказал человек, не любивший яда. «Как вам нравится моя комнатка?» — спросил неожиданно доктор Кейбер. — Я живу здесь уже давно и очень к ней привык, но что скажете о ней вы?» — «Какое отношение имеет это к нашему делу?» — «Никакого», — ответил доктор Кейбер, — но если бы то, что я делаю, распутывали, я бы, возможно, сейчас здесь не жил. Я не утверждаю, что точно не жил бы, но вполне возможно, что мне пришлось бы переехать на другую, менее удобную квартиру». Этот довод почему-то заставил их умолкнуть. А потом один из них сказал: «Вы говорили, что никакого вреда укол ему не причинит». — «Абсолютно», — подтвердил доктор Кейбер. «Но по возвращении домой он умрет». — «Наверняка», — сказал Кейбер. «Но тогда я не совсем понимаю...» — «Не будем приставать к доктору Кейберу — я думаю, он знает, что делать», — перебил сомневавшегося другой. Так они в конце концов и поступили. Что же до Нормана Смита, то он, как и ожидали, примерно через неделю поехал на море и остановился в большом отеле. В Хертфордшире он оставил человека кормить его овчарку и трех дворняг, приставленных ее охранять. В первое же утро своего пребывания у моря Норман Смит отправился на прогулку, и у площадки для гольфа поссорился с какими-то тремя гуляющими, и побежал в полицию, и там заявил, что подвергся нападению и ему впрыснули что-то смертельное. Он показал на руке точку, как от укула булавкой,

и утверждал, что сразу после нападения обнаружил около места укула каплю жидкости, запахом напоминающей пот. И полиция пригласила двух врачей, и те провели анализы и обследования, и результаты обследований показали, что Норман Смит совершенно здоров. И к концу недели все, во всяком случае полиция, успокоились, и каких-нибудь нитей, которые бы к кому бы то ни было вели, обнаружено не было. Когда речь идет о ядах, концы таких нитей всегда находятся, и их найти еще легче, когда речь идет о разных бактериальных штуках, потому что эти последние встречаются еще реже, чем яды; ну, а если речь идет о каком-нибудь неизвестном яде, то такое встречается совсем редко, и полиции очень скоро удастся напасть на след.

— Что же все-таки произошло? — спросили мы.

— Набравшись сил, Норман Смит отправился к себе домой, в Хертфордшир, — ответил Джоркенс, — в приподнятом настроении благодаря добытой информации, не знаю точно, какой, но, видно, той, за которой шпионы отправляются на берег моря. И в день приезда немецкая овчарка его загрызла.

— Да, это действительно безнаказанное убийство, — сказал Тербут, — если только мы имеем право назвать убийцей собаку.

И один из нас растерянно проговорил:

— Но мне не совсем понятно... При чем тут Кейбер?

— Средство было очень тонкое, — ответил Джоркенс. — Совершенно безвредное, как доктор Кейбер и говорил. Но оно изменило запах Нормана Смита. Ну а какая немецкая овчарка могла бы с этим примириться?

Артур Селлингс

РУКА ПОМОЩИ

— Доброе утро, мистер Грант, — приветствовал его доктор Майер. — Рад вас здесь видеть.

— Доброе утро, — буркнул Грант, опускаясь в предложенное кресло. — Не могу сказать, правда, чтобы это так же радовало и меня.

— Вас можно понять, — мягко сказал врач.

— Но раз уж я здесь — так и быть, спрашивайте, ревновал ли я своего отца.

— Вы считаете, что любая попытка к самоубийству обязательно связана именно с такого рода вещами? — улыбнулся психиатр.

— Нет, не считаю. Но разве не с этого начинают ваши коллеги? Вы под стать юристам — все усложняете, чтобы было больше работы. А ведь все равно не докопаетесь. Я мог бы сказать вам и сам, но чего ради? Все равно вы не сможете мне помочь. Никогда бы я к вам не пришел, если бы меня не заставил суд.

Доброжелательные карие глаза психиатра глядели на Гранта с сочувствием. Когда он наконец умолк, доктор Майер сказал:

— Я понимаю вас, мистер Грант.

— И не думайте, — теперь Грант почти кричал, — что если меня послал суд, то я нуждаюсь в чьей-то благотворительности! Дайте счет, когда закончите, и я уплачу вам сполна!

— Спасибо, — с улыбкой ответил психиатр, — побольше бы таких больных. Но дело не в этом. Без вашей помощи я не смогу ровным счетом ничего для вас сделать. Мне придется написать на вашей карте: «От лечения отказывается», и вас, мистер Грант, поместят в психиатрическую больницу. Не я помешу, а закон, чтобы обезопасить вас от самого себя. Вы это понимаете?

Грант смотрел на него исподлобья. Вдруг лицо его дернулось, и он закрыл глаза руками.

Потом отнял руки от лица и сказал:

— Ваша взяла. Простите меня, Бога ради, — тот наглый субъект, который только что с вами разговаривал, на самом деле вовсе не я.

— Я знаю. Я видел, что это только личина — мы все ее носим.

— А если она приросла и от нее не избавиться? —

с горечью спросил Грант. — Вот в чем моя беда. Ведь я... — Он запнулся. — Простите — вы, верно, хотите спрашивать меня сами.

— Нет-нет, говорите! Выбросьте из головы представление, будто мы, психиатры, склонны все усложнять. Конечно, может оказаться, что рассказанное вами не имеет прямого отношения к подлинным вашим трудностям... но посмотрим. Говорите, прошу вас.

— Хорошо, но мой рассказ вам покажет, как мало общего у меня с тем грубияном, которого вы только что перед собой видели. Преуспевающий бизнесмен, энергичный делец — да ведь все это обман! Знаете, кто я на самом деле? Человек, который себя предал. Человек, который зря прожил жизнь.

— Никто не живет зря. — Взгляд психиатра скользнул по раскрытой перед ним папке. — Агент по продаже типографского оборудования — разве это не полезная, нужная обществу работа?

— Оставьте, мне приходится это слышать на каждом банкете.

— Но разве это не правда?

Грант пожал плечами.

— Да — для тех, кто в это верит. Но не для тех, кто мог бы добиться в жизни чего-то действительно стоящего.

— Стоящего? Что вы имеете в виду?

— Стать художником, например.

— Понимаю. Но не кажется ли вам, что это неизбежное следствие выбора пути — чувствовать порой, что путь выбран не тот?

— Я не чувствую — знаю. И это не мимолетное ощущение — я испытываю его уже много лет, и оно все крепнет. Сначала, когда я еще только пробивал себе дорогу, оно меня особенно не тревожило. Но теперь, когда я кое-чего достиг и у меня все больше свободного времени для размышлений, теперь я могу оглядеться в мире, который сам для себя создал, и меня тошнит от него, от его пустоты, от его абсолютной, дьявольской, бесцельности.

Доктор сочувственно кивнул:

— Наверное, вы и в самом деле очень хотели стать художником. Что же вам помешало?

— Что мешает расти на камне цветку? Как будто ничто не мешало, разве что бедность. Бедность настоящая, отчаянная. Отец был не бог весть какой работник. Он часто болел — так, во всяком случае, он называл свое состояние. Зарботка ему хватало только на выпивку. Выпьет — и «заболеет» снова. Ничто, кроме выпивки, его не интересовало. Для него не было различия между картиной и... чем угодно другим. Он знал одно: чтобы заниматься искусством, нужны холсты, краски и кисти, а они стоят денег. Ну, а мать... она работала столько, что ни на что другое сил у нее не оставалось.

— А в школе вас разве не поощряли?

Грант презрительно рассмеялся.

— Ну и вопрос! Вы ходили когда-нибудь в городскую школу? Из тех, что были прежде? В них пахло дешевым мылом, классы были переполнены, а учителя получали нищенское жалованье. Мы рисовали стулья, поставленные один на другой, и цветы. Учителя рисо-

вания был убежден, что искусство — это точное копирование. Я и сейчас вижу его перед собой: глухой, в огромных черных ботинках, из носа торчат кустики волос. Судя по всему, он считал себя отменным преподавателем, но я его ненавидел. Однажды я попытался нарисовать цветок таким, каким его воспринимал, и учитель поставил мне единицу! И еще добавил, что, если бы не хорошо наложенная краска, я и единицы не заслужил бы. А потом он показал мою работу классу, и все смеялись.

Грант прикрыл глаза рукой. Когда он опустил ее, она дрожала.

— Столько лет прошло, а до сих пор больно вспоминать.

— Такие вещи ранят порой очень сильно, — негромко сказал врач.

— Если бы дело было только в этом! Уж какой-нибудь выход я бы нашел. После того случая я стал рисовать так, как требовал учитель, но без особого прилежания, ниже своих возможностей — мне не хотелось, чтобы он ставил меня в пример другим как раскаявшегося грешника. Но дома я рисовал предметы такими, какими их видел, и вкладывал в это занятие всю свою душу. Я твердо знал: когда вырасту, буду художником. Другого я себе даже представить не мог. Не боксером, не машинистом — только художником! Я никому не говорил — говорить было некому, — но стать я собирался художником, и больше никем.

Он вздохнул, и отзвуки тяжелого вздоха пронеслись сквозь наступившее молчание, словно сквозь годы, минувшие с той далекой поры.

— Но я им не стал. Сразу после школы устроился на работу — надо было приносить в дом деньги. Попытался было откладывать хоть немного на холст и другие принадлежности для занятий рисунком, но отложенные деньги всегда приходилось тратить на что-то другое. На искусство оставалось все меньше и меньше, и наконец я вынужден был и вовсе прекратить занятия живописью. Не помню, чтобы я тогда об этом жалел. Решил — как будет, так будет. В то время я стремился любой ценой выкарабкаться из нищеты. Меня тошнило от бедности — от ее вида, ее злобности, ее мерзкого привкуса. Я сказал себе: потом я смогу заняться искусством снова. Но этого так и не произошло.

— Но ведь вам всего... позвольте, сколько вам лет? Пятьдесят четыре. Еще не поздно, разве не так? В конце концов, Гоген и бабушка Мозес тоже начинали не юнцами.

— Как вы не понимаете! Исчезло видение — его стерли сорок лет купли-продажи, расчета, погони за прибылью. Не думайте, что я не пытался начать заново — пытался: часами, днями, даже неделями. Но сорок лет назад произошло непоправимое — у меня был дар, было свое видение, и я убил их. И самое обидное, что я знаю: при других обстоятельствах я бы добился успеха. Но вокруг меня была пустота. Хоть бы одно слово одобрения, хоть бы один голос сказал, что я не должен бросать искусство. — но ничего похожего услышать мне не пришлось. А ребенку трудно удержать мечту, когда все вокруг твердит: это блажь.

— Понимаю.

— Вот почему вы не можете помочь мне ничем,— грустно сказал Грант.— Ни вы, ни кто другой. Нельзя мне помочь, если я сам себя предал. Ведь выходит, я одновременно и жертва и убийца.

Врач откинулся в кресле и молча разглядывал потолок.

— Вот и вся история,— сказал Грант.— При желании можете истолковать ее по-своему, но я-то знаю, что это святая правда. Потому и есть только один выход — тот, которым я не сумел воспользоваться.

Психиатр перевел взгляд на Гранта.

— Пожалуй, вы правы,— сказал он, внятно выговаривая каждое слово.— Правы в первом своем утверждении. Депрессию, сопровождающуюся стремлением к самоубийству, вызывают подчас и куда менее важные причины. Но что касается второго утверждения, то здесь вы заблуждаетесь. Не исключено, что есть выход. Допустим... Что, если вам представится возможность снова выбрать жизненный путь?

— Но ведь я объяснял — теперь поздно.

— Теперь — да. Но вы сказали, что вам было бы достаточно услышать в детстве хоть слово одобрения. Не хотите ли вернуться назад, чтобы сказать самому себе это слово?

От изумления у Гранта округлились глаза.

— Послушайте, если это новый вид шоковой терапии, то в данном случае вы смело можете о нем забыть.

— Я говорю совершенно серьезно.

— Но тогда это уже не психиатрия, а путешествие в прошлое!

— Вот именно.

— Но ведь это чистейшая фантастика!

— Отнюдь, уверяю вас. Я могу вернуть вас в ваше детство, и вы встретите там самого себя.

— И где же ваша машина времени? — насмешливо спросил Грант, обводя взглядом комнату.

— А для того чтобы перейти из сегодняшнего дня в завтрашний, вам непременно нужна такая машина? Нить вашего времени спрядена из вашего личного опыта. Вы сами ее творите, и вы можете вернуться по ней вспять, если я дам вам возможность сделать это с помощью одного лекарства.

— Значит, речь идет о медицинском препарате? Майер кивнул.

— Но как я смогу изменить прошлое? Ведь никакой препарат не в состоянии перенести меня туда физически. Каким же образом могу я хоть что-то в нем изменить?

Психиатр улыбнулся.

— Мистер Грант, вы же сами пытались когда-то изображать реальность, недоступную зрению других. Время не менее реально, нежели сама реальность, оно, если можно так сказать, сверхреально. Неужели вы не признаете реальности воспоминаний только потому, что они не поддаются физическому измерению? А ваши надежды и опасения по поводу того, что будет завтра? И если сейчас вчерашний день для вас только сон, то чем он был вчера? Но я не могу все это объяснить — это завело бы нас слишком далеко, да к

тому же и сам я не очень в этом разбираюсь. Прошу вас лишь об одном — чтобы вы мне поверили.

Взгляд Гранта встретился со взглядом Майера, но психиатр не отвел глаз. Боязнь оказаться жертвой мистификации исчезла у Гранта, уступив место надежде, а та в свою очередь снова сменилась страхом, но уже другим.

— Тут есть свои противоречия,— заговорил он.— Помню, я читал статью о парадоксах, связанных с путешествиями во времени. Если бы я вернулся назад и изменил течение своей жизни, значит, не появился бы у вас, а тогда бы и не вернулся назад. Получается порочный круг.

— Ничего подобного. Вы пришли ко мне — и это непреложный факт. Возвращаясь назад, вы как бы пройдете жизненный путь в обратном направлении. Если вы добьетесь того, к чему стремились, то с момента, когда это произойдет, для вас начнется новая жизнь. И тогда встреча наша произойдет на том пути, к началу которого вы вернетесь, а не на том, которым вы пойдете с момента возвращения в прошлое.

— Но... я, такой, какой я есть, вернусь сюда снова? То есть не появятся ли вместо меня одного двойники, один из которых пришел к вам, а другому к вам приходило бы незачем?

— Нет — просто вы, такой, какой вы есть, станете таким, каким должны были стать. Вы единственны, другого вас нет, исключая ситуацию, когда вы отправляетесь в прошлое и встречаете себя в молодости. Но ведь даже при обычном течении времени мы сохраняем возможность влиять на ход нашей жизни.

— Если... если я вернусь назад и изменю ход своей жизни, не изменится ли от этого потом и все остальное, хотя бы чуть-чуть? Но со временем последствия могут стать огромными.

— Мы себе кажемся такими важными,— вполголоса, словно говоря с самим собой, сказал психиатр.— Каждый из нас думает, что от его поступков зависят судьбы всего мира.

— «Не было гвоздя — кобыла пропала»...

Майер улыбнулся.

— Это не должно вас тревожить. Думаю, что никаких битв не будет ни выиграно, ни проиграно — кроме вашей собственной.

— Но уж очень все фантастично! — с нервным смешком сказал Грант.— Если получится, вы никогда больше меня не увидите, я не смогу заплатить вам гонорар и, может быть, вообще буду жить где-нибудь на другом конце света. Правильно?

Врач рассмеялся.

— Тогда, пожалуй, лучше, если вы заплатите мне прямо сейчас.

Грант достал из кармана чековую книжку, раскрыл ее и вдруг замер:

— Но... у моего второго «я», наверное, не будет счета в том же банке? Или будет? Черт возьми, совсем запутался!

— Я пошутил — оставим гонорар в покое. Честно говоря, это лечение совсем новое, и возможность его применить для врача уже сама по себе награда. Может быть, вы уже поняли, что суд не случайно на-

правил вас именно ко мне, а не к какому-нибудь другому врачу. Итак, вы согласны?

Грант перевел взгляд на пол и натянуто улыбнулся.

— Пожалуй.

— Прекрасно. Прилягте, пожалуйста, на кушетку и закатайте рукав.

Да, все было точно таким, каким он помнил. И школа такая же, только теперь она казалась меньше, чем прежде, — но ведь это вполне естественно?

У бакалейной лавчонки напротив школы он замедлил шаг. На витрине, как всегда, высились горки дешевых конфет в ярких обертках. Он посмотрел на часы — двадцать пять минут пятого, через пять минут дети начнут выходить из школы. Повинуясь внезапному порыву, он шагнул в лавку, пригнувшись, чтобы не удариться о притолоку.

Да, перед ним все тот же старый... как же его зовут? Вспомнил — Хэггерти! Настоящий, живой!

Грант попросил у старика леденцов, но едва он договорил, как его пронизала тревожная мысль — и мистер Хэггерти, уже протягивая кулек, с удивлением увидел, что покупатель разложил на ладони мелочь и перебирает ее, внимательно разглядывая каждую монетку. Обнаружив наконец достаточно старую, чтобы его можно было расплатиться, Грант с облегчением вздохнул. «Не было гвоздя»... Он взял протянутый ему кулек с леденцами. Мысль, только что пронизавшая его, — о том, что большинство монет у него в кармане еще не отчеканено, — как луч прожектора, осветила фантастичность всего происходящего.

Но все обошлось! Он сунул в рот леденец и вышел на улицу. Приторный до тошноты вкус был вполне реален. И подумать только — такая гадость могла когда-то ему нравиться!

И тут с шумом и криками из школы выпала детвора. Грант отступил в сторону, чтобы дать дорогу этой лавине, и в тени у стены школьного здания стал ждать.

Юный Джимми Грант вышел одним из последних. Он шел один. Можно было подумать, что видишь сон. И взрослый Грант с изумлением понял, что если бы он встретил себя случайно, он бы никогда себя не узнал. Он прошел бы мимо, и ему бы в голову не пришло, что это он сам и есть. Да и теперь он узнал себя скорее по ярко-зеленой фуфайке, полученной от благотворительной организации. Из прошлого (или настоящего?) всплыло воспоминание о том, как он не любил ее надевать.

Грант шагнул вперед:

— Послушай!

— Что? — обернулся мальчик.

Внезапно Грант оробел.

— Э-э... можно, я тебя провожу?

Мальчик посмотрел на него с подозрением. Грант мысленно обругал себя за принужденность тона. Ведь детей все время предупреждали, чтобы с незнакомыми людьми они не разговаривали. Мать предупреждала и его, этого мальчика, шедшего сейчас по улице, которую так хорошо помнил Грант — человек, догнавший мальчика и теперь шагавший с ним рядом.

— Вот, — заговорил он, стараясь не показать, как волнуется, — леденцов хочешь?

Мальчик посмотрел на кулек. Искушение было слишком велико — не так уж часто мог он покупать себе конфеты.

— Спасибо, — ответил мальчик. — Мои любимые.

— Я знаю, — сказал Грант и прикусил язык, увидев, с каким удивлением посмотрел на него мальчик. — То есть... они и мои любимые. Возьми еще. Да бери весь кулек.

— Но ведь вы тоже их любите?

— Пустяки, куплю еще, если захочу.

К тому времени, когда они дошли до угла, мальчик уже рассказывал о своих занятиях живописью. Чтобы добиться этого, Грант спросил, чем он любит заниматься, и, не дожидаясь ответа, высказал предположение, что, вероятно, он занимается живописью.

— Как вы догадались? — спросил мальчик, от изумления широко открыв глаза.

Гранту почему-то вдруг стало стыдно — как будто его уличили в обмане.

— У тебя вид... как у мальчика, который занимается чем-нибудь таким, творческим, — сказал он, отчаянно себе твердя, что это не обман, а нечто совершенно обману противоположное — исправление несправедливости.

— Вы художник? — взволнованно воскликнул мальчик.

— Нет, — ответил Грант, и собственные слова звучали для него так, словно доносились откуда-то издали. — Но всегда хотел им быть. Всю жизнь жалел, что не стал художником.

— А почему не стали?

— Потому что... считал более важным другое. Но важнее этого нет ничего на свете, ты понимаешь? Даже если трудно, даже если над тобой смеются.

— Вы и вправду так думаете?

Мальчик смотрел на него восторженно и благодарно. Грант отвернулся.

— Что-нибудь... что-нибудь не так? — встревоженно спросил мальчик.

— Нет, ничего. — ответил Грант, поворачиваясь к нему снова. — Мне хотелось бы взглянуть на твои работы. Покажешь?

Мальчик вспыхнул:

— Что вы, это же не настоящая живопись! То есть... пока не настоящая.

— Но ведь ты еще очень молод. Ну так как, ты мне ее покажешь?

— Отец сейчас дома, а он не любит чужих.

— А ты мне вынеси. Я подожду здесь, на углу.

— Хорошо.

Мальчик вернулся минуты через две с пачкой больших листов под мышкой. Грант взял их дрожащей рукой — он был не в силах унять охватившую его дрожь. Эти работы, его собственные бесценные попытки к самовыражению, давным-давно были заброшены, забыты, уничтожены. А теперь...

Грант раскрыл одну.

— О! — сказал он.

Мальчик поднял глаза, посмотрел на него снизу вверх, и углы детского рта опустились от внезапного разочарования.

— О! — изменив тон, сказал Грант.

Он быстро перелистал остальные. Они были вовсе не такими хорошими, какими он их помнил. Но это, наверное, неизбежно — расхождение воспоминаний с действительностью? В конце концов, для двенадцатилетнего подростка не так уж и плохо.

— Вам не нравится? — обеспокоенно спросил мальчик.

— Что ты, очень нравится! По-моему, превосходно. — Гранта снова охватило чувство вины, только на этот раз еще более острое. Усилием воли он прогнал его. — Надо работать дальше — у тебя талант.

Тут из окна над ними раздался хорошо знакомый ему голос, и вниз, на них с мальчиком, посмотрело столь же хорошо знакомое ему лицо. Грант закинул голову и увидел своего давно умершего отца. На него же, но со страхом смотрел и мальчик.

— Что ты там делаешь? — грубо крикнул отец.

— Я просто... Сейчас иду. — И мальчик повернулся к Гранту спиной.

Отец пристально посмотрел на Гранта и отошел от окна.

— До свиданья, — сказал мальчик, — мне надо идти.

— Хорошо, — сказал Грант, а потом вдруг заговорил с лихорадочной поспешностью и настойчиво: — Но помни, что я тебе сказал. Ты не должен бросать своих занятий живописью — не должен, слышишь? Я здесь только... проездом, больше не появлюсь. Так обещаю тебе, что не бросишь занятий. Обещаешь?

— Обещаю, — ответил мальчик. — Честное слово.

Уже растворяясь в темноте парадного, он обернулся и сказал:

— Спасибо за леденцы.

И исчез.

Грант постоял секунду, глядя ему вслед, а потом повернулся и пошел с этой улицы, из своего прошлого, во тьму будущего.

Он увидел над собой карие глаза доктора Майера. Потребовалось несколько мгновений, чтобы понять, где он и что с ним происходит. Потом...

— Но ведь я не должен здесь быть! — воскликнул он, приподнимаясь и садясь на кушетке. — Это какой-то трюк!

— Но разве вы не побывали в прошлом?

— Д-да. Нет. Черт возьми, я не знаю! Как будто побывал. Но это ни к чему не привело — я такой же, как прежде.

— Вы уверены?

Грант растерянно повертел головой.

— А ваша память? — тихо сказал доктор Майер. — Загляните в свою память.

— Подождите, — выдохнул Грант. — Да, верно! Странно. Будто смотришь на что-то сразу с двух точек. С одной — я только что встретил мальчика, выходявшего из школы. С другой — воспоминание о том, как лет

сорок назад меня остановил незнакомый человек... и угостил леденцами. Я отчетливо помню все. — Он задрожал. — Как жутко!

— Надеюсь, это доказывает, что никакого трюка не было?

— Может быть. Не знаю. Но ведь вполне могло быть и что-нибудь другое. Скажем, препарат меня одурманил, я говорил сам с собой, как говорят во сне, и зарыл где-то глубоко в себе ложное воспоминание. Все как на самом деле, но...

Внезапно Грант замолчал. Он облизал губы и снова почувствовал приторный до тошноты вкус леденцов.

— Я вас слушаю, — сказал психиатр.

— Не знаю... может быть, вы и правы. Но почему тогда я не изменился? Если не считать того воспоминания, я такой же, каким был всегда. Кое в чем, может, и изменился, но не настолько, чтобы это имело значение. Иначе бы меня здесь не было.

— У меня был когда-то больной, страдавший манией преследования, — сказал доктор. — Он считал себя признанным гением.

— Какое это имеет отношение ко мне?

Психиатр улыбнулся.

— Я сказал ему, что такого не бывает. Ни один человек не может сказать: «Я гений, которому не дают ходу». Гений может сказать: «Когда-то мне пытались не дать ходу», — но и только. Сама природа гениальности такова, что не дать ходу гению невозможно.

— И все-таки я не понимаю, при чем тут... — Грант запнулся. — То есть, по-вашему, даже при таком поощрении... во мне просто не было того, что нужно? — Он встретил взгляд Майера и сник. — Да, теперь вспоминаю. Вспоминаю, как ожил, когда незнакомый человек сказал мне, чтобы я не бросал занятий живописью. И я обещал ему, что не брошу, — обещал я, я сам. — Он судорожно схватил психиатра за рукав. — Но я должен, обязательно должен этого добиться! Вы можете отправить меня туда еще раз?

— Могу. Но... вы продолжаете думать, что из этого вышел бы толк?

Грант как будто собирался что-то сказать, но только пожал плечами и растерянно покачал головой.

— Даже при второй попытке, — сказал врач, — мы бы не изменили Вселенной в нужной мере. Теперь понимаете? Мы совершаем те же ошибки, избираем тот же, по-нашему ложный, курс. Но только это вовсе не ошибки, и курс не был ложен. И то и другое — единственное, что нам было под силу.

Грант резко поднял голову:

— Но в таком случае мы просто марионетки! Получается, что у нас нет свободы выбора. А не вы ли мне говорили, что у нас есть возможность изменять нашу жизнь?

— Да, такая возможность у нас есть — в пределах, которые устанавливает для каждого из нас наша собственная натура, и в пределах, которые мы устанавливаем для самих себя. Если нам удастся выйти за эти пределы, значит, мы уже за них вышли.

— Д-да... кажется, я понимаю.

Грант с трудом, покачиваясь, поднялся на ноги.

— Как вы себя чувствуете? — спросил врач.

— Скучно. Скучно и грустно.— Но на губах Гранта уже появилась улыбка.— Удивительно, но... у меня нет того горького чувства, которое было раньше. Сейчас я чувствую... как бы это сказать? Будто с моих плеч сняли тяжелую ношу. И вот что любопытно: когда я к вам пришел, я только предполагал, что не сдержал данного когда-то себе слова, а сейчас знаю это наверняка — я дал себе обещание, но выполнить его не смог. Дал в действительности, на самом деле. Казалось бы, это должно было меня огорчить, однако я почему-то чувствую себя лучше.

Доктор Майер положил руку ему на плечо:

— Просто вы освободились от чувства вины перед самим собой. Вы думали, что дали себе обещание и не смогли его выполнить, отсюда — чувство вины. Ну, а

теперь знаете, что выполнить это обещание было невозможно.

Неожиданно Грант расхохотался:

— Вы это предвидели! Вот почему вы не тревожились по поводу гонорара. Вы знали, что я все равно к вам вернусь.

В глазах у доктора Майера сверкнул веселый огонек:

— Да, предвидел. Я говорил вам, что это лечение новое... но вы не были первым.

— С другими было то же самое?

Майер негромко рассмеялся.

— До вас был всего лишь один больной, и с ним произошло то же самое. Он мечтал в детстве стать знаменитым пианистом... а стал психиатром.

Альфонсо Альварес Вильяр СУПРУГИ, ЛЮБИВШИЕ УЕДИНЕНИЕ

Феликс снова попытался сосредоточиться (последний час он был занят исключительно этим). Он надеялся, что все-таки сочинит стихотворение, хотя никакому поэту и в голову бы не пришло сесть за работу в восемь часов вечера.

«Волны распластываются на безлюдном пляже...»

Перо зацарапало по сложенному вчетверо листку бумаги, девственно белому, как фата невесты. Вторая строка никак не придумывалась. После долгих усилий ему удалось ненадолго отвлечься от звуков трех или четырех виброфонов, сотрясающих двор; но до чего же трудно заставить себя думать о безлюдном пляже и пене набегающих волн на фоне ритма пучи-пучи! Однако окончательно похоронил вторую строку разговор двух сервероботов. Они вопили во всю мощь своих динамиков, и болтовня их навела его на мысль о неореалистическом романе, героями которого были бы две скромные прислуги. Потом их разговор, пахнувший луком и кухонным тряпьем, прервался, и тут же началась многосерийная телепередача с треском револьверных выстрелов и голосами, ревушими или сюсюкающими с пуэрториканским акцентом.

«Волны распластываются на безлюдном пляже...»

Вдали ковбои скачут по степям...»

Проклятье! Неужели нет никакого способа оградить сознание от этих зловредных помех? Но уже поступала исчерпывающая информация о разногласиях между супругами на третьем этаже, о состоянии беременной соседки и положении дел на Марсе: на третьем этаже дети играли в марсиан, и их дикие крики разносились далеко вокруг. А волны все распластывались на безлюдном пляже, и что-то не видно было, чтобы вторая строка собиралась составить им компанию. Символическим жестом прощания с музами Феликс порвал в клочки четвертушку бумаги, едва начавшую терять свою первозданную чистоту.

Он вышел на улицу. Здесь по крайней мере оглушали

только вибраторы гелибусов, жужжание атомных автомобилей и свист поездов, несущихся по монорельсовым дорогам. Этим вечером они с женой собирались в стереокино, но чтобы получить место на стоянке, надо выехать на час раньше и стать в хвосте огромного каравана машин, медленно движущегося к центру города. Только в машине можно было чувствовать себя спокойно, только в ней, а уж никак не в спальне, где никогда не было уверенности в том, что супружеская чета из соседней квартиры, отделенной перегородкой в два-три сантиметра толщиной, не начнет рассказывать днем то, о чем они с женой говорили ночью. Хорошо хоть кровать попала без скрипа.

О уединение сидящего за рулем машины, окруженной сотнями других герметически закрытых машин! О головы, неслышно говорящие за стеклами окошек, если только их обладатели не высовываются, чтобы обругать тебя, когда ты чуть не задел за крыло или помешал себя объехать! Но уединение — это влажное уединение финской бани, уединение среди тысячи звуков, и в нем нет аромата сосновой смолы и шиповника.

Наконец они приехали в стереокино. Несмотря на страшную давку при входе, а потом при выходе, несмотря на вопли тысяч зрителей во время страшных сцен и хохот во время смешных, здесь они тоже были в уединении, потому что, если не считать этих моментов (а их было не так уж много), возвращавших Феликса к действительности, киносеанс был для него тихой пристанью. Специалисты по акустике обеспечивали абсолютную звукоизоляцию студий, в которых снимались фильмы, и если какому-то нежелательному шуму все же удавалось пробиться на гладкую поверхность пленки, существовали технические средства, более чем достаточные для того, чтобы от него отделаться. Да и какой фильм можно было бы поставить, если бы голоса актеров на звуковой дорожке заглушала реклама моющих средств?

После сеанса они возвратились домой и сели за скромный ужин, но проглотили его наспех и подавляя отвращение, потому что по двору разносились громогласные жалобы одного из соседей, оповещавшие жильцов о тошнотворном вареве, которое подала ему жена.

Была суббота. Теоретически это означало еще несколько часов сна вдобавок к тем, которыми они располагали в будние дни,— но только теоретически. В квартире этажом выше были гости, и вечеринка затянулась до пяти утра, а у остальных соседей гремели телевизоры, работавшие до тех пор, пока телецентр не закончил передачи. Телевизоры и вечеринка мешали друг другу, и это немного утешало Феликса, героическим усилием воли пытавшегося продолжать прерванное стихотворение. А потом он стал засыпать по методу йогов, и сон наконец смежил его усталые веки.

Ему приснился необитаемый остров, где они с женой жили, как Робинзон Крузо. Не было слышно ничего, кроме шелеста листьев на верхушках и шепота моря; но вдруг эти гармоничные звуки расположились в рисунок афро-кубинского ритма и на пляже необитаемого острова появился танснинг, из которого неслась душе-раздирающая танцевальная музыка...

Их разбудило в семь часов утра звонкое пение трубы: сосед с четвертого этажа под аккомпанемент своей электробритвы и электрического молотка жены, спешно готовившей на кухне отбивные для пикника, ставил жильцов в известность о намерении вывезти свое семейство за город. Мажорный гимн объявлял беспощадную войну лодырям и лежебокам, а еще через полчаса к нему присоединилось серафическое пение детского хора, безбужно перевиравшего модные песенки. Феликс и его жена торопливо оделись, и вскоре их автомобиль стал еще одним звеном в бесконечной цепи машин, двигавшихся к горам. Целых три часа ушло на то, чтобы одолеть девяносто километров, но зато здесь их ждала природа! И они скользнули под зеленую сень сосен, стараясь не наступать на пары, занимающиеся любовью, и на отдыхающих, раскладывающих свои пожитки.

Феликс дышал полной грудью: нельзя было упустить мгновений, когда в ноздри пробивался аромат природы, потому что его тут же вытесняли запахи синтетических аминокислот или других, менее съедобных веществ.

«Отвлекись, любой ценой отвлекись! Неужели зря я занимаюсь йогой?» — с тоской подумал Феликс. Если говорить о радостях обоняния, то весь вопрос здесь, с точки зрения йоги, заключался в том, чтобы путем умственной фильтрации устранить зловоние, а потом наслаждаться без помех благоуханием сосен и ароматом растоптанного тимьяна.

Они двинулись дальше. Здесь отдыхающих почти не было: люди по мере возможности избегали занятий альпинизмом. Со скалы, украшенной щитом с рекламой знаменитой оптической фирмы, они окинули взглядом пейзаж. «Какая прелесть!» — подумал Феликс, обнимая жену за талию. Да, вокруг была настоящая природа — если отвлекись от рекламного щита и двух-трех сигаретных пакетиков, валяющихся под ногами, а также от объедков, оставшихся с прошлых воскресений, от полу-

дюжины окурков и от предмета, который Феликс поторопился затоптать, прежде чем его увидит жена.

Он снова нежно обнял ее. Им хотелось вновь ощутить себя женихом и невестой, которые украдкой обмениваются первыми поцелуями, захотелось насладиться интимным актом, скрытым от посторонних глаз и ушей и уже от одного этого более волнующим. И они пошли дальше в своих ласках, как никогда полно наслаждаясь тем, что другие уже давным-давно привыкли выставлять на всеобщее обозрение.

Над их головами пронесся камень, а вслед за ним и другой ударился о землю всего в нескольких сантиметрах от них. Феликс вскочил, разъяренный, но увидел лишь, как из-за соседней скалы, хохоча, убегают несколько мальчишек. И они решили воздержаться от дальнейших интимностей, точнее — предаться им мысленно. Но уже настал час второго завтрака и давал о себе знать голод. Они развернули свертки, а эпизод с камнями постарались забыть. Потом Феликс спустился с бумагой и остатками пищи к ближайшей урне, которая, по счастью, оказалась пустой, и со спокойной совестью вернулся на их любимую скалу. Здесь можно было говорить обо всем на свете и даже лежать, провозжая взглядом облака и стараясь не замечать пролетевшие один за другим три рейсовых космических корабля, эскадрилью турбореактивных самолетов и два гелитакси. Несмотря на все это, были минуты, когда, глядя на пышные тела облаков, можно было пофантазировать и увидеть сказочных чудовищ, пока транзистор где-то рядом не начал информировать их о результатах последних игр и они не поплелись, понутив головы, к оставленной ими машине.

— Есть ли у вас такое место, где мы с женой смогли бы провести несколько дней совсем одни? — спросил Феликс у представителя туристского агентства.

— Вы мечтаете о невозможном, но наше агентство все-таки попробует подыскать для вас что-нибудь похожее на то, что вам нужно, — ответил тот и как-то странно посмотрел на Феликса, будто Феликс был психический больной, сбегавший из соответствующей клиники. Без малейшей надежды на успех Феликс вновь окунулся в уличный шум.

Неужели он обречен до конца дней своих слышать и запоминать наизусть бесконечные рекламные объявления? Когда он был ребенком и учителя в школе заставляли его учить таблицу умножения, у него хоть были дни отдыха. Но теперь для него не осталось никакого просвета. Он то и дело ловил себя на том, что, говоря с женой, пользуется словами и интонациями героев телеэкрана. Да и вся жизнь его, коли уж на то пошло, вовсе не была его жизнью: словно в теле его нашел приют не один мозг, а пятьдесят или более и все они работают одновременно. Например, об интимной жизни соседок он знал не меньше, чем их собственные мужья, и, если бы в один прекрасный день у него появилось вдруг желание обмануть какого-нибудь из них, он оказался бы в постели с женщиной, все тайны которой ему известны. То же самое произошло бы и с его женой — как если бы он и она были обречены на вечное пребывание в чужих постелях.

Отвлекись, отвлекись любой ценой! Но связанная

с этим психическая нагрузка была не по силам его организму, и это давало ему право искать уединения.

Через два дня затрезвонил видеотелефон. Нет, это не была ошибка, и это не был один из вечных телефонных шутников или радиодиктор, страшно расстроенный тем, что, не зная о передаче X, которую патронирует компания по производству моющего средства Y, Феликс с женой потеряли столько сотен песет. Нет, на этот раз они услышали голос человека, обращающегося к ним лично! Представитель туристского агентства сообщал, что найдено райское местечко на одном из прибрежных островов! Агентство заказало гелитакси, которое перенесет их туда со всем багажом. Гарантируется абсолютное уединение, так как островок необитаем. Правда, спать придется в палатке, готовить самим, но ведь именно об этом мечтали супруги!

Они приняли предложение не торгуясь и на следующий же день были там, одинокие, как Робинзон Крузо, перед лицом одного-единственного свидетеля, бывшего своей бирюзовой грустью об острые грани скал. И еще были чайки и несколько деревьев, крепко вцепившихся корнями в каменистую землю и вознесших высоко в небо пышные кроны.

Первое, что сделал Феликс, оказавшись на острове, было нечто такое, на что он никогда не считал себя способным: он начал скакать как одержимый, стремясь дать выход мышечной энергии, подавляемой конторской

работой и сидячим образом жизни. А потом они стали разыгрывать ту самую сцену, которую им никогда не удавалось довести до конца на их любимой скале с рекламой оптических товаров. Они закатывались смехом, как дети, и, так как был уже полдень, они сорвали с себя одежду, бросились в воды идиллической маленькой бухты, без смущения принявшей обнаженную молодую пару, и прорезвились там больше двух часов.

И это были лишь первые из многих безумств, которым они предались в течение субботы и воскресенья. О, если бы так было всю жизнь! Но будни уже предъявляли свои права на них, и в назначенный срок за ними прибыло то же самое гелитакси, которое сорок восемь часов назад доставило их на остров. С тоской глядели они на крохотную серую точку в кружеве пены, скрывающуюся за горизонтом.

В тот вечер они включили телевизор. Пришлось перетерпеть неизбежные кадры рекламы, вестерн и телеконкурс, но потом они увидели на экране нечто удивительно знакомое — маленький островок, на котором они провели сорок восемь часов счастья. Крупными буквами поверх изображения проплыло название передачи: «Чем бы вы занялись, если бы остались одни?» И им стало плохо, когда в двух Робинзонах, скачущих и кувыркающихся как безумные, они узнали самих себя. Кадры были засняты группой операторов-аквалангистов.

Карлос Буиса

ИСПОВЕДЬ ГРАТСА

Я прибыл на Землю со специальным заданием с одной из планет далекой-далекой звездной системы. Была весна, воздух пьянил и... Нет, об этом лучше потом.

Род мой — один из древнейших в моем мире. Границы нашего имения протянулись на миллиард километров... Уф, наконец-то я расстался с ней — с родимой планетой Г!

Когда я родился, мой отец, высокочтимый Грфхв... Ладно, не будем его тревожить. Так вот: мой отец не придумал ничего лучше, как назвать меня Гр. Ну и имечко — почище вашего Кохонсио! У нас в семье все оригиналы начиная с моего прадедушки Г-1, который во время еды становится игуанодоном высотой в пятнадцать метров и длиной в тридцать (чтобы он уместился в доме, приходится приподнимать свод), и кончая моим серьезным и бородатым родителем, который в противоположность ему в часы еды превращается в грибок дидиниум, такой маленький, что увидеть его можно только под микроскопом. И такие чудные у нас все!

Мы, гратсы, по достижении определенного возраста получаем право принимать любой облик, какой только захотим. До этого мы все одинаковые, и если бы кому-нибудь из вас довелось увидеть нашего ребенка, то позже, уже отбежав на приличное расстояние и отдышавшись, он наверняка подумал бы: «Ну и страсть!» —

потому что детей наших, с их мешками и складками и торчащими во все стороны волосами, можно представить себе разве только в страшном сне.

Развлечений на Г нет, потому что в них там никто не нуждается: веселье, смех, изобретательность, фантазия так же чужды характеру гратса, как чужды они земной кошке, попавшей в ледяную воду. Это мир тоскливых, планета смертельной скуки, без театров, без футбольных матчей, без ипподромов — в общем, без ничего! У нас нет даже времен года: на нашей планете всегда одна и та же температура, и так как в кислороде мы не нуждаемся, мы обходимся без цветов, рек и солнца. Хотя нет: солнце есть, только искусственное, и оно светит нам тусклым светом.

На Землю я прибыл в обличье землянина — точная копия, хотя и из резины. Но где же тогда был я сам, наверняка спросите вы. Там и был, смешанный с резиной. Не только психически, но и физически, я был во всех ее атомах. Вас интересует, в чем состояло мое специальное задание? Да всего-навсего в том, чтобы подготовить почву для предстоящего вторжения гратсов (на Г нам уже становилось тесновато). Соответствующее решение было, по предложению его гратского величества Высочайшего главара всей системы, подвергнуто краткому обсуждению на заседании Совета

главарей, где мой отец, дедушка и прадедушка имеют немалый вес. Предлагались проекты один гнуснее другого. Был здесь и я, Гр, которому благодаря его выдающимся способностям выпала честь сделать первый шаг. Как это должно было произойти? Да очень просто: здесь — ампула с бактериями, там — неожиданная война... Короче, сущие пустяки. Помню речь, которую прадедушка-игуанодон произнес перед самым моим отбытием, и помню одобрителное похрюкивание моего семейства и всех Высоких главарей. Можно было считать, что Земля уже у нас в кармане:

Я приступил к обстоятельному изучению жизни землян — явно более обстоятельному, нежели этого требовала моя миссия. Я побывал во множестве городов и насмотрелся там разного, и это меня погубило! Поэтому оставил я свой народ, Высочайшего, бороду отца, чешую прадеда, свою женушку, нашего с ней сына, такого же толстого и безобразного, как его мать, и проч. и проч. Одним словом, все и вся. Сам того не сознавая, я начал преобразоваться внутренне, стал все более и более уподобляться землянам. Впервые я поймал себя на этом в Париже, когда загляделся на женские ножки, и понял: мне это нравится! Потом в Севилье, когда впервые попробовал напиток богов — херес; и на солнечных Гавайях, и в Италии, когда расплакался как дурак во время фильма, в котором дети коллекционируют кресты... Я пришел в ужас, когда осознал происходящую во мне перемену!

Не помню, говорил ли я вам, что дурное настроение — обычное состояние гратса? Увы, это так. Гратсы всегда раздражены и недовольны, всегда хмурят лоб и смотрят искоса. Все гратсы, независимо от возраста, неприятны в обращении. Даже собаки у них — существа с отвратительным характером.

Так вот я и болтался, не зная, что делать дальше. Разумеется, я регулярно передавал сообщения (свой корабль я оставил на невидимой стороне Луны и для связи пользовался карманным передатчиком). Все сообщения были одинаковые: СОБИРАЮ ИНФОРМАЦИЮ ТЧК ЖДИТЕ НОВЫХ СВЕДЕНИЙ. Первые два слова — сущая правда, остальное — только чтобы выиграть время.

Питание не составляло для меня никакой проблемы: ел я в основном мокрую землю. Однако с течением времени я приохотился к пище людей, она нравилась мне больше и больше, изменила постепенно весь мой обмен веществ — и я почувствовал немалое облегчение. Деньги меня не интересовали: все, что мне было нужно, я доставал даром (не спрашивайте как, все равно не скажу). Появилась у меня и невеста, чарующая и пылкая, но потом она меня бросила. Несмотря на все мои старания, проклятый характер гратса проявлялся в самые неподходящие моменты — как тогда, на пляже, но это уже из другой оперы.

Что делать? Покинуть Землю, оставив ее агонизирующей, готовой принять безжалостных гратсов, или... Передо мной стояла дилемма, и откладывать решение было нельзя: на Г начнут удивляться моей бездеятель-

ности, пошлют на Землю Хмурого инспектора, и тогда уж конец всему...

Найти решение мне помогли маленькая девочка и веселое плутовство землян (я обратил на него внимание сразу по прибытии на Землю). Это произошло в Мадриде, в вагоне метро. Вагон был полон, маленькая девочка стояла прямо передо мной, и я ее хорошенько рассмотрел. Любуясь ее нежным личиком и золотистыми волосами, я почувствовал, как меня вновь захлестывает волна отвращения к насупленным и волосатым детям гратсов. В руках у девочки было несколько книжек, и когда она выходила из вагона, то выронила их в толкотне, и они попадали на пол. По ним прошли те, кто выходил, потом те, кто входил, и девочка не успела их подобрать. Я решил, что найду ее и возвращу их — для гратса это проще простого. Я поднял книжки, стал их перелистывать — и вдруг наткнулся на решение! Это были дешевые научно-фантастические издания для детей, где герои-земляне, не знающие поражений, совершают в космосе невероятные подвиги. Если бы стало известно, что земляне в своей эволюции достигли таких высот, на Г началась бы паника. Нужно было хотя бы одно доказательство этому, одно подтверждение, одно свидетельство... Они его получили. Сообщение, полученное его гратским и проч., выглядело примерно так:

ВТОРЖЕНИЕ НЕВОЗМОЖНО ТЧК ЗЕМЛЯНЕ МОГУЩЕСТВЕННЫЕ СВЕРХЦИВИЛИЗОВАННЫЕ ТЧК СОСТОЯНИИ УНИЧТОЖИТЬ НАС МОМЕНТАЛЬНО ТЧК ОБНАРУЖЕННЫЙ ЛУНЕ КОРАБЛЬ ЗАХВАЧЕН ТЧК ЗАДЕРЖАН ЗПТ БУДУ СУДИМ ШПИОНАЖ ЗПТ КАЗНЕН ТЧК ПЕРЕДОВЫЕ ОТРЯДЫ ЗЕМЛЯН ДОСТИГЛИ АНДРОМЕДЫ ТЧК ПРЕКРАТИТЕ ПОЛЕТЫ ТЧК ПАТРУЛИ ЗЕМЛЯН ПОСТОЯННО НАБЛЮДАЮТ КОСМОС ЗПТ ВООРУЖЕНИЕ ФАНТАСТИЧЕСКОЕ ТЧК КОМАНДУЕТ СУПЕРМЕН МЕЖПЛАНЕТНЫХ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ МЕКСИКИ ЗПТ ДИЕГО ВАЛОР ДЕ ЛАС РЕАЛЕС МЕЖПЛАНЕТНЫХ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ ИСПАНИИ ЗПТ ДРУГИЕ ТЧК РАДОСТЬЮ ЖЕРТВУЮ ЖИЗНЬЮ ВО СЛАВУ Г ТЧК

Вот и все. Я уничтожил свой корабль — и они поверили. Для сверхразумных гратсы чуточку простоваты. Я остался на Земле и живу как король (земной). Мучает меня только одно: я никак не могу совсем избавиться от проклятого дурного настроения — наследия гратсов. Я много думал, как этому помочь. Я изменюсь, изменюсь совсем (вот для чего написана эта «Исповедь»), и сделаю это, придя в самое лучшее настроение, какое только бывает. Сделаю я это с мыслью о детях — о детях, которые, сами того не зная, спасли свою любимую, любящую и прекрасную Землю. Ради них я изменюсь — навсегда.

Чуть не забыл: зовите меня впредь Дональдом Даком*.

* Утеночек Дональд Дак — один из главных героев мультипликационных фильмов Уолта Диснея. (Примеч. перев.)

ДВОЙНИКИ

Сколько я себя помню, мне всегда нравились истории о приключениях. И я пришел к выводу: чтобы стать героем одной из них, надо быть дерзким, напористым, смелым — таким, каким я никогда не был; надо быть сильным и атлетически сложенным, как Рауль Конвэй (есть у меня такой знакомый). Мне и в голову не приходило, что со мной может случиться что-то, не имеющее отношения к моей работе в статистическом отделе Центра психосоциальных исследований. Время мое было занято, во-первых, непрерывными попытками пробудить в Пауле хоть какой-то интерес к моей особе и таким образом не допустить, чтобы стройный, сильный и уверенный в себе Конвэй отбил ее у меня, а во-вторых, подготовкой к телевизионному конкурсу «События года» — единственному мыслимому для меня способу молниеносно разбогатеть и, быть может, хоть таким путем добиться, чтобы Паула стала моей женой.

Первый тур конкурса (нашумевшие газетно-журнальные публикации года) я успешно прошел: мнемотехника — мое хобби.

Итак, я был абсолютно убежден, что являюсь полной противоположностью героям приключенческой литературы, а поскольку в глубине души мне все-таки хотелось быть таким, как они, я при первой возможности уходил с головой в чтение какого-нибудь лихого романа, с героем которого себя отождествлял. И вот однажды случилось так, что я был один в кабинете, а пневматическая почта, будто сжалившись надо мной, на какое-то время перестала доставлять мне свежую корреспонденцию. Только я принялся за чтение увлекательной книги, как события ринулись на меня лавиной.

Едва я дошел до места, где героя, межзвездного путешественника, атакуют высокочивилизованные космические чудовища, как передо мной что-то ярко сверкнуло и чьи-то сильные руки сжали мои плечи.

Я попытался вырваться, но безуспешно: меня силой впихнули обратно в кресло, с которого мне удалось было привстать, и ослепили вспышками света — из-за них я не мог разглядеть, что происходит в комнате. Я застонал, потом услышал голоса — в них не звучало никакой угрозы. Говорили на моем родном языке, растерянность моя от этого только увеличилась.

— Улыбнитесь, Суарес!

— Поздравляем!

— Сеньор Суарес, скажите правду нашим слушателям: рассчитывали вы, что будете выбраны для участия в проекте «Сотрудничество»?

— Сеньор Суарес, посмотрите, пожалуйста, на мою руку! Так, правильно! А теперь, не сводя с нее глаз, расскажите телезрителям, какие чувства вызвало в вас известие о том, что вы будете первым из граждан нашей страны, поднявшимся в космос?

— Я? Вы не ошиблись? — пролепетал я.

Тут же был и Рауль Конвэй, шеф департамента

по выявлению инициативных личностей, с лицом, искаженным завистью и страхом (кто знает, как случившееся будет воспринято Паулой?). Он обратился ко мне с небольшой иронической речью: надо думать, мне был известен день, когда Машина выберет идеального кандидата в космонавты для международного орбитального полета? И не смешно ли строить из себя скромника, когда один лишь факт выбора сам по себе уже означает, что я получу целое состояние, а мое имя войдет в историю? Или я хочу заставить их поверить, что я в отличие от всех прочих испанцев в возрасте от двадцати до сорока пяти лет, чьи данные были введены в Машину, не провел эту ночь без сна и не мечтал быть избранным?

О дне этом я действительно знал; потому что на сей раз выбор, который предстояло сделать Машине, был в центре всеобщего внимания — ведь как-никак речь шла об историческом событии; и я вовсе не строил из себя скромника. Но спал я эту ночь великолепно по той простой причине, что был уверен: выбрать могут кого угодно, только не меня.

— Должно быть, произошла ошибка, — запинаясь, проговорил я.

Где-то рядом радиокомментатор, захлебываясь, словно он вел спортивный репортаж, столь милый сердцу радиожурналиста, начал петь перед микрофоном восторженные дифирамбы скромности человека, на котором остановила свой выбор Машина. Кто-то, еле сдерживая смех, спросил меня:

— Иными словами, сеньор Суарес, вы не доверяете Машине?

Никто, пребывая в здравом уме и твердой памяти, не мог усомниться в правильности решения, принятого мыслящей Машинкой. Если Машина называла черное белым, то это означало, что у тех, кто думает иначе, зрение оставляет желать лучшего, потому что на поверку черное оказывалось-таки белым.

На этот раз Машине предстояло решить, кто достоин стать единственным космонавтом первого корабля международной космической программы с участием Испании, корабля немыслимо совершенного, сконструированного так, что от космонавта не требовалось никакой специальной подготовки и вообще ничего, кроме ряда определенных личных качеств. В Машину ввели данные проекта «Сотрудничество» и сведения о двадцати миллионах испанцев, чей возраст не выходил за предусмотренные проектом рамки. И надо же было, чтобы из всех нас Машина выбрала такую бесцветную и заурядную личность, как я!

— Поздравления от моего департамента! — Мне протягивал руку какой-то человек в военной форме (это был, как я узнал позже, полковник Мендиола, заместитель начальника кибернетической службы). — Наша Машина обнаружила у вас некоторые врожденные качества, которым я завидую как человек и которыми восхищаюсь как военный.

Наше рукопожатие и эта коротенькая речь вызвали

бурю аплодисментов. Портативные телекамеры работали всюду.

— Проклятая Машина! — проворчал рядом со мной Конвэй, так тихо, что его услышал только я.

Съездившись под градом вопросов, я кое-как выбрался из комнаты, а затем, пользуясь полной свободой, которая теперь была мне предоставлена, побежал домой опрокинуть стаканчик и навести порядок в своих чувствах.

Подумать только: выбран для орбитального полета! Но почему?

Да наверняка потому, что для этого полета большого ума не требуется. И вот вам, пожалуйста: Машина выбрала дурака.

Нет, мало того, что я казался себе жалким: я был жалок во всем. Этот взгляд разделяла Паула (мы уже три месяца как обручились), его разделяли все сотрудники Центра, сделавшие меня мишенью грубых шуток; не будучи в состоянии их парировать (я из тех, кто крепок задним умом), я только молчал и криво улыбался; разделял его и Рауль Конвэй, античный полубог, который, открыв для себя Паулу, решил, что я совсем не тот, кто ей нужен, и задался целью отбить у меня нареченную. Учитывая очевидные для всех достоинства Рауля и простодушие Паулы, скрытое за ее ослепительной внешностью, этого можно было ожидать буквально в любую минуту.

Единственным, кто не разделял этого взгляда, был доктор Баррьос. Сначала он, а теперь Машина. Доктор Баррьос, светило психокатализа и отец Паулы, безвременно погибший год назад от несчастного случая.

По-моему, мнение доктора обо мне было основано не столько на фактах, сколько на симпатии, которой он не мог ко мне не испытывать: ведь доктор мог только мечтать о подопытной морской свинке, такой же послушной, как Адольфо Суарес. Я с радостью соглашался на любые зондажи и анализы, какие только можно провести на человеческом материале, лишь бы бывать в гостях у Паулы, к которой в другой обстановке я бы и подойти близко не посмел.

Графики, вычерчиваемые аппаратами при зондаже моего мозга, вызывали у доктора Баррьоса настоящий энтузиазм, и, хотя расшифровать до конца эти четырехмерные зигзаги он пока еще был не в состоянии, доктор уверял: содержащийся во мне «потенциал успеха» дает основания полагать, что в какой-то момент я окажу сильнейшее воздействие на ход человеческой истории.

Я обыграл это обстоятельство: предложил Пауле выйти за меня замуж и побежал к доктору, прежде, чем она успела мне отказать. Маневр был удачный: доктор, которого Паула боготворила, пустил в ход все свое влияние, и мы хоть со скрипом, но обручились.

Но в последующие месяцы мне пришлось убедиться, что энтузиазм, который вызывает во мне Паула с ее сочными губами, ласкающим голосом, стройной фигурой и пленительно округлыми формами, в самой Пауле ответа не находит. Пауле нравятся лично-сти сильные и властные, страстные и порывистые, в то время как я робок и инертен и, когда на меня смотрят в упор, теряюсь. Следовательно, чтобы пред-

отвратить надвигающуюся катастрофу, надо было как можно скорее разбогатеть и жениться на Пауле до того, как она наберется духу выставить меня за дверь.

Теперь, уже у себя дома, я подумал, что телеконкурс может и не понадобиться: ведь разрешение использовать мое имя для рекламы и продажа прессы прав на публикацию моих репортажей — все это даст мне целое состояние.

Воодушевленный этими мыслями и в равной мере содержимым бутылки, к которой я приложился по случаю своего избрания, я встал и направился к видеотелефону, чтобы сообщить сенсационную новость своей невесте.

Торжественный момент настал.

«Конкистадор», корабль, на котором я должен был отправиться в орбитальный полет, сверкал под лучами солнца, как огромный драгоценный камень.

Толпа провожающих на космодроме все росла.

— Так что помните, — с улыбкой сказал мне полковник Мендиола (он был чем-то вроде крестного отца всему этому проекту), — единственное, что от вас требуется, — сидеть в кабине и через иллюминатор разглядывать открывающуюся панораму. Ручного управления нет — все автоматизировано. Постарайтесь запомнить все, что вы увидите, чтобы потом рассказать нам.

Паула не поцеловала меня — она никогда меня не целовала. Опираясь на сильную руку Конвэя, она подавала мне кончики пальцев и сказала:

— Постарайся хотя бы один-единственный раз не быть смешным.

Хорошенькое напутствие! Что до Рауля, то он пожал мне руку так, что я едва удержался от крика.

— Когда вернешься, — сказал он, — при всем народе выбью зубы.

По-моему, он хотел довести меня до обморока. Конвэй на полголовы выше меня и весит на пятнадцать килограммов больше, и, даже вооруженный дубинкой, я не смог бы с ним справиться. В довершение всех бед один из операторов телевидения с камерой и микрофоном фиксировал нашу приятную беседу.

— Что такое, сеньор Конвэй? Какое-нибудь недоразумение? — с жадным любопытством спросил он.

— У нас с сеньором Суаресом есть одна неразрешенная проблема, — ответил Конвэй, заодно пользуясь случаем продемонстрировать телезрительницам свои великолепные зубы. — Мы решим ее, когда он приземлится.

— О Рауль! — по-кошачьи ластясь к нему, промурлыкала Паула.

Так вот какой финал меня ждет — больница!

Совсем упав духом, я побрел к «Конкистадору».

Когда за моей спиной закрылся люк корабля, воцарилось безмолвие. Я окинул кабину взглядом. Она абсолютно не соответствовала общепринятому представлению о кабине межпланетного корабля и походила скорее на уютный бар комфортабельного бунгало. Как мне и рекомендовали руководители проекта, я сра-

зү же подошел к иллюминатору, чтобы через него попрощаться с провожающими. Замигала сигнальная лампочка — и космодром за иллюминатором вдруг исчез. На его месте я видел теперь какое-то пятно, удалявшееся от меня с головокружительной скоростью. Меня запустили!

— Как дела, Суарес? — зазвучал из динамика голос Мендиолы.

— Великолепно! — И я повернулся к динамiku лицом, зная, что это облегчит работу скрытым телекамерам, которые передавали мое изображение на экраны всех телевизоров страны. — Ощущение такое, будто летишь через океан в пассажирском лайнере.

Я прошелся по кабине и, чтобы убедить земных телезрителей, а заодно и самого себя в том, что я абсолютно спокоен, попытался было достать сигарету, но мои пальцы, сведенные судорогой страха, не удержали ее. Я наклонился, чтобы ее поднять.

Вот тогда это и произошло.

Я всегда был неуклюж и, должно быть, в этот момент нечаянно задел головой какую-то деталь корабля, которой касаться не следовало. Во всяком случае, впечатление было такое, будто корабль вдруг растаял вокруг — серая пустота, а сам я, вертясь, падаю в какой-то туннель.

Я закричал — и не услышал своего крика, хотел пошевелиться — и не мог, а только вертелся и вертелся.

— Вы падаете, Суарес! — панически завопил динамик.

— Ч-что происходит?

— Нарушение равновесия — вы же нас об этом предупреджали, — не совсем понятно для меня выразился Мендиола. — Сохраняйте спокойствие! Ваша смелость известна всем. Сейчас вступит в действие система мягкой посадки, смонтированная под вашим руководством.

Я вцепился руками в подлокотники: корабль снова возник из небытия, а я сидел в кресле и ждал удара...

«Конкистадор» падал. Если на первом этапе развития космонавтики, с горечью подумал я, почти все неудачи пришлось на долю американцев, то теперь настал мой черед. Мой — и Машины. Нашла кого выбрать, черт бы ее побрал!

Еще секунда — и я сломаю себе шею. Особенно это меня не огорчало: лучше погибнуть сейчас, в ореоле славы, а не после благоприятного приземления, когда шею мне ломает Конвэй, а тип из телевидения сделает это приятное зрелище достоянием миллионов.

Но удара, которого я с замиранием сердца ждал, так и не последовало. «Конкистадор» мягко опустился на поле космодрома. Люк открылся, и не успел я выбраться наружу, как в объятиях у меня оказалась Паула (я не мог поверить своим глазам) — Паула, плачущая слезами радости и осыпающая меня поцелуями. Паула меня целовала!

— Любимый, как ты мог сохранять такое спокойствие?

— Спокойствие? — переспросил я.

— Вы были правы, Суарес, — удрученно сказал Мендиола. — Равновесие действительно оказалось неустой-

чивым, и наши техники это просмотрели. Вы, любитель, преподали нам урок: ускорение и в самом деле было слишком большим.

Все это звучало несколько странно. Озадаченный, я спросил:

— О чем вы говорите, полковник?

— О неисправности, на которую вы указали нам неделю назад, при расчете орбит и проверке системы приземления.

— К-как... — начал я и замолчал, увидев Конвэя.

Что ж, подумал я, раз уж мне не уйти от горькой моей судьбы, то хоть встретить ее надо с достоинством. Тем более что Паула вдруг так переменялась, стала нежной и любящей (не иначе как от переживаний из-за неудачного запуска) — и я просто чувствовал себя обязанным оказать хоть какое-то сопротивление... Зажмурившись и сжав кулаки, я шагнул к Конвэю...

— Не бей! — смешно взвизгнул Пауль. — Хватит вчерашнего!

И тут я открыл глаза и увидел, что на щеке у него огромный синяк, которого несколько минут назад, перед стартом «Конкистадора», не было и в помине. Я подумал, что у меня галлюцинации.

— Ты меня прощаешь? — робко спросил греческий полубог. Я молча протянул ему руку, и он, явно не ожидавший, что все обернется так хорошо, подобострастно поблагодарил и заспешил прочь.

Влюбленно глядя на меня, Паула повисла на моей руке.

— Как мило, что ты послушался меня и не стал его бить, как обещал перед стартом, на глазах у телезрителей!

Я проглотил слюну и промолчал — лучшее, что я мог сделать в этой ситуации.

Под эскортом, ограждавшим нас от проявлений буйного энтузиазма толпы, мы прошли к машине. Кроме меня и Паулы, в нее сел Мендиола.

— Поехали, — сказала Паула.

— Куда? — спросил я.

— Как куда? Домой, конечно, — улыбнулась Паула, а потом произнесла фразу, взрывом бомбы прозвучавшую в моих ушах: — К папе — ведь ему не терпится поскорее обнять тебя!

Всем нам доводилось слышать: безумцы не сознают, что они безумцы. Но мой случай был иной. Хотя характер мой оставлял желать лучшего, рассуждал я совершенно здраво, однако я видел перед собой дону Мануэля Баррьоса, доктора механопсихологии, скончавшегося в день, очень похожий на этот, ровно год назад, 12 ноября в 21 час 50 минут. Тогда, после гриппа, продлившегося несколько дней, доктор в сопровождении Паулы, своего друга, писателя Лукаса Флореса, и меня вышел подышать воздухом в сад. Потерявший управление грузовик повалил забор, раздавил доктора, сломал ногу Флоресу, и только мы с Паулой каким-то чудом остались целы и невредимы.

И вот теперь, попрощавшись с Мендиолой и направившись вместе с Паулой к ней домой, я увидел

там Мануэля Баррьоса, абсолютно здорового, улыбающегося и живого. Увидел — и не упал в обморок, хотя потерял на какое-то время дар речи.

— Я следил по телевизору за каждым твоим движением, мой мальчик, — сердечно сказал доктор, — и мне стало как-то не по себе, когда ты наклонился, чтобы продемонстрировать правильность своей теории.

— Я вовсе не пытался... — начал я — и умолк. У меня мелькнула одна мысль...

«Двойники!»

Нечто из прочитанного, нечто из книг любимого моего жанра вдруг выплыло из глубин сознания.

«Двойники! Параллельные вселенные!»

Скажете — слишком фантастично? Это же подумал и я — в первый момент. Но мы, энтузиасты научной фантастики, всегда готовы счесть фантастическую посылку правилом той игры, принять участие в которой приглашает нас автор, так что мне было легче допустить такую возможность, чем кому-нибудь другому.

Я изобразил на лице улыбку.

— Простите, доктор, после полета я, кажется, стал хуже соображать: почему вы не проводили меня на космодром?

— Но ведь ты же знаешь, что у меня никак не проходит грипп, — удивленно проговорил доктор.

— Ах да, грипп... — Я закусил верхнюю губу. — А какой у нас сегодня день?

Паула была уже рядом, снедаемая заботой и любовью — чувствами, абсолютно немислимыми у Паулы, которую я знал.

— Как ты себя чувствуешь, любимый?

— Хорошо, Паула. Так скажите же, доктор. Сегодня у нас...

— Двенадцатое ноября.

Не переводя дыхания, я спросил:

— Какого года?

— Адольфо!..

— Какого года, доктор?

— Ну, конечно, две тысячи второго!

Я пошатнулся: ведь в кабину «Конкистадора» я вошел двенадцатого ноября две тысячи третьего года!

Я постарался, чтобы они забыли о вопросах, которые не могли их не встревожить, а потом с этой новой Паулой, столь непохожей на прежнюю, мы пустились в идиллическую прогулку по улицам между рядами швейцарских домиков.

Если бы полковник Мендиола не стал после моего возвращения говорить об Адольфе Суаресе как авторитете в космонавтике, если бы Рауль Конвэй не обнаружил страха перед кулаками того же Адольфо Суареса, если бы Паула держалась со мной так же холодно и пренебрежительно, как и раньше, я бы мог подумать, что я просто перенесся в прошлое. Но поскольку прежняя Паула отличалась от Паулы, которая держала меня под руку сейчас, а сам я, по-видимому, тоже не был копией Адольфо Суареса, которого она провожала в полет на корабле системы «Сотрудничество», я пришел к выводу, что каким-то необъяснимым путем я оказался на планете-двойнике, вроде той, кото-

рую описал один научный фантаст, описал, гордясь своей выдумкой. Только выдумка ли это? Как сказать! Еще вопрос, можно ли выдумать то, чего не бывает, или же все, что живет в воображении, существует и где-то во Вселенной.

Похоже, что новый Адольфо очаровал новую Паулу. Она была нежна и общительна, и, даже не заикнувшись о своих подозрениях, я узнал из ее уст все о самом себе.

Двойник мой, как выяснилось, был субъектом достаточно неприятным — тщеславный, капризный, себялюбивый всезнайка, прекрасно владевший дзюдо и подчинивший себе бедную Паулу; он ни во что не ставил ее интеллект и откровенно пренебрежительно относился к ее внешности.

Что касается Конвэя, то он, как выяснилось, осмелился флиртовать с Паулой, и накануне полета мой двойник отлупил его и пообещал, что после полета от него вообще останется мокрое место.

Мы с Паулой гуляли, и я узнавал о своем двойнике все больше и больше нового. Стало ясно, что по складу характера и интересам мы с ним прямо противоположны. Одинаковым у нас был только текущий счет. Как я на Земле I (назовем это так) вечно был без гроша в кармане, потому что не умел зарабатывать, так и мой двойник на Земле II страдал хроническим безденежьем — потому что был азартным игроком и все заработанное спускал электронным игральным автоматам.

И Паула (точнее сказать, Паула II) не слишком напоминала мою Паулу. Внешне обе они были похожи друг на друга как две капли воды: те же медно-красные локоны, те же черные глаза и сочные губы, те же прекрасные длинные ноги. Но Пауле II красота не вскружила голову — быть может, потому, что этого не допустил мой двойник. Будь у Паулы I ее мягкость, сердечность и доброта, она стала бы лучшей женщиной Земли.

И к величайшей моей радости, оказалось, что такой жалкий тип, как я, удивил и очаровал Паулу II!

Я находился на Земле II, и мне предстояло прожить год, который я уже прожил и события которого знал назубок: ведь я готовился к телеконкурсу на эту тему.

Паула укусила меня за кончик уха.

Я поцеловал ее в кончик носа.

Голова закружилась... Я был не на Земле II, а в кушах рая.

— Какой час, любимая?

— Девять сорок.

— Мы еще...

— Девять сорок! — воскликнул я, падая с облаков. — С твоим отцом вот-вот случится беда! Бежим! Девять сорок семь...

Задыхаясь, я ворвался в сад. Как я и ожидал, доктор спокойно покуривал трубку, мирно беседуя с двойником Лукаса Флореса.

— Привет, Адольфо! — поздоровался со мной писатель. — На космодrome к тебе было не пробиться... Девять сорок восемь...

— Уходите отсюда! Все в дом! — закричал я.

В сад, прерывисто дыша, вбежала Паула.

— Что с тобой, мой мальчик? — пристально глядя на меня, спросил доктор.

Девять сорок девять...

Я услышал вдали шум мотора: из-за поворота выехал грузовик, который неотвратно приближался к нам. Я кинулся на отца Паулы и, как он ни сопротивлялся, затолкал его в дом.

Девять пятьдесят!

Клаксон грузовика загудел угрожающе близко. Забор затрещал и...

Произошло все, что должно было произойти, — с той единственной разницей, что здесь, на Земле II, доктор не умер. Лукаса Флореса я вытолкнул прямо из-под колес разбушевавшегося мастодонта, но, как ни странно, падая, он все-таки сломал себе ногу. Он и сейчас глубоко благодарен мне за спасение, но я считаю, что не имею права на его благодарность: ведь, несмотря на все мои старания, с ним случилось то же, что и с его двойником...

После неудачного полета я прожил фантастический год и стал национальным героем. Героем может стать даже человек робкий и малоэнергичный, если только он, как я, знает заранее, что должно произойти в мире.

В последовавшие за приземлением дни меня все-сторонне обследовали специалисты. Они хотели знать, вызвал ли полет хоть какие-нибудь изменения в моем организме. Но ничего не удалось обнаружить, и единственными, кто заметил различие между двумя Адольфо Суаресами, были Паула и ее отец. Они считали, что изменение наступило под действием неизвестного фактора космического происхождения, но так как для всех нас перемена эта была к лучшему, то особенно много о ней и не говорили. А я молчал еще и потому, что у меня возникла идея...

Незадолго до розыгрыша тиража национальной лотереи я попросил Лукаса Флореса написать и напечатать в газете статью, где говорилось, что после полета на «Конкистадоре» я чувствую себя иным, чем прежде, и в состоянии теперь предсказывать будущее. Далее Флорес рассказал, как я, предчувствуя несчастный случай, спас жизнь ему и доктору Баррьосу, а потом, сославшись на меня, назвал номера билетов, на которые в предстоящей лотерее выпадут три главных выигрыша.

Да... Все насмешки, которыми со дня моего поступления на работу в Центр на Земле I осыпали меня шутики, сослуживцы, были ничто в сравнении с общенациональным хохотом, разразившимся после выхода в свет статьи Лукаса Флореса. Надо мной потешались все, и Паула очень переживала из-за этого.

В день тиража я стал мультимиллионером: три выигрышных билета были заранее мною куплены.

И если статья Флореса вызвала смех у всей нации, то весть о моем выигрыше послужила поводом для всеобщей истерии. Доктор Баррьос, как и другие, ничего не понимал, но все равно торжествующе улыбался:

ведь именно такой «потенциал успеха» еще раньше зафиксировали у меня его психокатализаторы и психозонды...

Потом я предупредил, что 7 декабря состоится три покушения. Дело в том, что 7 декабря 2002 года на Земле I куклуксклановцы очередью из пулемета оборвали жизнь сенатора Энсона, направлявшегося на завтрак с делегатами от негритянского населения, бомбой замедленного действия был взорван самолет, на котором летел английский премьер-министр (ни один из пассажиров не спасся), и, наконец, в Перу участники военного заговора при помощи ручных гранат покончили с президентом страны.

При других обстоятельствах после такого предупреждения меня бы отправили в сумасшедший дом. Но сейчас... Седьмого декабря агенты служб безопасности застали террористов врасплох, и те, остолбенев от изумления, смотрели, как у них на глазах рушатся безупречно, казалось бы, продуманные заговоры.

Мы с Паулой поженились в январе, через два дня после того, как я спас население Тегерана, предупредив его, что 21 января в одиннадцать часов вечера будет землетрясение.

Научные учреждения возымели желание заново меня обследовать. Я отказался, угрожая прекратить предсказания, если они будут настаивать на своем. Как и следовало ожидать, на меня было совершено несколько покушений, их предприняли преступные организации, боявшиеся, что я разоблачу их планы, — что я, кстати сказать, и сделал: все, что они намечали, содержалось в списке событий, которыми я набил себе голову до отказа, готовясь к телеконкурсу.

Я победно шествовал из одной недели в другую, то предотвращая биржевой крах, то предупреждая воздушную катастрофу — доказывая тем самым, что не случайно Машина на Земле I из двадцати миллионов введенных в нее анкет выбрала именно мою...

Так истекли двенадцать месяцев, о которых я знал так много. Сейчас у нас, на Земле II, 2004 год. Но если вы думаете, что счастье мне изменило, что моя звезда закатилась, — вы очень ошибаетесь.

Я занимаю роскошный кабинет в здании Министерства обороны. Я стал чем-то вроде оракула, о моей маленькой тайне по-прежнему никто не знает. То одно, то другое государство обращается ко мне за советом, и я всегда советую то, что кажется самым разумным. И так как они безропотно подчиняются вещающему моими устами гласу разума (да и кто бы не подчинился после того, как я изо дня в день в течение целого года доказывал, что знаю все наперед?), дела у всех идут прекрасно, горизонт международных отношений безоблачен, а преступный мир, увидев, что его песенка спета, решил самоликвидироваться.

Паула подарила мне замечательную девочку. На Земле нет супружеской пары счастливее нас, и думаю, что еще долго не будет — потому что я никогда не поднимусь на борт космического корабля, который мог бы вернуть меня в соседнюю Вселенную.

И лишь об одном я жалею: жаль, нельзя узнать, что же произошло с моим двойником.

Земля I, 12 ноября 2003 года. 18.30.

Все те, кто смотрел на экраны телевизоров, увидели: после того как Суарес ударился головой об одну из панелей, изображение на экране будто растаяло на миг. А потом «Конкистадор» появился снова.

Первым к приземлившемуся кораблю подбежал Рауль Конвэй, вторым — телерепортер.

Люк открылся, и появился Суарес. Рауль повернул голову, убедился, что Паула смотрит на него, и бросился, сжав кулаки, на двойника знакомого ему Адольфо Суареса.

Он получил удар под ложечку и прямой в ухо, а потом был с силой брошен на твердую землю.

Когда Паула наконец поняла, что это не сон, она стала пробиваться поближе к Суаресу.

— Не до тебя, — холодно отстранил ее Суарес и, повернувшись к растерянному Мендиоле, процедил сквозь зубы:

— Сейчас я научу вас, как вычислять орбиту корабля, взлетающего с нарастающим ускорением!

Так началась жизнь Адольфо Суареса II на Земле I.

Мануэль Р. Куэвильяс

ПАСТУХ И ПРИШЕЛЕЦ ИЗ КОСМОСА

Межзвездный корабль пробил облака и, готовясь к приземлению, начал описывать круги над пустынным плоскогорьем.

Иклес, пилот корабля, имел вполне конкретное задание: получить для своей базы на планете Уплон информацию об умственном развитии землян. Для этого он согласно инструкции должен был вступить в общение с двумя людьми, находящимися на двух полюсах человеческого общества: с пастухом Мартином Ромеро, жившим близ испанского города Сория, на равнине, по которой течет река Дуэро, и с Германом Руффом, всемирно известным финансистом, владельцем заводов и трестов, президентом могущественных компаний и главным вкладчиком многих банков.

Иклес быстро установил, где находится пастбище, на котором пас овец Мартин. А пастух между тем уже добрых десять минут наблюдал за движением летающего блюдца. Овцы испуганно сбились вокруг Мартина, а собака надрывно лаяла.

— Да замолчи ты, Султан, чепуха все это, — успокоил Мартин собаку.

Корабль мягко приземлился. Иклес увидел Мартина — накинув на плечи рваный плащ, пастух сидел перед своим убогим шалашом и раздувал жар полупогасшего костра.

Пришелец из космоса был удивлен спокойствием пастуха — он ожидал встретить страх или восхищение, а Мартин спокойно придерживал яростно лаявшего Султана.

— Добрый вечер, — приветствовал пастуха Иклес.

— Вечер добрый, — отозвался Мартин. — Присаживайтесь к огоньку — сейчас не жарко.

Ошеломленный пилот последовал его совету. «Да он дурак, наверное», — подумал Иклес и громко спросил Мартина:

— Ты знаешь, откуда я?

— Я так думаю, что издалека, — ответил пастух.

— Видишь вон ту звезду? А я прилетел со звезды, которая еще дальше.

Мартин почесал небритый подбородок и ответил гостю:

— Я всегда думал, что там, наверху, живут люди.

— Как получилось, что ты стал об этом думать?

— У пастуха много свободного времени, думай сколько хочешь.

— И часто ты думаешь? — спросил Иклес тоном, в котором явно звучала ирония.

— Частенько. Время тянется медленно, а занять его чем-то надо...

— Можешь мне рассказать, о чем ты думаешь?

— Почему не могу? Вот игры придумываю разные.

И он стал выкладывать камешками на земле квадрат, который разделил потом на два равных треугольника. Иклес с любопытством следил за его движениями. Когда он увидел, как Мартин делит прямые углы диагоналями, брови пилота от изумления поползли вверх: пастух доказывал теорему, которую земляне называют теоремой Пифагора!

Наконец Мартин взглянул на Иклеса и, улыбнувшись, сказал:

— Ведь как интересно получается: сложить эти два квадрата, что поменьше, и выйдет один большой.

И он показал на квадрат, построенный на гипотенузе треугольника.

— Ты изучал когда-нибудь геометрию? — воскликнул Иклес.

Мартин снова почесал подбородок.

— Геометрию? А что это? Нет, не слышал про такое. В школу ходил мальчишкой, читать и писать умею и считаю немножко.

Иклес не верил своим глазам: этот мудрый невежда самостоятельно, без чьей-либо помощи доказал теорему, увековечившую имя великого ученого!

Пастух протянул пилоту кусок хлеба и сыр. Иклес, взяв их, спросил:

— Какими же еще играми ты развлекаешься в одиночестве?

Мартин снова начал раскладывать камешки, но теперь — на большом расстоянии один от другого. Просто, но умно он изложил своими словами суть теории относительности и закончил так:

— Длина, ширина и высота — это далеко не все. Есть еще одна мера, а может, и много других...

Иклес был потрясен.

— Ты слышал когда-нибудь об Эйнштейне?

— Не слышал, сеньор. А кто это такой?

У пилота не оставалось больше сомнений: этот землянин с его интуитивным знанием высшей математики был гением.

Из задумчивости его вывел голос пастуха:

— В первый раз сюда спускаетесь?

— Я в первый, но другие спускались и раньше.

— А что ж мы их не видели?

— Они прилетали на Землю больше тридцати миллионов лет назад, и следы их пребывания не исчезли по сей день. На плоскогорье в Андах, на границе между Перу и Боливией, они воздвигли огромные сооружения. В долине реки Наска остался гигантский космодром, где приземлялись и взлетали их корабли. Эти существа, мои предки, построили город, куда можно было пройти через глубокое ущелье только по мосту из света, точнее — из ионизированного вещества, появлявшегося по их желанию. В конце концов они вернулись на мою планету, Уплон, оставив на Земле множество следов своего пребывания. Оплавленный песок, который можно видеть в некоторых местах вашей пустыни Гоби, — память об их атомных взрывах. До вас дошли остатки их календарей, географических карт, мер, которыми они пользовались, а вы и не подозреваете даже, каково их происхождение.

— Ну, а вы зачем к нам прилетели? — спросил Мартин.

— Познакомиться с вами, узнать вас. Я должен побывать еще у одного жителя Земли — Германа Руффа.

Герман Руфф, Герман Руфф... Пастух наморщил лоб. Имя было знакомое... и он вспомнил:

— А, знаю. Читал про него в газете. Большой человек.

— Умный?

— Еще бы!

— Умнее тебя?

— Сравнили тоже! Я — бедный пастух, без образования...

Иклес ничего не сказал. Он уже принял решение немедленно отправиться в обратный путь. Если у этого землянина, прозябающего в безвестности и нищете, столь могучий мозг, то каковы же должны быть способности Германа Руффа!

Попрошавшись с пастухом, он вернулся на корабль, который двумя минутами позже поглотило ночное небо.

А в это самое время знаменитый Герман Руфф пил виски в своем фешенебельном клубе. За весь этот день его мозг не родил ни одной мысли — по той простой причине, что был к этому совершенно не способен. День он начал с посещения финской бани и парикмахерской. Позавтракал, потом сел в машину, затем последовали аперитив и второй завтрак в модном ресторане. Во второй половине дня — скачки, а потом спектакль, показавшийся ему смертельно скучным, и в заключение — приятное общество, которое он осчастливил набором банальностей и общих мест, а также несколькими фразами о международных делах, вычитанных им из какого-то журнала.

Герман Руфф был глуп как пробка. Инженеры, техники, специалисты в самых различных областях вели его дела и управляли его заводами, обеспечивая их почти автоматическое функционирование. Своим влиянием, престижем, славой он был обязан исключительно деньгам, приобретенным когда-то его прадедом не слишком честными путями.

Пришелец из космоса вынес, таким образом, совершенно ложное представление о жителях Земли. Он не знал простой истины: «Я — это я и мои обстоятельства».

Мартин Ромеро был гений, которого страшные, роковые, беспощадные обстоятельства (его происхождение) сделали пастухом и обрекли на жизнь среди овец и овчарок. Что же касается Германа Руффа, то его жизнь предопределили другие обстоятельства, которым — и ничему другому — был он обязан своим сказочным богатством и славой.

Вернувшись на свою базу, Иклес доложил: «Земля населена существами с колоссальными способностями, настолько выдающимися, что тех, кто достигает всего лишь уровня гения, отправляют пасти овец».

Хуан Эстремадура

СПОРТИВНАЯ ЖИЗНЬ

Улица, как и все другие улицы в этом городе, представляла собой широкую гаревую дорожку, и на ней были идеально точно размечены дистанции — сто метров, двести, четыреста, тысяча, тысяча пятьсот и десять тысяч. Там и сям среди зелени виднелись спортивные площадки с необходимым инвентарем — кольцами, параллельными брусьями, шведскими стенками, гириями и всем прочим.

И в каждом квартале были бассейны, футбольные и баскетбольные поля, теннисные корты...

Было раннее утро, и город казался вымершим — только иногда бесшумно промелькнет кто-нибудь, добровольно или поневоле поднявшийся на заре.

Наверху, над крышами высоких зданий, солнце уже играло с первыми отфильтрованными дымами из труб и с последними каплями росы, которые судорожно, словно опасаясь за свою жизнь, цеплялись за антенны трехмерного телевидения.

Сержант из Отдела по борьбе с неженками искося посмотрел на юношу. «Кого ты думаешь провести?» —

казалось, говорила улыбка на красном, пышущем здоровьем лице. Он повернулся к другому патрульному и сказал:

— Ты только посмотри на него — хочет уверить нас, что живет спортивно.

— Напрасно старается, сержант, ему нас не обмануть, — и, явно сетуя на то, что на свете так много безрассудных юношей, полицейский улыбнулся тоже. — Этот? Да он наверняка не делает в день и получаса гимнастики.

— Дома делаю целых три часа, — запротестовал юноша. — И еще полтора — на службе.

— Поспорим, что неправда? — Сержант смотрел прямо на юношу, и взгляд у него теперь был холодный и жесткий. — Сейчас узнаем. Иди вон к той стартовой линии и пробегистометровку.

Не говоря ни слова, но с душой, полной страха и дурных предчувствий, юноша снял с себя тренировочный костюм, в котором полагалось ходить по улицам, и пошел к линии старта. Подойдя к ней, он сделал робкую разминку, на несколько мгновений замер, стал на старт и, едва раздался выстрел, бросился вперед со всей силой и иступлением, на какие был способен, — а они были не малые.

— Двенадцать секунд! — прокричал сержант и, оторвав взгляд от секундомера, пристально посмотрел на бегуна. — По Уставу тебе, в твоём возрасте, полагается бежать стометровку самое большее за одиннадцать и три десятых секунды.

Говорить юноша не мог — он задышался.

— Е... еще раз... если можно, — произнес он наконец. Сержант расправил грудь.

— Нет, мальчик, нельзя. Теперь ты сам видишь — мы правы.

— Дело вот в чем, сержант, — продолжал юноша, и в голосе его теперь слышался ужас. — Только я вышел из своего дома, как меня остановил другой патруль вашего Отдела, и мне пришлось пробежать тысячу пятьсот, а потом десять минут заниматься тяжелой атлетикой и проделать упражнения на коне. Результаты я показал хорошие, но устал. Если вы позволите...

— А почему тогда у тебя не пробита карточка проверки?

— Я протянул им ее, но они заспешили — увидели двух подозрительных.

— Очень странно, очень. — Сержант погрузился в размышления. — Хорошо, дам тебе еще одну возможность, последнюю. Пойдем посмотрим, как ты справляешься с шестом.

Втроем они прошли на ближайшую площадку для прыжков в высоту и, пока юноша разглядывал планки, полицейские подняли одну из них довольно-таки высоко.

— Не хочу тебя пугать, но выполнить минимум тебе будет, по-моему, трудно, — громко сказал сержант и покачал головой. — Сам знаешь, три с половиной метра.

Юноша молчал. Он взял шест, крепко сжал его, расслабил на мгновение ноги, а потом побежал. Первые несколько метров он протрусил медленной рысцой, потом шаги его стали увеличиваться, и, наконец, он уперся шестом в землю.

Двум полицейским почудилось, будто внезапный порыв поднял его к облакам. Какой-то миг они были уверены, что он преодолел препятствие, и у одного даже вырвался ободряющий крик, но они тут же увидели, как планка падает следом за юношей на мат из пенопласта.

— Ну что, убедился? — крикнул сержант. — Понял, что нас не проведешь? Мы и так уже слишком долго с тобой возимся.

Юноша встал на ноги. Глаза его метали молнии, рот кривился в горькой гримасе.

— Почему не отложили проверку до завтра? Скажите мне, почему? — Он смотрел на них с ненавистью. — Ведь говорил вам: я устал! Это противозаконно!

— Спокойно, спокойно, — сказал напарник сержанта. — Ты живешь не спортивно, это любому видно за сто километров. Ты в плохой форме, мальчик, а Устав есть Устав. Так что, знаешь сам — две недели в Доме Ускоренной Физической Подготовки, да и то только если уже не попадался как слабак или безразличный к спорту. Ну, а если попадался, то не миновать тебе Преодолимийского Лагеря.

Юноша опустил голову, и они втроем двинулись в путь. Когда они собрались перейти улицу, им пришлось остановиться и переждать: двое, белые как мел, истекая потом, бежали по ней марафонскую дистанцию.

Пьер Бертон

ВКЛАД Б. ДУРСТИНА ГРАБЛА В РАЗВИТИЕ РЕКЛАМЫ

Живет ли сейчас на свете гений рекламы больший, чем Б. Дурстин Грабл, президент огромного рекламного агентства «Врунли, Мани, Трепс, Скотс и Крикли», известного среди собратьев по профессии как «ВМТС и К°»? Не думаю, ибо Грабл признанный гигант этого ремесла. Кто помнит Врунли, Мани, Трепса? Их нет, они давно уже обрели свой коронарный покой, а что касается Скотса и Крикли, то это всего лишь имена на фирменном бланке, не более. Но одного намека на то,

что устройством ваших дел занялся Грабл, достаточно, чтобы индекс сбыта вашей продукции взмыл на высоту Эвереста.

С самого начала своей профессиональной деятельности Грабл твердо знал: время в эфире существует для того, чтобы заполнять его рекламой. Эфир, содержащий что-либо другое, для Грабла «мертвый эфир». Помню, как он, еще совсем юный, лихорадочно ищет во время органной интерлюдии в церкви-мемориале памяти

Тамоти Итона способ втиснуть между строк «Соберемся у реки» два рекламных объявления с пением. Это ему не удалось, зато удалось тут же сочинить на тот же мотив объявление с пением для какой-то финансовой компании. Таким образом, стоило любому органисту в любой церкви заиграть этот замечательный старый гимн, и молящиеся, хотели они этого или нет, сразу же вспоминали, что если им вдруг понадобятся наличные, они получают их на вполне приемлемых условиях.

Грабл очень не любил слушать долгоиграющие пластинки с записями великой классической музыки: ведь музыку не прерывало ни одно рекламное объявление. Из стереопроигрывателя льются мелодии Прокофьева, а Грабл корчит — я это видел собственными глазами. Он считал, что эти пластинки ущемляют законные права мира рекламы.

И первый, по-настоящему значительный успех пришел к Граблу, когда он убедил небольшую фирму звукозаписи «Прослушай и разбей» ввести рекламные объявления в записи генделевского «Мессии». Всего лишь семь, по сорок пять секунд каждое, и рекламировали они «Воздушную» — новую фтористую зубную пасту с привкусом шоколада. На другой стороне пластинки рекламировалось «Для микробов» — отдающее водкой антисептическое полоскание для рта.

Пластинка мгновенно стала боевиком, и не только потому, что благодаря доходам от рекламы оказалась чуть дешевле обычных записей генделевского шедевра, но и потому, что от вставленных объявлений люди получали удовольствие: ведь радио и телевидение уже приучили их к рекламе. Поднялась даже волна возмущения против тех фирм звукозаписи, которые настаивали на том, чтобы музыка на пластинках ничем не прерывалась. Грабл обнаружил и удовлетворил реально существовавшую потребность (действенной рекламы без реальной потребности вообще быть не может), и в итоге вся отрасль промышленности подчинилась требованиям покупателей.

Выдающейся, иначе не скажешь, была другая идея Грабла: он уговорил знаменитых исполнителей читать рекламные объявления во время концертов. Знаменитый музыкант прерывал скрипичный концерт Бетховена, откладывал в сторону смычок и говорил несколько слов о достоинствах «Буль-буль» — нового сенсационного напитка на основе экотракта колы: в этом напитке газ сохраняется, даже если бутылка открыта. Все очень прилично, в хорошем вкусе. Неудивительно, что на ежегодном съезде общества «За сохранение традиционных свобод» Грабл был удостоен премии «Предпринимательство в действии».

Но это были только первые достижения Грабла. Сам, без чьей-либо помощи, он сумел внедрить рекламу в объявления, делаемые во время внутренних и транс-океанских рейсов пилотами авиакомпании «Пан-Америкен». В музее Института творческой рекламы хранится в стеклянном ящике первая магнитопись такого рода со следующим объявлением капитана Джералда Фарбспера: «Дамы и господа, мы полетим на высоте девять тысяч метров...» — и исторические слова: «...кстати, к разговору о метрах — все ли вы, друзья, уже приобрели складной метр «Верх точности»?»

Такая реклама сразу имела успех, и другие авиа-линии поняли, что им, хотя бы они этого или нет, придется последовать примеру «Пан-Америкен». Все они сошлись на том, что реклама успокаивает мучимого беспокойством воздушного путешественника — создает чувство, будто он у себя дома. К тому же прибыль от рекламы дала возможность прибавить к трехразовому питанию, ставшему обычным на всех авиалиниях во время четырехчасовых трансконтинентальных полетов, еще одну бесплатную трапезу из пяти блюд, лишней раз подтверждая тем самым бесспорную истину, что реклама, когда ее используют в интересах общества, становится надежнейшей его опорой.

Но самая гениальная идея Грабла родилась у него тогда, когда, позвонив по делу на местную радиостанцию, он услышал следующее: «Доброе утро! Вы говорите с самой популярной, как показывают результаты опросов общественного мнения, местной радиостанцией. Чем я могу быть вам полезной?»

И Грабла озарило: ведь для распространения рекламы можно использовать обычные телефонные разговоры! В двадцати шести выбранных специально для этой цели предприятиях и учреждениях был проведен сразу эксперимент, и результаты его превзошли все ожидания. В музее творческой рекламы до сих пор хранится пленка с записью телефонного разговора, с которого начался эксперимент:

ТЕЛЕФОНИСТКА. Фирма «Грубли мастер на все руки» вас слушает. Доброе утро! И оно в самом деле будет для вас добрым, если вы будете употреблять «Вита-Хлыст», подхлестывающий, придуманный самой природой крем...

КЛИЕНТ. Мистера Грубли, пожалуйста...

ТЕЛЕФОНИСТКА. Я свяжу вас с его секретарем. Но если вы в самом деле заинтересованы в связях, не забудьте, что новый, рассчитанный на любые волосы шампунь «Нежный» не только укрепляет корни волос, но и придает вашей шевелюре блеск и мягкость...

СЕКРЕТАРЬ. Кабинет мистера Грубли. Могу я помочь вам, порекомендовав «Ветерок», пригодные для всех и каждого таблетки, предотвращающие скопление газов?

КЛИЕНТ. Соедините меня с Грубли. Дело очень срочное.

СЕКРЕТАРЬ. Очень сожалею, но мистер Грубли сейчас отсутствует. Зато в универсальных магазинах и аптеках всегда имеется в продаже «Лоск», изумительный лосьон, от которого руки блестят как лакированные...

Хотя кое-кто из числа пытавшихся вызвать «скорую помощь» жаловался на задержки, большинство быстро привыкло к рекламе по телефону.

Затем Грабл ринулся внедрять рекламу в междугородные телефонные разговоры. Он обратил внимание телефонных компаний на то обстоятельство, что их абонентам деваться некуда, от услуг компаний они в любом случае не откажутся. И скоро уже любой абонент, заказавший междугородный разговор, выслушивал, до того как его соединят, два рекламных объявления.

Теперь Грабл добивается, чтобы время на объявления в каждом частном телефонном разговоре было увеличено на тридцать секунд, но пока Управление транспорта и связи не удовлетворяет его ходатайства. Да, соглашаются там, реклама имеет право на существование,

но, заявляют они, она все же не важнее обслуживания населения. У нас в демократическом обществе такая точка зрения может быть оспорена. Многие теперь считают, что бюрократы опять пытаются лишить нас наших основных свобод.

Андре Майе

КАК Я СТАЛА ПИСАТЕЛЬНИЦЕЙ

Четырнадцатая улица ведет к Ист-Ривер.

Десять часов вечера. Толпа еле передвигает свои неживые ноги. У нее гипсовое лицо — одно из тысячи лиц нашей синтетической цивилизации.

Улица темна, как монастырский коридор. Одни бредут прочь с улицы, другие спешат на свидание, третьи — на ночлег, четвертые — куда глаза глядят.

Все было очень обыденным и в то же время каким-то ненастоящим. На левой стороне — пятна желтых, краснокирпичных, коричневых тонов, обведенные черными линиями, придававшими им форму зданий. На правой, по которой я шла, — ярко освещенная парикмахерская на первом этаже и грязная забегаловка, в которой стоит дым коромыслом. Дальше — заклеенные афишами деревянные щиты, из-за которых протягивает ветви дерево. Ключья афиш оповещают о новой демонстрации старого киномоевика «Девушка в военной форме».

Я ни о чем не думала, только жадно впитывала все впечатления, предлагавшиеся моему праздному уму.

Какой-то тип остановился на углу Первой авеню и закурил сигарету с таким видом, будто без нее он не смог бы перейти улицу. Что до меня, то я перешла ее, не задерживаясь, и увидела, что из-за спины типа с сигаретой появилась и движется навстречу мне странная личность, рассмотреть которую мне удалось благодаря неоновому свету, падавшему из витрины с обувью.

Человек шел быстрым шагом, и через его правую руку было переброшено пальто. Левая рука, согнутая в локте, оканчивалась боксерской перчаткой. Он поравнялся со мной и остановился; я посмотрела на него, мягко говоря, не без удивления. Вращая большими глазами, он сунул мне пальто, которое нес, и молча побежал, все так же размахивая рукой в перчатке и все с тем же свирепым выражением на лице.

Что мне делать с мужским пальто?

«Если окажется мало ношенное, — сказала я себе, — пошлю его в ЮНРРА*».

Вдоль набережной тянулись сверкающие ряды фонарей. Скоро я почувствовала вес своей ноши, и в какое-то мгновение у меня появилось искушение оставить ее здесь, на одной из скамеек набережной.

Не знаю, что меня от этого удержало. Наверно, мой демон.

Крайне непривлекательного вида грузовые посудины испытывали на прочность свои швартовы и гнали водяные круги от своих якорных цепей.

Какие-то мерзкие мальчишки носились друг за другом. Нигде в мире нет такой отвратительной шпаны, как в Нью-Йорке.

Да, но что же мне все-таки делать с этим пальто? Ах, ведь я решила отдать его в ЮНРРА! А может, самой послать кому-нибудь из друзей во Францию? Нет, это слишком сложно.

С островков сквозь ночь доносились крики, сверкали огни — зеленые, голубые. Добавим ко всему луну и девушку — она сидит, свесив ноги, на парапете, и рядом с ней юноша, не красавец, не урод, а так, что ни на есть самый ординарный.

Прошел рабочий — тоже не из таких, какие мне нравятся. Он нес железный ящик и длинный кусок водопроводной трубы.

Несмотря на масляные пятна и отбросы, плававшие на воде, воздух был ароматен — может быть, благодаря морскому бризу... Нет, не морскому. Мне казалось, что ветер дует с океана.

Я не заметила, как проскочила два или три лишних квартала, и только тут, опомнившись, уже совсем усталая, повернула домой.

Тогда-то у меня в голове и зародились самые невероятные предположения.

Чтобы кто-то сунул вдруг ни с того ни с сего пальто в руки мне, незнакомке, посреди улицы, не сказав ни единого слова? С чего бы это?

Может, оно «горячее», как в Соединенных Штатах принято говорить о краденых вещах?

Может быть, в его карманах пистолет, драгоценности или гремучая змея? Может, оно снято с гангстера, только что убитого, чтобы уничтожить все улики?

Тот, кто всучил мне пальто, был в боксерских перчатках. В двух перчатках или в одной? Я помнила только одну — ту, которой он с какой-то яростью размахивал в воздухе. Нет, конечно, это боксер. Он изрядно отдалел (а может быть, и угробил) собрата по профессии и теперь скрывается от рук правосудия. Могло быть такое? Могло. Потом, не зная, как отделаться от тяжелого пальто (но чье же оно все-таки?), он сунул его первому встречному.

Неправдоподобно. Разве я была первой встречной? Нет. До меня этот человек в боксерской перчатке наверняка встретил многих других людей. И потом, я не

* Международная организация по оказанию помощи странам, пострадавшим от войны. Существовала с 1943 по 1947 год, когда по решению Генеральной Ассамблеи ООН была распущена. (Примеч. перев.)

прохожий, а проходная. Он дал мужское пальто молодой женщине. Почему?

По дороге домой я перебрала мысленно всевозможные варианты и теперь не знала, что и думать.

Студенческий пансион, давший мне приют (точнее — мне, моим мечтам и моим художническим дерзаниям), снаружи выглядел очень прилично. Вход был с Двенадцатой улицы, через парадное с семью каменными ступеньками.

Внутри, как это ни печально, пансион служил пристанищем не только таким же бедным, как я, студентам, но также тараканам и крысам.

В этот вечер, после всей дневной беготни, после нескончаемых блужданий по бесконечным улицам, моя комната на пятом этаже, под самой крышей, казалась мне, когда я поднималась по бесконечно длинным лестницам с шаткими перилами, самой прекрасной комнатой в мире.

Войдя в свою комнату с мужским пальто под мышкой, я сильным ударом кулака распахнула настежь окно.

Надо сказать, что в те времена я старательно культивировала все, что только было мужественного в моей натуре, чтобы уравновесить таким образом чрезмерную женственность своей внешности. В те дни я носилась с мыслью, что совершенное существо должно быть наполовину мужчиной, наполовину женщиной. Я и в выражениях не особенно стеснялась.

Итак, ударом кулака я распахнула окно, и теперь, чтобы закрыть его, понадобилось бы притянуть створки к себе. Американцы называют такие окна французскими.

Я плюхнулась на постель, вздохнула и блаженно вытянулась, переполненная впечатлениями этого дня.

Пальто, небрежно брошенное на спинку стула, соскользнуло на пол. В комнату проникло немного света с улицы — достаточно, чтобы разглядеть контуры предметов, но недостаточно, чтобы разглядеть их детально.

Нажав кнопку на безобразной шутовине, болтавшейся на шнурке над самым моим носом, я включила свет. Резвившиеся в раковине прусаки моментально исчезли.

Я встала — и запел матрас, еженощно баюкавший меня в моих кошмарах.

Я осмотрела пальто. Собственно говоря, это было полупальто из верблюжьей шерсти цвета светлой охры. Почти новое, с широким поясом и двумя косыми карманами. Я сунула руку в один из них, чтобы узнать, что в нем, и извлекла предмет, от первого же прикосновения к которому у меня по коже побежали мурашки.

Моя рука тут же швырнула на стол то, что вынула из кармана, и страшный предмет оказался перед моими глазами.

Это были пять пальцев левой руки, отрубленные у основания и связанные шнурком.

Мгновенно сработали два рефлекса: сначала меня вырвало в умывальник, а потом я схватила шнурок за конец и выбросила этот ужас за окно.

Меня начало трясти, и я не могла сдержать икоту. В течение десяти минут мне казалось, что я умираю. К счастью, я не обедала в этот день, и после нескольких болезненных судорог мой желудок успокоился.

Стало ясно, что этим вечером мне уже не выбраться в маленький бар, где собирались мои собратья по Гринвич-Виллидж: пара бесталанных художников, неудавшаяся актриса, полные надежд поэтессы. Более везучие, случалось, угощали там мазил вроде меня черствым сэндвичем и чашкой кофе с коньяком.

Это подвальное заведение в псевдофранцузском стиле называлось «Кошачья миска», и действительно, с завсегдатаями там не особенно церемонились — не больше, чем с бездомными кошками из водосточных труб.

Я начала снимать блузку, когда вдруг, повернувшись к окну, увидела ногти этих жутких пальцев, взобравшихся по стене дома к самой оконной раме.

Ужас! Ужас!

Я взяла туфлю и стала бить по ним каблуком, и била до тех пор, пока они не разжались. Они свалились вниз, и я сразу захлопнула окно.

Неужели все это происходит наяву?

Схватив пальто, я выскочила из комнаты и сбежала вниз к привратнице.

— Я нашла это на скамейке у Ист-Ривер, — сказала я ей. — Отдайте вашему мужу, мне оно ни к чему.

— Прекрасное полупальто, — сказала она, — вы могли бы его продать. Я снижу вам квартирную плату.

Я поднялась к себе, думая, что, может, хоть теперь у меня будет покой.

Я не понимала, что происходит. А вы бы поняли?

Я вошла в комнату — и сердце чуть не выскочило у меня из груди. Пальцы, проклятые пальцы барабанили по стеклу, явно требуя, чтобы я их впустила!

С воплем: «Входите! Входите же! Давайте кончать!» — я распахнула окно.

Пальцы спустились на паркет, быстрыми, уверенными шажками двинулись к столу, вцепились в деревянную ножку и стали карабкаться по ней вверх.

Вскарабкавшись, они расположились на столе. Остолбев, стояла я в ногах кровати и смотрела, как они движутся, — смотрела не протестуя, не испытывая любопытства, не давая себе труда поискать объяснение этому ужасу, от которого не могла отвести глаз.

Между тем пальцы, немного отдохнув, отодвинули в сторону картон и другие рисовальные принадлежности и вытащили из-под них чистую тетрадь. Потом они собрались вокруг моей авторучки и начали писать. Невидимая, но исключительно точная рука водила ими по странице.

На душе у меня становилось все тоскливей. Воздух густел. Звуки становились громче. Я задыхалась.

С того места, где я стояла, я очень хорошо видела, что именно пишут пальцы.

«Мы были послушными орудиями левши, с которыми расправился его враг. Наш хозяин умер сегодня вечером. Только в нас он еще живет, но нам, чтобы мы жили, нужна ты».

На какое-то мгновение между мной и миром встало черное облако. Отрезанные пальцы все писали, а я надеялась берет, жакетку и бросилась вниз по лестнице.

Я бежала по улице — бежала и бежала. Я поняла, что ужас навсегда поселился рядом со мной. Я бежала и говорила себе: «Четырнадцатая улица... ведет к Ист-Ривер... там уже не будет страха...»

Парапет над рекой был не очень высокий. Я занесла над ним ногу, но какая-то неведомая сила за моей спиной удержала меня. Морской ветер сдул с моего лица гримасу тоски. Я села на скамью, а мое сердце покидали последние мятежные порывы. Надо было смириться со своей горькой судьбой — ничего другого не оставалось.

Пальцы, удержавшие меня от самоубийства, лежали у моих ног. Я не задавалась вопросом, как они меня догнали. Я взяла их и положила в берет, и этот берет я несла в руках до самого дома.

Дома я вытряхнула содержимое берета прямо на стол. Пальцы ударились о стол с глухим стуком.

— Выкладывайте, что там у вас, — сказала я им.

Они снова сплелись вокруг моей авторучки и написали: «Мы дадим тебе богатство».

— Каким образом?

«Береги нас. Без души нас ждет разложение. Дай нам свою. Люди бессмертны в той мере, в какой их помнят или любят. Помнить о чем-то присутствию — уже значит любить. Мы не просим у тебя ничего, кроме духовной поддержки. Доверь нам свою жизнь, а мы дадим тебе богатство».

— Оставляйтесь.

И добавила, желая сохранить за собой на всякий случай путь к отступлению:

— Вы мерзки. Я смогу терпеть вас, только перебивая отвращение.

Пальцы нетерпеливо задвигались и приступили к работе.

Не могу сказать, что я хорошо спала эту ночь.

Всю ночь напролет в темноте моей конуры скрипело перо, которым водили по бумаге проклятые пальцы.

Я попросила у знакомого пишущую машинку, и пальцы перепечатали текст. На другой день с рукописью под мышкой и пальцами в кармане (я все время их чувствовала) я вошла в самое крупное издательство, и меня почему-то сразу же принял шеф.

Бросив беглый взгляд на кипу бумаги, которую я положила перед ним, он с места в карьер предложил мне великолепный договор, который я тут же приняла, и аванс в десять тысяч долларов.

Он почти насильно навязал мне своего агента, прониру, который тут же подобрал мне роскошно обставленные апартаменты. Большой магазин обновил мой гардероб, модный парикмахер придал новый и много лучший вид моей голове, который и увековечили фотографии. Вскоре эту фотографию можно было ли-

цезреть во всех журналах и газетах Америки, многократно воспроизведенную со многими и всегда лестными комментариями.

Издательский агент познакомил меня со всеми театрами и ресторанами города. Обо мне он говорил не иначе как с величайшим почтением. Скоро мое имя перестали употреблять без эпитета «гениальная».

Я-то хорошо знала, что такое моя гениальность: пять кусков мертвечины, связанные шнурком от ботинок.

Когда пальцы писали мой второй шедевр, я была уже известнее Эйнштейна, прославленнее любой кинозвезды.

Временами наедине с собой я пыталась вновь обрести себя. Я рисовала. Мои наброски, какими бы они ни были неудачными, были моими.

Вскоре для меня был отрезан и этот путь. Издательский агент застал меня, когда я рисовала небоскребы, схватил, несмотря на все мои протесты, стопку рисунков и использовал их для рекламы.

Люди буквально рвали их у меня из рук, и о них было много разговоров — мои рисунки называли «любимым времяпрепровождением гениальной женщины».

Мужчины, как я вижу теперь, докучнее тараканов. Мне некуда деваться от них, и фальшивый рай, который для меня создали живые пальцы мертвеца, оказывается страшнее преисподней.

Они, эти невысказанные пальцы, присвоили меня, и я стала существом без собственной жизни.

Ночью они создают романы, статьи, элегии. Когда я не сплю, я слышу, как они пишут.

На рассвете они соскакивают со стола на ковер и идут в мою комнату. Они хватаются за полог кровати, и потом я чувствую их — ледяные и неподвижные, у самого своего горла.

Когда ужас становится непереносимым, я встаю и ставлю пластинки. Я часто напиваюсь, хотя терпеть не могу алкоголя.

Я не стану выбрасывать пальцы за окно — они все равно вернутся. Я не говорю им ничего, но, быть может, в один прекрасный день я их сожгу. Или проверю, как на них действует кислота.

Я чувствую, что скоро мне будет просто не вмоготу выносить их присутствие. А ведь они любят меня и наверняка читают без труда мои самые затаенные мысли.

Не сильнее ли обычного сжимали они сегодня утром мое горло?

Артур Порджес ПОГОНЯ

Крейсер «Илькор» только-только вышел за орбиту Плутона и начал межзвездный рейс, когда встревоженный офицер доложил Командиру:

— К сожалению, по халатности одного из техников на третьей планете оставлен руум типа Х-9, а с ним и все, что он смог там собрать.

На какой-то миг треугольные глаза Командира

скрылись под пластинчатыми веками, но, когда он заговорил, голос его звучал ровно.

— Какая программа?

— Радиус операций — до тридцати миль, вес объектов — сто шестьдесят плюс-минус пятнадцать фунтов.

Помедлив, Командир сказал:

— Вернуться сейчас мы не можем. Через несколько недель на обратном пути, мы обязательно подберем его. У меня нет никакого желания выплачивать стоимость этой дорогой модели; чтобы виновный понес суровое наказание,— холодно приказал он.

Но в конце рейса, недалеко от звезды Ригель, крейсер повстречался с плоским кольцеобразным кораблем-перехватчиком. Последовала неизбежная схватка, а затем оба корабля, мертвые, наполовину расплавившиеся, радиоактивные, начали долгое, в миллиард лет, путешествие по орбите вокруг звезды.

На Земле была мезозойская эра...

Они сгрузили последний ящик, и теперь Джим Эрвин смотрел, как его напарник залезает в кабину маленького гидросамолета, на котором они сюда прибыли. Он помахал Уолту рукой:

— Не забудь отправить Сили мое письмо!

— Отправлю, как только приземлюсь! — отозвался Уолт Леонард, включая двигатель. — А ты постарайся найти для нас уран, слышишь? Только бы повезло — и у Сили с сынишкой будет целое состояние. А? — Он ухмыльнулся, сверкнув белозубой улыбкой. — С гризли не церемонься, как увидишь — стреляй!

Вспенивая воду, гидросамолет стал набирать скорость. Когда он оторвался от поверхности озера, Джим почувствовал холодок. Целых три недели проведет он один-одинешенек в этой забытой Богом долине канадских Скалистых гор. Если почему-либо самолет не опустится снова на холодное голубое озеро — Джиму конец. Даже если ему хватит еды. Ни один человек, сколько бы у него ни было пищи, не смог бы перевалить через обледенелые хребты, не смог бы одолеть сотни миль безлюдной каменистой земли. Но Уолт, конечно, вернется в назначенный срок, и теперь только от Джима зависит, окупятся ли деньги, вложенные в экспедицию. За двадцать один день он выяснит, есть ли в Долине уран. А сейчас долой все страхи и предчувствия — надо приниматься за дело.

Работая не спеша, с ухваткой бывалого лесоруба, он поставил под нависшей скалой шалаш: на три летние недели ничего основательнее не понадобится. Обливаясь потом в жарких лучах утреннего солнца, он перетащил под выступ ящики со снаряжением и припасами. Там, за шалашом, покрытые водонепроницаемым брезентом и надежно защищенные от любопытства четвероногих, ящики были в безопасности. Сюда он перенес все, кроме динамита: динамит, тоже тщательно укрыв от дождя, он припрятал ярдах в двухстах от шалаша. Не такой он дурак, чтобы спать около ящика со взрывчаткой.

Первые две недели пролетели как сон, не принеся никаких удач. Оставался еще один необследованный район, а времени было в обрез. И в одно прекрасное утро, к концу третьей недели, Джим Эрвин решил совершить последнюю вылазку, на этот раз — в северо-восточную часть долины, где он еще не успел побывать. Он взял счетчик Гейгера, надел наушники, повернув тот и другой обратной стороной к уху, чтобы фон обычных помех не притуплял его слух, и, вооружившись винтовкой, отправился в путь. Он знал, что тяжелая,

крупнокалиберная винтовка будет мешать ему, но он также знал, что с огромными канадскими гризли шутки плохи и справиться с ними очень нелегко. За эти недели он уже уложил двоих, не испытав при этом никакой радости: огромных серых зверей и так становится все меньше и меньше. Но винтовка помогла ему сохранить присутствие духа и при других встречах с ними, когда обошлось без стрельбы. Пистолет в кожаной кобуре он решил оставить в шалаше.

Он шел насвистывая. Старательское невезенье не мешало Джиму наслаждаться чистым морозным воздухом, солнцем, отражающимся от бело-голубых ледников, и пьянящим запахом лета. За день он доберется до нового района, дня за полтора основательно его обследует и к полудню вернется встретить самолет. Он не взял с собой ни воды, ни пищи — только пакет НЗ. Когда захочется есть, он подстрелит зайца, а в ручьях видимо-невидимо радужной форели — такой, которой в Штатах и вкус позабыли.

Он шел все дальше и дальше, и когда счетчик в наушниках начинал потрескивать, в душе Джима снова загорался огонек надежды. Но каждый раз треск стихал: в долине, судя по всему, была только фоновая радиация. Да, неподходящее место они выбрали! Настроение Джима стало падать. Удача была нужна им, как воздух, особенно Уолту, да и ему тоже — тем более сейчас, когда Сили ждет ребенка... Но еще остается надежда — последние тридцать шесть часов; если понадобится, он и ночью не приляжет.

Губы его скривились в улыбке, и он стал думать о том, что хорошо бы поесть: солнце, да и желудок подсказывали ему, что уже пора. Он только было решил достать леску и забросить ее в пенящийся ручей, как вдруг за зеленым пригорком увидел такое, что остановился как вкопанный и у него отвисла челюсть.

В три длинных-предлинных ряда, тянувшихся чуть не до самого горизонта, лежали животные — и какие! Правда, ближе к Джиму были обыкновенные олени, медведи, пумы и горные бараны — по одной особи каждого вида, но дальше виднелись какие-то странные, неуклюжие и волосатые звери, а за ними, еще дальше — жуткая шеренга ящеров! Одного из них, в самом конце ряда, он сразу узнал: такой же, только гораздо крупнее, воссозданный по неполному костяку, стоит в нью-йоркском музее. Нет, глаза его не обманывали — это действительно был стегозавр, только маленький, величиной с пони.

Как зачарованный, Джим пошел вдоль ряда, время от времени оборачиваясь, чтобы окинуть взглядом всю эту удивительную зоологическую коллекцию. Присмотревшись хорошенько к какой-то грязно-желтой чешуйчатой ящерице, он увидел, что у нее дрожит веко, и понял: животные не мертвы, они только парализованы — и каким-то чудесным образом сохранены. Лоб Джима покрылся холодным потом: сколько времени прошло с тех пор, как по этой долине разгуливали живые стегозавры?..

И тут же он обратил внимание на другое любопытное обстоятельство: все животные были примерно одного размера. Не было видно ни одного по-настоящему крупного ящера, ни одного тираннозавра, ни одно-

го мамонта. Ни один экспонат этого страшного музея не был больше крупной овцы. Джим стоял, размышляя над этим странным фактом, когда из подлеска до него донесся настораживающий шорох.

В свое время Джим работал со ртутью, и в первую секунду ему показалось, будто на полянку выкатился кожаный мешок, наполненный этим жидким металлом: именно так, как бы перетекая, двигался шаровидный предмет, который он видел. Но это был не кожаный мешок, и когда Джим пригляделся получше, он увидел: то, что сначала показалось ему отвратительными бородавками, походит скорее на рабочие части какого-то страшного механизма.

Но особенно долго разглядывать Джиму не пришлось, так как, выдвинув, а потом снова спрятав в себя что-то вроде металлических стержней с линзоподобными утолщениями на концах, сфероид со скоростью не меньше пяти миль в час двинулся к нему. Деловитая целеустремленность, с которой катился сфероид, не оставляла никаких сомнений в том, что он твердо решил присоединить Джима к коллекции полумертвых представителей фауны.

Крикнув что-то нечленораздельное, Джим отбежал на несколько шагов, на ходу срывая с себя винтовку. Отставший руум был теперь ярдах в тридцати от Джима, но по-прежнему двигался к нему с неизменной скоростью, и эта неторопливая методичность была куда страшнее прыжка любого хищника.

Рука Джима взлетела к затвору и привычным движением загнала патрон в патронник. Он прижался щекой к выдавшему виды прикладу и прицелился в переливающийся кожистый бугор — идеальную мишень в ярких лучах послеполуденного солнца. Нажимая на спуск, он саркастически улыбнулся. Кто-то, а уж он-то знал, что может натворить десятиграммовая разрывная пуля, когда она летит со скоростью две тысячи семьсот футов в секунду. На таком расстоянии — да она продырявит эту чертову перочницу насквозь и сделает из нее кашу!

Б-бах! Привычная отдача в плечо. И-и-и-и! Душераздирающий визг рикошета. У Джима перехватило дыхание: пуля из дальнобойной винтовки, пролетев каких-нибудь двадцать ярдов, отскочила от мишени!

Джим лихорадочно заработал затвором. Он выстрелил еще два раза, прежде чем осознал полную бесперспективность избранной им тактики. Когда руум был от него уже футах в шести, Джим увидел, как из похожих на бородавки шишек на его поверхности выдвинулись сверкающие крючья, а между ними — змеящаяся, похожая на жало игла, из которой капает зеленоватая жидкость. Джим бросился бежать.

Весил он ровно сто сорок девять фунтов.

Держать нужную дистанцию было совсем нетрудно: руум, судя по всему, был неспособен увеличить скорость. Но Джима это вовсе не успокаивало: ни один земной организм не выдержит гонки со скоростью пять миль в час дольше чем в течение нескольких часов. Через какое-то время жертва либо поворачивается и нападает на своего безжалостного пре-

следователя, подумал Джим, либо (так происходит, должно быть, с более робкими животными) впадает в панику и начинает носиться по кругу, пока у нее хватает сил. Спаслись могут только крылатые, а для всех остальных исход predetermined: стать новыми экспонатами в этой страшной коллекции (но для кого, интересно, ее собирают?).

Не останавливаясь, Джим начал сбрасывать с себя все лишнее. Скользя взглядом по багровому солнцу, он с тревогой подумал о приближающейся ночи. Он не решился бросить винтовку; защитить от руума она его не могла, но за годы службы в армии ему крепко вбили в голову, что бросать оружие нельзя. Однако каждый лишний фунт уменьшал его шансы на спасение. Логика подсказывала, что к такой ситуации, как эта, военный кодекс чести неприменим: нет никакого позора в том, чтобы расстаться с оружием, когда оно совершенно бесполезно. И он решил: если нести винтовку станет уж совсем невмоготу, он ее отшвырнет, — но пока перекинул через плечо. Почти не замедляя шага, он осторожно положил на плоский камень счетчик Гейгера.

Ладно, подумал Джим, он побежит не как обезумевший от страха заяц, который, обессилев, в конце концов покоряется своей судьбе. Как бы не так! Это будет отступление с боем, и, чтобы выжить, он пустит в ход все, чему научился за нелегкие, полные опасностей и лишений годы военной службы.

Глубоко и размеренно дыша, он бежал широким шагом и искал глазами все, что могло бы увеличить его шансы в этом состязании. К его счастью, леса в долине почти не было; деревья или кустарник свели бы на нет все преимущества Джима как тренированного бегуна.

И вдруг он увидел нечто, заставившее его замедлить шаг: над землей на его пути нависала огромная каменная глыба, и он подумал, что может здесь наверстать потерянное. Вбежав на пригорок, он окинул взглядом поросшую травой равнину. Предвечернее солнце отбрасывало длинные тени, но увидеть преследователя было вовсе не трудно. С замиранием сердца Джим наблюдал за его продвижением. Так он и думал! Хотя в большинстве случаев путь, которым шел человек, был не единственно возможным и не самым коротким, руум точно, шаг за шагом, следовал за ним. Это было важно, но, чтобы осуществить свой замысел, у Джима оставалось не больше двенадцати минут.

Волоча ноги по земле, Джим постарался оставить под нависшей глыбой как можно более отчетливый след. Пройдя таким шагом ярдов десять, он точно так же вернулся назад, к месту, где начинался выступ, и одним прыжком поднялся на склон, откуда нависала глыба.

Вывхватив из ножен большой охотничий нож, он начал старательно и в то же время торопливо копать почву у основания глыбы. Каждые несколько секунд, мокрый от влаги, он пробовал глыбу плечом, и в конце концов она слегка подалась. Он едва успел сунуть нож обратно в ножны и, тяжело дыша, присесть за камнем, когда из-за небольшого гребня показался руум.

Джим смотрел на приближающийся серый сфероид и, как ни трудно это было, старался дышать тихо-тихо.

Кто знает, чем еще может удивить это отродье дьявола, хотя, судя по всему, оно предпочитает просто идти по следу. В его распоряжении наверняка есть целый арсенал разных приспособлений. Джим притаился за камнем, нервы его были словно провода под высоким напряжением.

Но сфероид не переменял тактики. Похоже, что для него существовал только след будущей добычи, и, переливаясь с места на место, он оказался наконец прямо под глыбой. Тогда Джим налег всем телом на качающуюся массу камня и с диким воплем свалил ее прямо на сфероид. Пятитонная глыба рухнула с высоты двенадцати футов.

Джим кое-как сполз вниз и встал. Он глядел на каменную махину и очумело тряс головой.

— Прикончил сукиного сына! — прохрипел он, потом стукнул по камню ногой. — Ха! А, пожалуй, за твой мясной ряд мы с Уолтом выручим пару-другую долларов. Может, и не зря мы затеяли эту экспедицию. А ты веселись теперь у себя в преисподней!

Он отскочил как ужаленный: громада камня зашевелилась! Пятитонная глыба медленно поползла в сторону, оставляя в почве глубокую борозду. Джим все смотрел на глыбу, а она качнулась, и из-под ближайшего к нему края показался серый отросток. Глухо вскрикнув, Джим побежал.

Он пробежал целую милю и только после этого остановился и поглядел назад. В наступающих сумерках он едва различал темную точку, все больше и больше удаляющуюся от каменной глыбы. Она двигалась так же медленно, деловито и неотвратно, как и прежде, — по направлению к нему. Джим тяжело сел и опустил голову на грязные, расцарапанные руки.

Отчаяние владело им недолго. Как-никак он выиграл двадцать минут передышки. Он лег, постарался расслабиться, насколько это было возможно, и достал из кармана куртки пакет НЗ. Джим быстро подкрепился вяленным мясом, бисквитами и шоколадом. Несколько глотков ледяной воды из ручья — и он был почти готов продолжать свою фантастическую борьбу с преследователем. Но прежде он проглотил одну из трех таблеток бензедрина, которые носил с собой на случай непредвиденных физических нагрузок. И рууму оставалось до него еще минут десять ходу, когда Джим Эрвин победил. Он опять чувствовал в себе прежнюю упрямую силу, а усталость, пронизывавшая его до костей, словно растаяла — он снова был полон мужества и надежды.

Пробежав еще около четверти часа, он очутился у гладкой крутой скалы футов тридцать высотой. Обойти ее с той или другой стороны было, по-видимому, невозможно: и там, и тут были полные воды овраги, колючий кустарник и камни с острыми, как нож, краями. Сумей он забраться на вершину скалы, рууму наверняка пришлось бы пойти в обход, и Джим выиграл бы время.

Джим посмотрел на солнце. Огромное, малиновое, оно уже почти касалось горизонта. Нужно торопиться! Большого опыта в скалолазании у него не было, но основные приемы восхождения были ему известны. Используя каждую щель и шероховатость, каждый,

даже самый маленький выступ, Джим начал карабкаться вверх. Откуда-то (он даже не отдавал себе в этом отчета) в его движениях появились плавность и координация, свойственные настоящим альпинистам, и каждый новый упор, кратковременный и незаметный, служил для него лишь отправной точкой к ряду новых ритмичных движений, возносивших его все выше и выше.

Едва он достиг вершины, как к основанию скалы подкатился руум.

Джим прекрасно понимал, что лучше ему уйти сразу, пользуясь драгоценными последними минутами дня. Каждая выигранная секунда была бесценна, но... надежда и любопытство взяли верх.

Он сказал себе: как только эта штука поползет в обход, он тут же смоеется. А может, ему надоест его преследовать, и тогда он преспокойно выспится здесь, прямо на скале.

Сон! О нем молила каждая клетка его тела.

Но руум не пошел в обход. Секунду он простоял, раздумывая, у подножия каменной стены, а потом из бородавкоподобных наростов снова выдвинулись металлические стержни. На конце одного из них были линзы. Джим подался назад, но было уже поздно: руум увидел, что человек выглядывает из-за скалы, и Джим мысленно обозвал себя идиотом. Все стержни моментально ушли в сфероид, и вместо них из другого нароста показался и начал подниматься прямо к нему тонкий прут, кроваво-красный в лучах заходящего солнца. Оцепенев, Джим увидел, как конец прута вцепился металлическими когтями в край скалы почти под самым его носом.

Джим вскочил на ноги. Сверкающий прут сокращался: оторвавшийся от земли кожистый шар, подтягиваясь на нем все выше, снова вбирал его в себя. Джим громко выругался и, не отрывая взгляда от цепкой металлической лапы, занес над ним ногу, обутую в тяжелый ботинок.

Но долгий опыт заставил его остановиться, и мощный удар ногой так и не состоялся. Слишком много довелось Джиму видеть драк, проигранных из-за опрометчивого удара ногой. Ни одна часть его тела не должна войти в соприкосновение с этим черт-те чем оснащенным страшилищем. Он схватил с земли длинную сухую ветку и, подсунув ее конец под металлическую лапу, стал смотреть, что будет дальше. А дальше было белое кружево вспышки и шипящее пламя, и даже через сухое дерево он ощутил мощную волну энергии, расщепившей конец ветки. С приглушенным стоном он выронил тлеющую ветку и, разминая онемевшие пальцы, в бессильной ярости отступил на несколько шагов. Он остановился, готовый в любую секунду обратиться в бегство, и, испустив вопль, сорвал с плеча винтовку. Как хорошо все-таки, что он ее не бросил — хоть она и отбивала всю дорогу барабанную дробь по его спине. Ну, чертова перечница, держись!

Став на колени, чтобы получше прицелиться в сгущающихся сумерках, Джим выстрелил в металлическую лапу и через секунду услышал глухой удар о землю: руум упал. Крупнокалиберная пуля сделала куда больше, чем он ожидал: она не только сшибла металлическую лапу с края обрыва, но и вырвала оттуда

здоровый кусок скалы; интересно, за что теперь эта лапа будет здесь цепляться!

Он посмотрел вниз. Да, это исчадие ада там, на земле. Джим зловредно ухмыльнулся. Каждый раз, как только он зацепится за обрыв, Джим будет сбивать его лапу! Патронов у него в кармане больше чем достаточно, и пока не взойдет луна и не станет светлее, он, если понадобится, будет стрелять с расстояния в несколько дюймов. Но сфероид, по-видимому, слишком умен для того, чтобы вести борьбу неэффективными средствами. Рано или поздно он пойдет в обход, и тогда, Джим надеялся, ночь поможет ему от него улизнуть.

И вдруг у него перехватило дыхание, на глаза навернулись слезы: внизу, в полутьме, из приземистого малоподвижного сфероида вылезли одновременно три веерообразно расположенных стержня с крюками на концах. Идеально скоординированным движением они вцепились в край скалы на расстоянии фута в четыре друг от друга.

Джим воткнул винтовку. Ну что ж, совсем как на соревнованиях в Беннинге — с той только разницей, что там, в Беннинге, стреляли не в темноте...

Он попал в цель с первого же выстрела: левый крюк сорвался, подняв облачко пыли. Второй выстрел был почти таким же удачным — пуля раздробила камень под средним крюком, и тот соскользнул. Но, молниеносно повернувшись, чтобы прицелиться в третий раз, Джим увидел: все это впустую.

Первый крюк был снова на своем месте. И Джим понял: как бы хорошо он ни стрелял, по крайней мере один крюк всегда будет на месте, и эта дьявольщина будет подтягиваться вверх.

Он повесил бесполезную винтовку дулом вниз на кривое дерево и побежал в сгущающиеся сумерки. Годы ушли на то, чтобы сделать сильным его тело, и вот оно выручает его. Все это прекрасно — но куда ему теперь деваться и что делать? Да и можно ли вообще что-нибудь сделать?

И тут он вспомнил про динамит.

Постепенно меняя направление, усталый человек двинулся назад, к лагерю у озера. Путь указывали звезды над головой, разгоравшиеся все ярче. Джим утратил всякое ощущение времени. Должно быть, он машинально поел на ходу — во всяком случае, голода он не чувствовал. Может, он успеет подкрепиться в шалаше... Нет, времени не хватит... Надо принять таблетку бензедрина... Но бензедрина больше не было, и луна взошла, и он слышал, как приближается руум — вот он уже совсем близко...

Временами он видел в кустах фосфоресцирующие глаза, а однажды, уже на рассвете, на него фыркнул потревоженный гризли.

Иногда перед ним появлялась и протягивала к нему руки его жена, Сили. «Уходи! — беззвучно кричал он осипшим голосом. — Уходи! Тебе это удастся, за двумя сразу он не погонится!» — и она поворачивалась и легко бежала рядом с ним. Но когда Джим, задыхаясь, взбежал на пригорок, Сили растаяла в лунном свете, и он понял, что ее здесь никогда не было.

Джим достиг озера вскоре после восхода солнца. Позади слышался глухой шорох — это был руум. Джим

зашатался; его веки сомкнулись. Он хлопнул себя ладонью по носу; глаза его снова широко открылись. Джим сорвал брезент и увидел взрывчатку; вид блестящих динамитных шашек окончательно разбудил его.

Усилием воли он вернул себе присутствие духа и начал обдумывать, что делать дальше. Поставить запал? Нельзя, поставив запал, рассчитать время детонации с той точностью, которая сейчас необходима... Джим обливался потом, его одежда насквозь промокла, и собраться с мыслями было очень трудно. Взрыв должен быть произведен дистанционно, и лишь в тот самый миг, когда преследователь приблизится к динамиту вплотную. Бикфордов шнур — вещь ненадежная: скорость его сгорания непостоянна... ноги подкашивались, подбородок опустился на тяжело вздымающуюся грудь... Джим рывком поднял голову, отступил назад — и увидел в шалаше пистолет.

Его запавшие глаза загорелись огнем. Торопливыми движениями Джим рассыпал все оставшиеся взрывные капсулы по ящику среди шашек динамита и, собрав последние силы, перетащил эту дьявольскую смесь на то место, где он уже побывал — ярдах в двадцати от скалы. Это было очень рискованно, чертов коктейль мог взорваться от малейшего сотрясения, но теперь ему было все равно: пусть его разнесет в клочья, только бы не стать парализованной тушей среди других туш в этой адской мясной лавке.

Обессилевший Джим едва успел спрятаться за небольшой выступ скалы, когда на невысоком пригорке в пятистах ярдах от него показался неумолимый преследователь. Джим вжался поглубже — и увидел вертикальную щель, узкую трещину в стене камня. «Как раз то, что мне нужно», — пронеслось у него в голове. Отсюда он мог видеть динамит и в то же время был защищен от взрыва. Защищен ли? Ведь это страшилище взорвется всего ярдах в двадцати от выступа...

Он лег на живот, ни на секунду не выпуская из поля зрения движущийся сфероид. Молот усталости не переставая бил по голове, которая стала большой, как воздушный шар. О боже, когда он спал в последний раз? Он прилег впервые за много часов. Часов? Какое там: дней! Мышцы его напряглись, превратились в горящие, трепещущие узлы. И тут он почувствовал спиной утреннее солнце, ласковое, теплое, убаюкивающее... Нет! Если он поддастся усталости, если уснет, ему тоже придется стать экспонатом в этой жуткой коллекции! Онемевшие пальцы крепче сжали рукоятку пистолета. Нет, он не заснет! Если он проиграет, если это дьявольское отродье уцелеет при взрыве, у него еще будет время пустить себе пулю в лоб.

Он посмотрел на гладкий пистолет в руке, потом, через щель, — на ящик, выглядевший так невинно. Если он выстрелит вовремя, — а так и будет, — этой проклятой штуке конец. Конец! Он немножко расслабился, разомлел — совсем чуть-чуть — под лучами ласкового, обволакивающего солнца. Где-то высоко над ним негромко запела птица, рыба плеснула в озере.

Внезапно он ощутил сигнал тревоги. Проклятье! Надо же было гризли выбрать для визита такой момент! Весь лагерь Джима в его распоряжении — круши,

разорять сколько душе угодно, так нет же, болвана интересует динамит!

Мохнатый зверь неторопливо обнюхал ящик, обошел вокруг него, рассерженно заворчал, чуя враждебный человеческий дух. Джим затаил дыхание. От одного прикосновения может взорваться капсула. А от одной капсулы...

Медведь поднял голову и зарычал. Ящик был забыт, человеческий запах — тоже. Свиные маленькие глазки видели только приближающийся сфероид, который был теперь в каких-нибудь ярдах сорока от ящика. Джиму стало смешно. До встречи с этим сфероидом он не боялся ничего на свете, кроме североамериканского медведя гризли. А теперь те, кого он больше всего боялся, встречаются нос к носу — и ему смешно! Он потряс головой и почувствовал страшную боль в боковых мышцах шеи. Он взглянул на пистолет, потом на динамит; все остальное стало теперь каким-то ненастоящим.

Футов за шесть от медведя сфероид остановился. По-прежнему испытывая какое-то почти идиотическое безразличие, Джим снова поймал себя на мысли: что же это такое, откуда оно взялось? Гризли — воплощенная свирепость — поднялся на задние лапы. Между красных губ сверкнули страшные белые клыки. Руум обогнул медведя и деловито покатился дальше. Гризли с ревом преградил ему путь и ударил по пыльной кожистой поверхности. Удар нанесла могучая лапа, вооруженная когтями острее и крепче наточенной косы. Одного такого удара хватило бы носорогу, и Джим скривился, будто ударили его. Руум был отброшен на несколько дюймов, секунду простоял неподвижно, а потом все с тем же леденящим душу упорством, не обращая на зверя никакого внимания, двинулся в обход медведя.

Но на ничью хозяин лесов согласен не был. Двигаясь с молниеносной быстротой, наводившей ужас на любого индейца, испанца, француза или англосакса с тех пор, как началось их знакомство с гризли, медведь стремительно повернулся, зашел сбоку и обхватил сфероид. Косматые могучие передние лапы напряглись, истекающая слюной пасть, шелкая зубами, прилипла к серой поверхности. Джим приподнялся.

— Так его! — прохрипел он, и тут же мелькнула мысль, что это бредовая картина — деревенский дурак, борющийся с ватерпольным мячом.

А потом на фоне серого меха гризли сверкнул серебристый металл — руум действовал быстро и смертоносно. Рычание лесного владыки в одно мгновение сменилось жалобным воем, потом — kloкочущими горловыми звуками, а потом не осталось ничего, кроме тонны ужаса, быстро и неотвратимо засасываемой болотом смерти. Джим увидел, как окровавленное лезвие, перерезавшее медведю горло, возвращаясь в сфероид, оставило ярко-красный потек на пыльной серой поверхности.

И руум покатился дальше, неумолимый, забывший обо всем, кроме тропы, пути, следа человека. «О'кей, детка, — истерически хихикнул Джим, мысленно обращаясь к мертвому гризли, — сейчас он получит и за тебя, и за Сили, и за все парализованное зверье,

и за меня тоже... Очнись, идиот!» — обругал он себя и прицелился в динамит. И очень медленно, очень спокойно нажал на спуск.

Сначала был звук, потом — гигантские руки подняли его и, подержав в воздухе, дали упасть. Он сильно ударился о землю, попал лицом в крапиву, но ему было так плохо, что он этого даже не почувствовал. Позднее он вспоминал: птиц слышно не было. Потом что-то жидкое и тяжелое глухо ударилось о траву в нескольких ярдах от него, и наступила тишина.

Джим поднял голову. Все его тело разламывалось от боли. Он привстал — и увидел огромную дымящуюся воронку. И еще он увидел в десятке шагов от себя сфероид, серо-белый от осевшей на него каменной пыли.

Руум был сейчас под высокой красивой сосной, и он катился к Джиму, а тот смотрел на него и думал: прекратится ли когда-нибудь этот звон в ушах?

Рука Джима стала судорожно искать пистолет. Он исчез — видно, отлетел куда-то в сторону, и его было не найти. Джим хотел помолиться, но не смог, а только бессмысленно повторял про себя: «Моя сестра Этель не знает, как пишется слово Навуходоносор. Моя сестра Этель не знает, как...»

Руум был теперь в одном футе от него, и Джим закрыл глаза. Он почувствовал, как холодные металлические пальцы ощупывают его, сжимают, приподнимают... Они подняли его несопротивляющееся тело на несколько дюймов вверх и как-то странно подбросили. Дрожа, он ждал укола страшной иглы с ее зеленой жидкостью — и видел перед собой желтое, сморщенное лицо ящерицы с дергающимся веком...

Бесстрастно, ни грубо, ни заботливо, руум снова опустил его на землю. Когда через несколько секунд Джим открыл глаза, он увидел, что сфероид удаляется. Провожая его глазами, он зарыдал без слез.

Ему показалось, что прошло всего лишь несколько секунд, прежде чем он услышал мотор гидросамолета и, открыв глаза, увидел склонившегося над ним Уолта.

Уже в самолете, на высоте пяти тысяч футов над долиной, Уолт вдруг ухмыльнулся, хлопнул его по плечу и воскликнул:

— Джим, а ведь я могу раздобыть стрекозу, и четырехместную! Прихвати мы несколько этих доисторических тварей, пока хранитель музея ищет новую добычу, так ученые — это ты точно сказал — отвалили бы нам за них кучу денег.

Запавшие глаза Джима ожили.

— А ведь пожалуй, — согласился он и с горечью добавил: — Так, значит, нечего было мне от него бегать! Видно, я ему, черт бы его побрал, вовсе и не нужен был. Может, он хотел только узнать, сколько я заплатил за эти штаны, — а я-то драпал!

— Да-а, — задумчиво протянул Уолт. — Чудно все это. После такого марафона — и на тебе! А ты молодчина.

Он покосился на изможденное лицо Джима:

— Ну и ночка у тебя была! Футов десять ты сбросил, а то и больше.

РАЙ ЗЕМНОЙ

(Описание одного видения)

1

Дом был белый. Белый, а вокруг зеленъ. Белоснежный, а вокруг зелень травы. Гараж был не на одну, а на две машины. Плавательный бассейн был овальной формы. В больших окнах дома отражался равнинный ландшафт. Газон был подстрижен. За домом стояло единственное дерево. Это был красный бук.

Перед фасадом дома был натянут веселый, в красную и белую полоску, тент. Под тентом стояло шесть лазурно-голубых стульев. Дверь гаража была открыта. Внутри висели разные садовые инструменты: свернутый шланг из зеленого пластика, лопата на красном черенке, грабли. Перед гаражом стояла, поблескивая на солнце, большая, черная как уголь легковая машина. Под машиной кто-то лежал: из-под нее торчали ноги в черных полуботинках.

На расстеленном в траве перед домом клетчатом шерстяном одеяле лежала блондинка в расцвете лет. На ней не было ничего, кроме темных очков от солнца и огненно-красного бикини. Рядом с ее правой рукой лежал раскрытый иллюстрированный журнал, порывы ветра, налетая, переворачивали страницы. В бассейне плавал ребенок.

2

Войдя в лифт и поднявшись вдоль стены высокой башни, можно было увидеть последнего поэта человечества. Он сидел в огромном стеклянном стакане, окаменевший, застигнутый в момент творчества, правая рука с пером замерла в воздухе, огромные глаза широко открыты, на столе перед ним — исписанный лист бумаги, разобрать снаружи, что на нем написано, было невозможно, как ни старались некоторые, прибегая даже к помощи театральных биноклей, подзорных труб, увеличительных стекол, тройных очков. Из застывшего рта рвался беззвучный крик. На правой руке поэта не хватало одного сустава указательного пальца, на левой — сустава безымянного пальца, на правой ноге отсутствовал средний палец, отсутствовала также левая нога. До того как стать памятником, он был политическим поэтом, ни к какой партии не принадлежал, но уже несколько раз побывал в тюрьме, испытал и другие, меньшие неприятности. Все это, однако, было много лет назад, когда крупнейшие города мира задохнулись от выделяемых ими же самими ядовитых газов и больше половины населения Земли умерло от голода. С тех пор, как общество достигло высшей точки в своем демократическом развитии, потребность в поэзии у людей исчезла: ведь ни болезней, ни душевных конфликтов больше не было.

С вершины башни из слоновой кости, где пребывал теперь последний поэт человечества, видны были на

зеленом ландшафте все дома поселка, концентрическими кругами расположившиеся вокруг Концерна. За последним кругом виднелись пологие холмы, деревья, кустарник.

3

Блондинка в расцвете лет, лежавшая на спине на клетчатом шерстяном одеяле в огненно-красном бикини и в темных очках от солнца, согнула ноги, и теперь ее круглые поднятые колени сияли на солнце. Казалось, она спит или о чем-то грезит. Ее кожа была темно-коричневой, почти черной. Рядом с левой рукой лежал открытый тюбик крема для кожи, ногти на руках были очень длинные, овальные и покрыты красным лаком. Особенно ярко блестели светлые волосы, ореолом окружавшие продолговатую голову женщины. Нежные губы были подкрашены розовой помадой. Слева от головы стояли открытый термос, бутылка апельсинового сока, бутылка лимонного сока, а также бутылка с ключевой водой. Рядом с термосом, пестро разрисованным веселыми маргаритками, лежала стопка иллюстрированных журналов. На обложке верхнего был изображен белый дом среди зелени, а также овальный плавательный бассейн. Перед домом на обложке журнала лежала на клетчатом шерстяном одеяле, расстеленном на траве, блондинка в расцвете лет, круглые поднятые колени ее сияли на солнце. В бассейне на обложке журнала плавал ребенок. Рядом с ребенком плавала огромная рыба из черного пластика. Рядом с огромной рыбой из черного пластика плавала еще рыба из черного пластика, не менее огромная, но из пасти этой рыбы фонтаном била вода.

4

Организаций для борьбы за что бы то ни было, таких, как, например, профсоюзы, больше не возникало. Много лет назад они самораспустились, достигнув всех целей, которые перед собой ставили. Руководители профсоюзов вошли тогда же в руководство Концерна. Руководство это оставалось невидимым. Заседало оно, должно быть, где-то в облаках. Вначале по его поводу циркулировали самые странные слухи: поскольку, говорили люди, Концерн божествен, хозяева его, очевидно, боги. И действительно, приходилось запрокидывать голову, когда ты, стоя на земле, хотел посмотреть на крышу Концерна, и даже тогда увидеть ее можно было лишь при ясной погоде. Производство непрерывно росло, заказы были расписаны на десятилетия вперед. Рабочие должны были только наблюдать за очень

сложными машинами, больше не нужно было ничего делать. После получаса работы тебя подменяли на час двое других, они тоже работали каждый по полчаса. Рабочие давно уже назывались служащими. На производство они являлись в своих лучших костюмах. Техника безопасности стала идеальной: за пятьдесят лет не было ни одного несчастного случая. К детям, как правило, переходили рабочие места их родителей. Родители уходили на пенсию уже в сорок лет. Продолжительность рабочей недели равнялась трем дням. Зарабатывали хорошо. Все зарабатывали одинаково. Поскольку каждый и каждая выполняли одну и ту же работу, отпала необходимость в деньгах. Концерн вознаграждал за труд бесплатным предоставлением еды, питья, одежды и газет, доступом к мировой библиотеке и т. п. Школ больше не было, ребенок обучался на рабочем месте отца, смотрел через его плечо и сразу знакомился с тайнами цифр и чисел.

5

Под машиной кто-то лежал. Были видны ноги в черных полуботинках. Были видны белые носки. Человек лежал на спине, под ним была подстилка из пористой резины. Рядом с правой рукой, высовывавшейся из-под левой стороны машины, лежал гаечный ключ. Похоже было, что человек, ремонтируя машину, уснул. Рядом с гаечным ключом лежали на дощечке две гайки, лоскут черной кожи и две маленькие пружинки, а также надкусанное яблоко. Рядом с надкусанным яблоком лежал на квадратике белого пластика бутерброд с ветчиной, с его краев медленно стекали капельки растаявшего масла. На голубых джинсах были два пятнышка от смазки. Дверца машины была открыта. Внутри кабина была обита красной кожей. Радио работало. Приглушенный голос диктора объяснял, как нужно ремонтировать машину: «Работают в положении на спине не дольше пяти минут». Передача называлась «Хобби-хобби». Она была очень популярна. Капот машины был высоко поднят. К воронке для бензина спускались два красных и один синий шланг. Рядом, свернувшись в шляпе прошлого столетия, спала упитанная серая кошка.

6

На лицах всех была написана полная удовлетворенность. Даже от права на голосование, всеобщее и равное, давно уже отказались. В последний референдум все, включая детей (правомочными теперь люди считались с момента своего рождения), единогласно одобрили план на все времена. На Земле воцарился мир.

Ландшафт был прекрасен. Деревья, правда, были искусственные, но функционировали как живые. Трава была коротко подстрижена. Собственно, она не росла, поэтому подстригать ее нужды не возникало. За каж-

дым домом высилась имитация красного бука. Небо было синее, как вода. Вода была синяя, как небо. Рядом с одним домом стоял другой, такой же белый. И было их очень много. Каждый ряд домов шел по кругу, круги уменьшались к центру. В самой середине стоял Концерн. Он объединял всех. Концерн был огромный. В пасмурную погоду его раздвижной стеклянный купол не был виден.

Все книги мира были собраны в одном хранилище. Надень наушники, нажми кнопку и, не выходя из дому, слушай не только любую книгу на свете, любой эпохи, на любую тему и из любой области знания, но и любую, какая вообще мыслима: компьютеры написали их все, использовали все стили, все комбинаторные возможности языка и человеческой фантазии. Не появлялись больше и новые телевизионные фильмы: все, какие возможно, были созданы и хранились в фильмотеке. Так же обстояло дело и с музыкой. Была создана библиотека. Библиотека обеспечивала невиданно легкий доступ ко всем книгам. Пользовались ею, однако, очень немногие.

7

В бассейне плавал ребенок. Вода была ярко-синяя, ее температура оставалась всегда одинаковой. Благодаря тому, что воду в бассейне все время меняли, она была кристально прозрачная, и благодаря тому, что она была кристально прозрачная, можно было видеть выложенное белыми плитками дно. Рядом с ребенком плавала огромная рыба из черного пластика. Рядом с огромной рыбой из черного пластика плавала не менее огромная рыба из не менее черного пластика, но из открытой пасти этой рыбы фонтаном била вода. Рядом с этой рыбой плавал детский надувной матрас в синюю и красную полоску. На детском надувном матрасе в синюю и красную полоску лежал лиловый пластиковый пингвин. Рядом с лиловым пластиковым пингином на детском надувном матрасе в синюю и красную полоску лежал пестрый мяч для водного поло. Рядом с пестрым мячом для водного поло лежали два красных резиновых мяча поменьше. На ребенке были очки для подводного плавания, из середины их, между стеклами, торчало подобие клюва, крючком загнутого на конце. В правой руке ребенок держал детское ружье для подводной охоты. Из этого ружья для подводной охоты ребенок выпускал гарпун за гарпуном в темно-зеленую массу с множеством щупалец — надувного подвижного спрута, который медленно ползал по белому дну, то и дело меняя направление. В этом плавательном бассейне были один, два, три, четыре, пять, шесть, семь, восемь, девять надувных спрутов, сделанных из резины. Все разного цвета, они ползали по белому дну, то и дело меняя направление. Во многих местах на дне видны были также великолепные имитации водорослей. Тонкие травянистые, а рядом плосколистые. Светило солнце, и его отражения разбегались кругами в мягко волнуемой движениями ребенка воде.

В зоопарке, в огромном аквариуме плавал, могучими гребками отбрасывая назад воду, последний папа, Лев Сотый. Всего-навсего, разумеется, светящаяся копия исторического лица, папа снова и снова вытягивал для благословения руки в набегающих волнах и тут же поправлял, чтобы не упала с головы, золотую тиару, а его сияющее облачение между тем поднималось, как крылья ангела. Белый кит в поисках своего стада, он лицом был похож на Кларка Гейбла*. Все мужчины Концерна были похожи на Кларка Гейбла. Все женщины были копией Мэрилин Монро.

Последнее убийство произошло больше ста лет назад. В какое-то злополучное мгновение муж, забывшись, заговорил с женой так громко, что ее барабанные перепонки лопнули и она упала мертвой. Ибо повсюду в мире давно уже царила тишина. Тишина столь плотная, что ее можно было резать ножом. Слух у людей стал таким острым, что они слышали бы, как растет трава, если бы настоящая трава еще была на свете. Им доставляло удовольствие слушать, как в воде аквариумов скользят рыбы, слушать, проходя мимо какого-нибудь дома, как внутри движется женщина, как мягко трется при ходьбе о мышцы ее нежная кожа. Прозрачный пластмассовый колпак, накрывая ручей, приглушал его журчанье; из пластмассы были сделаны и прекрасные белоснежные лебеди, величественно проплывавшие мимо. Автомобили беззвучно неслись по воздуху, докучные насекомые были все истреблены. Младенческий крик научились возвращать в тело младенца; когда человек смеялся (это теперь случалось редко, потому что смеяться стало не над чем, как и не о чем плакать), смеялся он внутри себя. Тишина стояла идеальная. Разговоры если и велись вообще, то очень тихие. Язык необычайно упростился, какое-нибудь «а» означало очень многое. Например, высокое и короткое «а» означало: «Я бы с удовольствием поговорил с тобой или с кем-нибудь другим, если бы только знал, о чем говорить, что именно и чего ради». Низкое и протяжное «а», напротив, следовало понимать так: «Смотри; это уже сто двадцатый по счету дом, который перевезли за сегодняшний день на вертолете в западном направлении».

Жизнь была похожа на цветную фотографию.

Резких движений и перемещений избегали тоже: глаза у всех стали такие зоркие и одновременно чувствительные, что слишком быстрые и частые перемещения предметов в поле зрения могли причинить глазам вред. Днем носили очки с темно-зелеными стеклами. Улицы все стали движущимися и были застланы пористой резиной, ложишься — и улица тебя везет. Стало невозможно отличить старых от молодых: лицо человека в течение его жизни менялось очень мало.

* Гейбл Кларк (1901—1960) — популярный американский киноактер. (Примеч. перев.)

Умирали внезапно. Умерший сразу растворялся в воздухе. Уже много поколений волосы мужчинам не мешали: мужчины все без исключения были лысые. Зато пышные волосы у женщин всячески поощрялись и, в соответствии с результатами голосования, проведенного несколькими десятилетиями раньше, был утвержден платиновый цвет, абсолютно одинаковый, без малейших различий в оттенках, для всех без исключения женщин.

Женщины носили облегающие джинсы, голубые или белые рубашки, и то же самое носили мужчины. Все были одного роста, одного веса, одинаково красивые; правда, с детьми до десяти лет было иначе.

Больше не было ревности, не было любовной тоски, потому что давно уже не было страсти. Не было больше и семьи. Все спали с кем придется, ведь так или иначе все партнеры были похожи друг на друга; и у рождавшихся в результате детей было столько матерей и отцов, сколько жителей в поселке. Дети свободно бегали повсюду, спали сегодня в одном, завтра в другом доме, там, где их заставляла ночь; они везде чувствовали себя как дома, поскольку и дома в поселке ничем один от другого не отличались.

Концерн, который мы здесь описываем, назывался «Мировое жилищное строительство»: «ПРОИЗВОДИМ САМЫЕ ЛУЧШИЕ ЖИЛЫЕ ДОМА, ПЛАСТМАССОВЫЕ, БЕЗ ШВОВ. СЕМЬ КОМНАТ, ВАННА, ОТОПЛЕНИЕ, МЕБЕЛЬ, ВСЕ НЕОБХОДИМОЕ, ИДЕАЛЬНЫЙ ВСЕМИРНЫЙ ДОМ, ГАРАЖ НА ДВЕ МАШИНЫ, ПЛАВАТЕЛЬНЫЙ БАССЕЙН». Огромный вертолет поднимал дом прямо с конвейера и переносил по воздуху к предназначенной специально для этого дома площадке. Заранее подготовленная площадка выглядела сверху как штепсель. Дом вставляли как вилку и подключали все что следует.

Дождь шел только по ночам, времена года сменялись точно по календарю, в дома по пневматическим трубам регулярно поступала пища, из кранов в кухне можно было получить любой из более чем тысячи различных напитков.

Последнее мировое правительство, все его двести министров и статс-секретарей, сидело в спирту, и любой, подойдя к стеклянной стене, мог увидеть их всех своими глазами.

Через каждые две недели дети получали подарок. Например, огромную рыбу из черного пластика, из открытой пасти которой фонтаном била вода. Получали детские надувные матрасы в синюю и красную полоску, лиловых пингвинов из пластика или пестрые мячи для водного поло. Получали детские электромобили, или транзисторные радиоприемники, или детские телевизоры, а также веселые книжки с картинками, где в понятной для ребенка форме изображалась жизнь в Концерне или в поселке Концерна; или им дарили маленьких собак и кошек, они были совсем как настоящие, бегали и прыгали, или ружье и к нему десять искусственных голубей, они взлетали и описывали

вали круги в воздухе. Голуби ворковали, и они даже теряли перья, когда, подстреленные, падали на пол. Или дарили кукол, которые ходили, ели, пили, спали и разговаривали. Или маленькие белые домики среди зеленой травы и рядом с каждым отапливаемый гараж на две машины и овальный плавательный бассейн.

Солнце светило с утра до вечера. Дождь шел только по ночам. Тишина в поселке была идеальная. Благодаря достижениям науки удалось вывести новую породу кур, куры этой породы весили центнер каждая. Подстреленные искусственные голуби падали на пол. Из-за смещения всех рас цвет кожи у людей стал одного, очень красивого коричневого оттенка. Позади каждого дома стояло дерево. Это был красный бук. Никаких происшествий больше не случалось, потому что ничего нового не происходило. Говорить больше было не о чем. Слово претворилось в дом. Мечты сбылись: у каждого теперь было жилище.

Рядом с зоопарком находился огромный стадион. На зеленой траве играли одна против другой две команды профессиональных футболистов. Профессиональных футболистов выводили в питомниках. У них были крохотные головы, а основной частью тела были толстые

и сильные ноги. Играли в три смены, без перерывов. Ни одной команде не удавалось победить другую, потому что по силе команды были равными. Они играли уже много лет, однако ни одного мяча забито не было. На бутсах у игроков были острые железные крючки, иногда игроки друг друга ими смертельно ранили. Убитый растворялся в воздухе, и его тут же заменяли. Наверху, на трибунах, виднелись кое-где одинокие зрители. Вечный футбольный матч транслировался на огромные экраны, стоявшие по всему поселку, однако желающих посмотреть его находилось совсем немного. Небольшие группки собирались перед экранами, только когда на поле кто-нибудь погибал.

С началом поры отпусков семья, возникшая случайно к этому дню, заходила в свой дом, и вертолет переносил его в какие-нибудь другие районы мира. Тогда можно было видеть длинные караваны висящих в небе односемейных домов, медленно уплывающие к югу.

Но год от года все больше становилось таких, кто по собственной воле отказывался от путешествия, оставался на месте и проводил счастливые дни у себя дома.

Хуан Хосе Арреола

ИСТИННО ГОВОРЮ ВАМ

Всем лицам, заинтересованным в том, чтобы верблюд прошел через игольное ушко, следует внести свое имя в список содействующих эксперименту Никлауса.

Покинув некую смертельно опасную группу ученых (из тех, что имеют дело с ураном, кобальтом и водородом), Арпад Никлаус ныне посвятил свою исследовательскую работу достижению благой и глубоко гуманной цели: спасению душ богачей.

Согласно разработанному Арпадом Никлаусом плану, для этого нужно будет превратить верблюда в пучок элементарных частиц и пропустить этот пучок через игольное ушко. Приемное устройство, очень похожее принципом действия на кинескоп телевизора, мгновенно соберет элементарные частицы в атомы, атомы в молекулы, а молекулы в клетки, и верблюд будет воссоздан в его первоначальном виде. Никлаусу уже удалось, к ней не прикасаясь, переместить каплю тяжелой воды. Оказалось также возможным измерить (с разумными допущениями) энергию верблюжьего копыта, превращенного в кванты. Нет смысла обременять память читателя соответствующей астрономической цифрой.

Единственную серьезную трудность создает для профессора отсутствие у него собственного атомного реактора. Эти установки величиной с целый город очень дорогостоящи. Однако специальный комитет уже работает над разрешением денежных проблем путем сбора пожертвований. Первые приношения, еще несколько робкие, расходятся на издание тысяч бро-

шюр, проспектов и рекламных листов, и они также обеспечивают профессору Никлаусу скромное жалование, позволяющее ему, пока возводятся огромные лаборатории, продолжать теоретические изыскания и расчеты.

В настоящий же момент комитет располагает лишь иглой и верблюдом. Поскольку общества защиты животных одобряют этот проект, не только не опасный, но даже полезный для здоровья любого верблюда (Никлаус говорит о вероятной регенерации всех клеток организма), верблюдов из зоопарков страны поступило на целый караван. Нью-Йорк без колебаний предоставил своего всемирно известного белого верблюда.

Что же касается иглы, Арпад Никлаус очень ею гордится и считает ее краеугольным камнем эксперимента. Это не простая иголка, а чудо, подаренное миру талантом и трудолюбием профессора. На первый взгляд, иголка эта совсем обыкновенная. Госпожа Никлаус, обнаруживая незаурядное чувство юмора, находит удовольствие в том, чтобы штопать ею одежду мужа. Однако ценность ее, по сути, беспредельна. Сделана эта игла из тяжелого металла, место которого в периодической таблице еще не определено, а буквенное обозначение, если исходить из крайне туманных намеков профессора, наводит на мысль, что речь идет о физическом теле, состоящем исключительно из изотопов никеля. Ученые до сих пор ломают себе голову над этим таинственным веществом.

Немало нашлось таких, кто поддерживает смехотворную гипотезу о синтетическом осмии или отклоняющемся от нормы молибдене, или таких, кто осмеливается публично повторять слова одного завистливого профессора, уверявшего, что он узнал металл Никлауса в крохотных кристаллических вкраплениях внутри плотных масс железного шпата. Точно известно одно: игла Никлауса вполне способна противостоять трению о нее потока элементарных частиц на сверхкосмической скорости.

В одном из разъяснений, которые так любят давать высокие теоретики, профессор Никлаус сравнивает верблюда в момент прохождения сквозь игольное ушко с нитью паутины. Он говорит, что если мы захотим соткать из этой нити кусок ткани, то для того, чтобы его расстелить, нам потребуется все мировое пространство, и все звезды, видимые для нас и невидимые, будут блеснуть на фоне этого куска ткани капельками росы. Если начать сматывать нить в клубок, окажется, что длина ее исчисляется миллионами световых лет, и, тем не менее, профессор Никлаус предполагает сматать ее в верблюда всего за три пятых секунды.

Как ясно каждому, проект этот абсолютно осуществим и, мы бы даже сказали, в высшей степени научен. Он уже пользуется симпатией и моральной поддержкой (правда, еще не подтвержденными официально) лондонской Лиги межпланетной информации, председателем которой является маститый Олаф Стейплдон.

Ввиду повсеместной растерянности и беспокойства, вызванных предложением Никлауса, комитет считает очень важным привлечь к проекту внимание всех состоятельных людей мира, чтобы те не попались на удочку шарлатанам, проводящим сквозь отверстия небольшого диаметра не живых, а мертвых верблюдов. Эти личности, у которых еще поворачивается язык называть себя учеными, на самом деле всего лишь мошенники, охотящиеся за простаками. Действуют они крайне примитивно: погружают верблюда в растворы серной кислоты все меньшей и меньшей концентрации. Затем, превращая образовавшуюся жидкость в пар, они в таком виде пропускают ее через игольное ушко и думают при этом, что совершили чудо. Как ясно каждому, эти лжеученые потерпели полную неудачу, и финансировать их деятельность бессмысленно. Нужно, чтобы верблюд был живым как до, так и после невозможного перемещения.

Вместо того, чтобы изводить тонны свечей и тра-

тить ~~деньги на сомнительную~~ благотворительность, лицам, заинтересованным в вечной жизни и отягощенным лишними капиталами, следует остановить свой выбор на превращении верблюда в поток элементарных частиц: оно научно, красиво и, в конечном счете, выгодно. Говорить об излишней щедрости в случае, подобном этому, абсолютно неуместно. Здесь просто надо закрыть глаза и пошире открыть карман, твердо зная, что все расходы возместятся сторицей. Награда будет одинаковой для всех вкладчиков; сейчас важно внести свой вклад как можно скорее.

Какая общая сумма потребуется, станет известно лишь при завершении эксперимента, исход которого, вообще говоря, предсказать невозможно; и профессор Никлаус, со свойственной ему честностью, соглашается работать, только если смета будет достаточно гибкой. Вкладчики должны терпеливо, и не один год, выплачивать свои взносы. Нужно будет нанять тысячи техников, администраторов и рабочих. Придется создать региональные и национальные подкомитеты. И должно быть не только предусмотрено, но и разработано во всех деталях положение о преемниках профессора Никлауса, поскольку реализация проекта, как вполне разумно предположить, может растянуться на несколько поколений. В этой связи, нелишне указать на преклонный возраст профессора.

Как любое человеческое начинание, эксперимент Никлауса допускает два возможных исхода: провал или успех. Успех Никлауса, помимо того, что он разрешит проблему их личного спасения, превратит финансировавших этот мистический эксперимент в акционеров сказочной по своим возможностям транспортной компании. Будет очень легко разработать практический и экономически выгодный способ превращать людей в пучки элементарных частиц. Растворенные в молниях, люди завтрашнего дня за какое-нибудь мгновение и без малейшего риска будут перемещаться на огромные расстояния.

Но еще более многообещающим представляется возможный провал. Если Арпад Никлаус и в самом деле фабрикант химер и на нем оборвется целый род обманщиков, гуманитарное значение его труда от этого только возрастет. Ничто тогда не помешает ему войти в историю в качестве славного инициатора превращения капиталов в пучки элементарных частиц. И богачи, оставаясь один за другим без средств, целиком ушедших на выплату взносов, будут легко входить в царство небесное через узкую дверь (игольное ушко), хотя верблюд в нее не прошел.

Фредрик Браун

КУКОЛЬНЫЙ ТЕАТР

Ужас пришел в Черрибелл после полудня в один из невыносимо жарких дней августа.

Возможно, некоторые слова тут лишние: любой августовский день в Черрибелле, штат Аризона, невыносимо жарок. Черрибелл стоит на 89-й автомагистрали, миль на сорок южнее Тусона и миль на

тридцать севернее мексиканской границы. Две бензо-заправочные станции (по обе стороны дороги — чтобы ловить проезжающих в обоих направлениях), универсальный магазин, таверна с лицензией на вино и пиво, киоск — ловушка для туристов, которым не терпится поскорей обзавестись мексиканскими сувенирами;

пустующая палатка, в которой прежде торговали рублеными шницелями, да несколько домов из необожженного кирпича, обитатели которых — американцы мексиканского происхождения, работающие в Нога-лесе, пограничном городке к югу от Черрибелла, и Бог знает почему предпочитающие жить здесь, а на работу ездить (причем некоторые — на дорогах «фордах»), — вот что такое Черрибелл. Плакат над дорогой возвещает: Черрибелл, Нас 42, — но, пожалуй, плакат преувеличивает: Нас умер в прошлом году, тот самый Нас Андерс, который в ныне пустующей палатке торговал рублеными шницелями; и правильной теперь была бы цифра 41.

Ужас явился в Черрибелл верхом на ослике, а ослика вел древний, седобородый и замурзанный крот-старатель, назвавшийся потом Дейдом Грантом. Имя ужаса было Гарвейн. Ростом примерно в девять футов, он был худ как щепка, так худ, что весил наверняка не больше ста фунтов, и хотя ноги его волочились по песку, нести на себе эту ношу ослику старого Дейда было, по-видимому, совсем не тяжело. Как выяснилось позднее, ноги Гарвейна бороздили песок на протяжении пяти с лишним миль, однако это не принесло ни малейшего ущерба его ботинкам, больше похожим на котурны, кроме которых на нем не было ничего, если не считать голубых, как яйцо малиновки, плавок. Но не рост и не сложение делали его страшным: ужас вызывала его кожа, красная, точно сырое мясо. Вид был такой, как если бы кожу с него содрали, а потом надели снова, но уже вывернутой наизнанку. Его череп и лицо были, как и весь он, продолговатыми и узкими; во всех других отношениях он выглядел человеком или, по крайней мере, похожим на человека существом. Если только не считать мелочей — вроде того, что его волосы были под цвет его плавок, голубых, словно яйцо малиновки, и такими же были его глаза и ботинки. Только два цвета: кроваво-красный и светло-голубой.

Первым заметил их на равнине, приближающихся со стороны восточного хребта, Кейси, хозяин таверны, который только что вышел через заднюю дверь своего заведения, чтобы глотнуть пусть раскаленного, но все же чистого воздуха. Они в это время были уже ярдах в ста от него, и фигура верхом на ослике сразу же поразила его своим странным видом. Сначала — только странным; ужас охватил его, когда расстояние уменьшилось. Челюсть Кейси отвисла и осталась в таком положении до тех пор, пока странная троица не оказалась от него ярдах в пятидесяти; тогда он медленно двинулся к ней. Некоторые люди бегут при виде неизвестного, другие идут навстречу. Кейси принадлежал к числу последних.

Они были еще на открытом месте, в двадцати ярдах от задней стены его маленькой таверны, когда он подошел к ним вплотную. Дейд Грант остановился и бросил веревку, на которой он вел ослика. Ослик остановился и опустил голову. Человек, похожий на жердь, встал — то есть просто уперся ногами в землю и поднялся над осликом. Потом он перешагнул через него одной ногой, на мгновение замер, упираясь обеими руками в его спину, а потом сел на песок.

— Планета с высокой гравитацией, — сказал он. — Долой не прстоишь.

— Где бы мне, приятель, водички раздобыть для ослика? — спросил у Кейси старатель. — Пить, верно, хочет, бедняга. Бурдюки и другое пришлось оставить, а то бы разве довез... — И он ткнул оттопыренным большим пальцем в сторону красно-голубого страшилища.

А Кейси только теперь начал понимать, что перед ним самое настоящее страшилище. Если издали сочетание этих цветов пугало лишь слегка, то вблизи кожа казалась шершавой, открытой сосудами и влажной, хотя влажной вовсе не была, и провалиться бы ему на этом самом месте, если она не выглядела содранной со страшилища, вывернутой наизнанку и снова надетой. А то просто содранной — и все. Кейси никогда не видел ничего подобного и надеялся, что ничего подобного больше никогда не увидит.

Он услышал позади себя какое-то движение и обернулся. Это были другие жители Черрибелла — они тоже увидели и теперь шли сюда, но ближайшие из них, двое мальчишек, были еще в десятке ярдов от Кейси.

— Muchachos, — крикнул он им, — agua para el burro. Un pozale. Pronto*.

Потом он вновь повернулся к пришельцам и спросил их:

— Кто вы такие?

— Меня звать Дейд Грант, — ответил старатель, протягивая руку, которую Кейси машинально взял. Когда Кейси ее выпустил, она, взметнувшись над плечом старателя, показала большим пальцем на сидевшего на песке.

— А его, говорит, звать Гарвейн. Космач, что ли, и какой-то министр.

Кейси кивнул человеку-жерди и был рад, когда в ответ последовал кивок, а не протянутая рука.

— Мое имя Мэньюзл Кейси, — сказал он. — Что он там говорит насчет космача какого-то?

Голос человека-жерди оказался неожиданно глубоким и звучным:

— Я из космоса. И я полномочный министр.

Как это ни удивительно, Кейси обладал довольно широким кругозором и знал оба эти выражения; что же касается второго из них, то Кейси, вероятно, был единственным человеком в Черрибелле, кому был понятен его смысл. Тот факт, что он поверил обоим этим заявлениям, был, учитывая внешность его собеседника, менее удивительным, чем то обстоятельство, что Кейси вообще знал, о чем идет речь.

— Чем я могу быть вам полезен, сэр? — спросил он. — Но прежде всего, не перейти ли нам в тень?

— Благодарю вас, не надо. У вас немного прохладнее, чем мне говорили, но я чувствую себя великолепно. На моей планете так бывает прохладными весенними вечерами. А если говорить о том, что вы могли бы для меня сделать, то вы можете сообщить вашим властям о моем прибытии. Думаю, что это их заинтересует.

* — Мальчики, воды для ослика. Одно ведро. Быстро (исп.).

Да, подумал Кейси, тебе посчастливилось напасть на человека, полезнее которого в этом смысле не найдешь и на двадцать миль вокруг. Мэньюзел Кейси был наполовину ирландец, наполовину мексиканец, и у него был сводный брат, наполовину ирландец, всякая всячина, и этот брат был полковником на военно-воздушной базе Дэвис-Монтан под Тусоном.

— Одну минуточку, мистер Гарвейн, я сейчас позвоню. А вы, мистер Грант, не хотите под крышу? — сказал Кейси.

— По мне, так пусть жарит. Все равно деньденской на солнышке. Вот, значит, этот самый Гарвейн и говорит мне: не откалывайся, покуда я не кончу дела. Сказал, даст мне какую-то диковину, если пойду с ним. Чего-то ликтронное...

— Портативный электронный рудоискатель на батарежном питании, — уточнил Гарвейн. — Несложный прибор, устанавливает наличие рудных залежей на глубине до двух миль, указывает вид руды, содержание в ней металла, объем месторождения и глубину залегания.

Кейси судорожно глотнул воздух, извинился и через собирающуюся толпу протолкался в свою таверну. Через минуту он уже говорил с полковником Кейси, но потребовалось еще пять минут, чтобы убедить полковника, что он, Мэньюзел Кейси, не пьян и не шутит.

Через двадцать пять минут в небе послышался шум, который все нарастал — и замер, когда четырехместный вертолет сел и отключил роторы в десяти ярдах от существа из космоса, ослика и двух мужчин. Только у Кейси хватило пока смелости подойти к пришельцам из пустыни вплотную, остальные любопытствующие предпочитали держаться на расстоянии.

Полковник Кейси, а за ним майор, капитан и лейтенант, пилот вертолета, выскочили из кабины и побежали к маленькой группе. Человек, похожий на жердь, встал и выпрямился во все свои девять футов; усилия, которых это ему стоило, говорили о том, что он привык к гравитации гораздо меньшей, нежели земная. Он поклонился, повторил свое имя и опять назвал полномочным министром из космоса. Потом он извинился за то, что снова сядет, объяснил, почему он вынужден это сделать, и сел.

Полковник представился и представил трех своих спутников.

— А теперь, сэр, что мы можем для вас сделать?

Человек, похожий на жердь, скорчил гримасу, которая, по-видимому, означала улыбку. Зубы его оказались такими же голубыми, как глаза и волосы.

— У вас часто можно услышать фразу: «Я хочу видеть вашего шефа». Я этого не прошу: мне необходимо оставаться здесь. В то же время я не прошу, чтобы кого-нибудь из ваших шефов вызвали сюда ко мне: это было бы невежливо. И я согласен рассматривать вас как их представителей, говорить с вами и дать вам возможность задавать вопросы мне. Но у меня к вам просьба. У вас есть магнитофоны. Прошу вас распорядиться, чтобы, прежде чем я начну говорить или отвечать на ваши вопросы, сюда был доставлен магнитофон. Я хочу быть уверенным в

том, что послание, которое получают ваши руководители, будет передано им точно и полно.

— Превосходно, — сказал полковник и повернулся к пилоту: — Лейтенант, ступайте в кабину, включите рацию и передайте, чтобы нам моментально доставили магнитофон. Можно на парашюте... нет, пожалуй, долго провозятся с упаковкой. Пусть пришлют на стрекозе.

Лейтенант повернулся, готовый идти.

— Да, — сказал полковник, — и еще пятьдесят ярдов шнура. Придется тянуть до таверны Мэнни.

Лейтенант сломая голову бросился к вертолету.

Остальные сидели, обливаясь потом, и ждали. Мэньюзел Кейси встал.

— Ждать придется с полчаса, — сказал он, — и если уж мы собираемся оставаться на солнце, кто за бутылку холодного пива? Как вы на это смотрите, мистер Гарвейн?

— Это ведь холодный напиток? Я немного мерзну. Если у вас найдется что-нибудь горячее...

— Кофе, он уже почти готов. Могу я принести вам одеяло?

— Благодарю вас, не надо. В нем не будет нужды.

Кейси ушел и скоро вернулся с подносом, на котором стояло с полдюжины бутылок холодного пива и чашка дымящегося кофе. Лейтенант был уже здесь. Кейси поставил поднос и начал с того, что подал чашку человеку-жерди, который, сделав глоток, сказал:

— Восхитительно.

Полковник Кейси откашлялся.

— Теперь, Мэнни, обслужи нашего друга старателя. Что касается нас, то, вообще говоря, пить во время дежурства запрещено, но в Тусоне было 112 по Фаренгейту в тени, а тут еще жарче и к тому же никакой тени. Так что, джентльмены, считайте себя в официальном увольнении на время, которое вам понадобится, чтобы выпить бутылку пива, или до тех пор, пока нам не доставят магнитофон. То ли, другое ли случится первым — ваше увольнение закончено.

Сначала кончилось пиво, но, допивая его, они уже видели и слышали второй вертолет. Кейси спросил человека-жердь, не желает ли тот еще кофе. Человек-жердь вежливо отказался. Кейси посмотрел на Дейда Гранта и подмигнул; старый крот ответил ему тем же, и Кейси пошел еще за бутылками, по одной на каждого из двоих штатских землян. Возвращаясь, он столкнулся с лейтенантом, который тянул шнур к таверне, Кейси повернул назад и проводил лейтенанта до самого входа, чтобы показать ему, где розетка.

Когда Кейси вернулся, он увидел, что второй вертолет, кроме магнитофона, доставил еще четырех человек, — больше в нем не умещалось. Вместе с пилотом прилетели сержант технической службы (он уже возился с магнитофоном), а также подполковник и младший лейтенант, то ли решившие совершить воздушную прогулку, то ли заинтригованные странным приказом срочно доставить по воздуху магнитофон в Черрибелл, штат Аризона. Теперь они стояли и тарасились на человека-жердь, перешептываясь между собой.

Хотя слово «внимание» полковник промолвил негромко, сразу же наступила мертвая тишина.

— Рассаживайтесь, джентльмены. Так, чтобы был круг. Сержант, нас хорошо будет слышно в микрофон, если вы поместите его в центре такого круга?

— Да, сэр. У меня уже почти все готово.

Десять человек и человекоподобное существо из космоса сели в круг, в середине которого установили небольшой треножник с подвешенным к нему микрофоном. Люди обливались потом; человекоподобного слегка знобило. За кругом, понурив голову, стоял ослик. Постепенно пододвигаясь все ближе, но пока еще футаях в пяти от круга, толпились все жители Черрибелла, оказавшиеся в тот момент дома; палатки и бензозаправочные станции были брошены.

Сержант нажал на кнопку; кассеты завертелись.

— Проверка... проверка... — сказал он. Нажав на кнопку «обратно», он через секунду отпустил ее и дал звук. «Проверка... проверка...» — сказал динамик громко и внятно. Сержант перемотал ленту, стер запись и дал «стоп».

— Когда я нажму на кнопку, сэр, — обратился он к полковнику, — начнется запись.

Полковник вопросительно посмотрел на человека-жердь, тот кивнул, и тогда полковник кивнул сержанту.

— Мое имя Гарвейн, — раздельно и медленно проговорил человек-жердь. — Я прибыл к вам с одной из планет звезды, не упоминаемой в ваших астрономических справочниках, хотя шаровое скопление из 90 000 звезд, к которому она принадлежит, вам известно. Отсюда она находится на расстоянии свыше 4000 световых лет по направлению к центру Галактики.

Однако сейчас я выступаю не как представитель своей планеты или своего народа, но как полномочный министр Галактического Союза, федерации передовых цивилизаций Галактики, созданной во имя всеобщего блага. На меня возложена миссия посетить вас и решить на месте, следует ли приглашать вас вступить в нашу федерацию.

Теперь вы можете задавать мне любые вопросы. Однако я оставляю за собой право отсрочить ответ на некоторые из них до тех пор, пока не приду к определенному решению. Если решение окажется положительным, я отвечу на все вопросы, включая те, ответ на которые был отложен. Вас это устраивает?

— Устраивает, — ответил полковник. — Как вы сюда попали? На космическом корабле?

— Совершенно верно. Он сейчас прямо над нами, на орбите радиусом в 22 000 миль, где вращается вместе с Землей и таким образом все время остается над одним и тем же местом. За мной наблюдают оттуда, и это одна из причин, почему я предпочитаю оставаться здесь, на открытом месте. Я должен просигнализировать, когда мне понадобится, чтобы он спустился и подобрал меня.

— Откуда у вас такое великолепное знание нашего языка? Благодаря телепатическим способностям?

— Нет, я не телепат. И нигде в Галактике нет расы, все представители которой были бы телепатически одаренными; но отдельные телепаты встречаются

в любой расе. Меня обучили вашему языку специально для этой миссии. Уже много столетий мы держим среди вас своих наблюдателей (говоря «мы», я, конечно, имею в виду Галактический Союз). Совершенно очевидно, что я, например, не мог бы сойти за землянина, но есть другие расы, которые могут. Кстати говоря, они не замышляют против вас ничего дурного и не пытаются воздействовать на вас каким бы то ни было образом; они наблюдают — и это все.

— Что даст нам присоединение к вашему Союзу, если нас пригласят вступить в него и если мы такое приглашение примем?

— Прежде всего — краткосрочный курс обучения основным наукам, которые положат конец вашей склонности драться друг с другом и покончат с вашей агрессивностью. Когда ваши успехи удовлетворят нас и мы увидим, что оснований для опасений нет, вы получите средства передвижения в космосе и многие другие вещи — постепенно, по мере того как будете их осваивать.

— А если нас не пригласят или мы откажемся?

— Ничего. Вас оставят одних; будут отозваны даже наши наблюдатели. Вы сами предопределите свою судьбу: либо в ближайшее столетие вы сделаете свою планету совершенно необитаемой, либо овладеете науками сами и тогда с вами опять можно будет говорить о вступлении в Союз. Время от времени мы будем проверять, как идут ваши дела, и если станет ясно, что вы не собираетесь себя уничтожить, к вам обратятся снова.

— Раз вы уже здесь, к чему так спешить? Почему вы не можете пробыть у нас достаточно долго для того, чтобы наши, как вы их называете, руководители смогли лично поговорить с вами?

— Ответ откладывается. Не то чтобы причина спешки была важной, но она достаточно сложная, и я просто не хочу тратить время на объяснения.

— Допустим, что наше решение окажется положительным; как в таком случае установить с вами связь, чтобы сообщить вам о нем? По-видимому, вы достаточно информированы о нас и знаете, что я не уполномочен брать на себя такую ответственность.

— Мы узнаем о вашем решении через своих наблюдателей. Одно из условий приема в федерацию — опубликование в ваших газетах этого интервью полностью, так, как оно записывается сейчас на этой пленке. А потом все будет ясно из действий и решений вашего правительства.

— А как насчет других правительств? Ведь мы не можем единолично решать за весь мир.

— Для начала остановились на вашем правительстве. Если вы примете приглашение, мы укажем способы побудить других последовать вашему примеру. Кстати, способы эти не предполагают какого-либо применения силы или хотя бы угрозы такового.

— Хороши, должно быть, способы, — скривился полковник.

— Иногда обещание награды значит больше, чем

любая угроза. Вы думаете, другие захотят, чтобы ваша страна заселяла планеты далеких звезд еще до того, как они смогут достичь Луны? Но это вопрос сравнительно маловажный. Вы вполне можете положиться на наши способы убеждения.

— Звучит это прямо-таки сказочно прекрасно. Но вы говорили, что вам поручено решить сейчас, на месте, следует или нет приглашать нас вступить в вашу федерацию. Могу я спросить, на чем будет основываться ваше решение?

— Прежде всего я должен (точнее, был должен, так как я уже это сделал) установить степень вашей ксенофобии. В том широком смысле, в каком вы его употребляете, слово это означает страх перед чужаками вообще. У нас есть слово, не имеющее эквивалента в вашем языке; оно означает страх и отвращение, испытываемые перед физически отличными от нас существами. Я как типичный представитель своей расы был выбран для первого прямого контакта с вами. Поскольку я для вас более или менее человекоподобен (точно так же, как более или менее человекоподобны для меня вы), я, вероятно, вызываю в вас больший ужас и отвращение, чем многие совершенно отличные от вас виды. Будучи для вас карикатурой на человека, я внушаю вам больший ужас, нежели какое-нибудь существо, не имеющее с вами даже отдаленного сходства.

Возможно, вы сейчас думаете о том ужасе и отвращении, которые вы испытываете при виде меня. Но поверьте мне, это испытание вы прошли. Есть в Галактике расы, которым никогда не стать членами федерации, как бы ни преуспели они в других областях, потому что они тяжело и неизлечимо ксенофобичны; они никогда не смогли бы смотреть на существо какого-либо другого вида или общаться с ним; они или с воплем бросились бы прочь от него, или попытались бы тут же с ним расправиться. Наблюдая вас и этих людей, — он махнул длинной рукой в сторону гражданского населения Черрибелла, столпившегося неподалеку от круга сидящих, — я убеждаюсь в том, что мой вид вызывает в вас отвращение, но, поверьте мне, оно относительно слабое и, безусловно, излечимое. Это испытание вы прошли удовлетворительно.

— А есть и другие?

— Еще одно. Но, пожалуй, пора мне...

Не закончив фразы, человек-жердь навзничь упал на песок и закрыл глаза.

В один миг полковник был на ногах.

— Что за черт?! — вырвалось у него. Обойдя тренажник с микрофоном, он склонился над неподвижным телом и приложил ухо к кроваво-красной груди.

Когда он выпрямился, лохматый седой старатель Дейд Грант смеялся.

— Сердце не бьется, полковник, потому что его нет. Но я могу оставить вам Гарвейна в качестве сувенира, и вы найдете в нем вещи куда более интересные, чем внутренности и сердце. Да, это марионетка,

которой я управлял, как ваш Эдгар Берген* управляет своим... как же его зовут?.. ах да, Чарли Маккарти. Он выполнил свою задачу и деактивирован. Займите свое место, полковник.

Полковник Кейси медленно отступил назад.

— Для чего все это? — спросил он.

Дейд Грант сорвал с себя бороду и парик. Куском ткани он стер с лица грим и оказался красивым молодым человеком. Он продолжал:

— То, что он сказал вам (или, вернее, то, что вам было через него сказано), — все правда. Да, он только подобие, но он точная копия существа одной из разумных рас Галактики — расы, которая, по мнению наших психологов, показалась бы вам, будь вы тяжело и неизлечимо ксенофобичны, ужаснее любой другой. Но подлинного представителя этого вида мы не привезли с собой потому, что у этих существ есть своя собственная фобия, агорафобия — боязнь пространства. Они высокочивилизованы и пользуются большим уважением в федерации, но они никогда не покидают своей планеты.

Наши наблюдатели уверяют, что такой фобии у вас нет. Но им не вполне ясно, насколько велика ваша ксенофобичность, и единственным способом установить ее точную степень было привезти вместо кого-то что-то, на чем можно было бы ее испытать, и заодно, если это окажется возможным, установить с вами первый контакт.

Здох полковника услышали все.

— По совести говоря, в одном смысле это приносит мне огромное облегчение. Мы, безусловно, в состоянии найти общий язык с человекоподобными, и мы найдем его, когда в этом возникнет необходимость. Но, должен признаться, это большая радость — узнать, что все-таки господствующая раса Галактики — настоящие люди, а не какие-то там человекоподобные. Второе испытание?

— Вы уже подвергаетесь. Зовите меня... — Он шелкнул пальцами. — Как зовут другую марионетку Бергена, которую он создал после Чарли Маккарти?

Полковник заколебался, но за него дал ответ сержант-техник:

— Мортимер Снерд.

— Правильно. Тогда зовите меня Мортимером Снердом. А теперь мне, пожалуй, пора. — И он повалился навзничь на песок и закрыл глаза точно так же, как за несколько минут до этого человек-жердь.

Ослик поднял голову и просунул ее в круг через плечо сержанта.

— С куклами все, — сказал он. — Так что вы там говорили, полковник, будто господствующей расой должны быть люди или хотя бы человекоподобные? И вообще, что это такое — господствующая раса?

* Эдгар Берген — американский комик и чревовещатель, ставший популярным благодаря своей знаменитой кукле Чарли Маккарти, а потом и другой, которую он назвал Мортамером Снердом. (Примеч. перев.)

ЧЕПУШИНКА

К магазинчику было не протолкнуться.

Кроуэлл ввинтился в толпу; длинное лицо его оставалось таким же печальным, каким оно было всегда. Через худое плечо он посмотрел назад, буркнул что-то себе под нос и заработал локтями.

Он увидел, как ярдах в ста позади к тротуару, жужжа мотором, быстро подползла длинная, черная, блестящая машина-жук. Щелкнув, открылась дверца, и из машины с трудом вылез толстяк, на бледном сероватом лице которого застыло выражение злобы. Впереди сидело двое телохранителей.

«А вообще-то стоило ли убежать?» — подумал Кроуэлл, известный в своем кругу под прозвищем Плут. Ведь он устал. Не было больше сил выступать каждый вечер в программе новостей и каждое утро, просыпаясь, знать, что из-за какого-то упоминания вскользь о том, что в последнее время некий толстяк в «Пластикс инкорпорейтед» занимается темными делишками, за тобой по пятам ходят гангстеры. А теперь и сам толстяк объявился, собственной персоной. Притащился за ним из самой Пасадены.

Теперь наконец Кроуэлл со всех сторон окружала толпа. «Интересно, — подумал он, — отчего здесь столько народу? Необычное зрелище? Ну а что, вообще говоря, увидишь обычного в Южной Калифорнии?»

Он протиснулся вперед и уставился на большие алые буквы на окнах из голубого стекла; выражение его худого грустного лица не изменилось.

Слова на голубом стекле были такие:

ШТУКОВИНЫ, ФИНТИФЛЮШКИ,
ПУСТЯКОВИНКИ, БАРАХЛИНКИ,
ШТУЧКИ-ДРЮЧКИ,
ЧЕПУШИНКИ, ЕРУНДОВИНЫ
И ПРОЧ.

Кроуэлл это не удивило. Вот, значит, магазин, который имел в виду редактор, когда давал ему задание. Ерунда какая-то и чепуха.

Но тут он вспомнил про Стива Бишоп, толстяка, и про телохранителей с пистолетами. Когда в море штурм, любой порт хорош.

Кроуэлл достал из кармана небольшой блокнот, небрежно записал два-три названия — ерундовины, штучки-дрючки; все равно Бишопу в этой толпе его не подстрелить. Стрелять-то у Бишоп, по совести говоря, право есть: как-никак он, Плут, пугает Бишоп разоблачением — трехмерными цветными изображениями...

Кроуэлл боком пролез к полупрозрачной двери; будто водопад отгораживал посетителей от решенного в холодных — белом и голубом — тонах помещения. Кроуэллу стало немного зябко. Он сосчитал небольшие стеклянные шкафы (их оказалось семнадцать) и мертвенно-серыми, ничего не выражающими глазами начал рассматривать то, что в них стоит.

Из-за шкафчика голубого стекла появился вдруг

лысый человек, худой как скелет. Он был такой маленький, что Кроуэлл с трудом подавил в себе желание похлопать его по лысине. Казалось, эта лысина создана для того, чтобы по ней хлопать.

Квадратное лицо человека было блекло-желтым, того особого оттенка желтизны, который приобретают выцветшие газеты.

— Слушаю вас, — сказал человек.

— Привет, — негромко поздоровался Кроуэлл, раздумывая, что делать дальше. Теперь, когда он в магазине, что-то нужно говорить. — Я хотел бы купить... штуковину.

В голосе у Кроуэлла звучали те же грусть и усталость, какие были написаны на его лице.

— Великолепно, великолепно! — отозвался человек и потер руки. — Не знаю почему, но по-настоящему заинтересовались вы первый. Другие просто стоят там, на улице снаружи и смеются. Так к делу: какого года штуковина вам нужна? И какой модели?

Ни того, ни другого Кроуэлл не знал. Он знал только, что испытывает замешательство, однако никто другой, глядя на его лицо, этого бы не заметил. Войдя, он сразу повел себя так, будто собаку съел на этих делах. И теперь признаваться в своем невежестве ему было совсем ни к чему. Он сделал вид, будто обдумывает ответ, и наконец сказал:

— Пожалуй, в самый раз подошла бы модель 1993 года. Не надо ничего сверхсовременного.

Владелец магазина заморгал.

— Ага! Я вижу, вы человек, который знает, что ему нужно. Сюда, пожалуйста.

И, метнувшись в проход между шкафами, человек остановился перед стеклом, за которым лежало что-то непонятное. Смахивало на кривошип, но одновременно напоминало кухонную полку; с металлического края свисало несколько сережек, и на том же краю были жестко закреплены три похожих на рога стержня и шесть диковинных механизмов, а наверху, из самой середины, торчал большой пучок чего-то, что более всего напоминало шнуры от ботинок.

Из горла Кроуэлл вырвался такой звук, будто он подавился пуговицей. Он посмотрел еще раз. Ну что тут скажешь? Только одно: малыш совсем ненормальный. Но об этом, пожалуй, лучше помалкивать.

Что же касается крохотного хозяина лавки, то он был на вершине счастья: его глаза сияли, губы растянулись в самую приветливую улыбку, руки со сплетенными пальцами были прижаты к груди, и он стоял, наклонившись вперед, полный ожидания.

— Вам нравится?

Кроуэлл мрачно кивнул.

— Да, пожалуй. Годится. Я, правда, видел и лучше.

— Получше?! — изумленно воскликнул человек и вытянулся во весь свой маленький рост. — Где видели? — потребовал он ответа. — Где?

Другой бы занервничал. Другой, но только не

Кроуэлл. Он просто вытащил блокнот, начал в нем быстро писать и, не поднимая головы, ответил многозначительно:

— Кто-кто, а уж вы-то знаете где...

Он надеялся, что этого будет достаточно. И не ошибся.

— О! — Крохотный человечек захлебнулся от восторга. — Значит, вы тоже?.. Как приятно иметь дело со сведущим человеком! Как приятно!

Кроуэлл бросил взгляд на окно — посмотреть, что там, за толпой хихикающих зевак. И толстяк, и телохранители, и черная машина исчезли. Охота приостановилась — пока.

Кроуэлл сунул блокнот в карман, положил руку на шкафчик, в котором была выставлена шутовина.

— Я очень спешу. Могу я взять это с собой? Деньги у меня дома, но вместо первого взноса я могу вам дать кое-что в обмен. Согласны? ♪

— Безусловно согласен!

— Замечательно.

Набравшись духу, Кроуэлл полез в карман своей серой блузы и извлек оттуда маленькое металлическое устройство для чистки курительных трубок. Поломанное, погнутое, оно выглядело довольно необычно.

— Пожалуйста. Барахлинка. Модель 1944 года.

— Какая же это барахлинка?

— Э-э... разве нет?

— Разумеется, нет!

— Разумеется, — осторожно повторил Кроуэлл.

— Это шутовинка, — сказал, моргая, человечек. — И не целая, а только часть. Ну и шутник же вы, мистер...

— Кроуэлл. Мда... шутник. Мда. Надеюсь, моя шутка не очень вас покорила. Так меняемся? Я очень спешу.

— Конечно, конечно! Я поставлю вашу покупку на тележку, и мы подвезем ее прямо к вашей машине.

Крохотный человек мгновенно выкатил откуда-то ручную тележку на маленьких колесиках, и Кроуэлл оглянуться не успел, как шутовина оказалась на ней. Хозяин помог докатить тележку до двери. У двери Кроуэлл остановил его:

— Минутку.

Черной машины нигде не было видно.

— Все в порядке.

Понизив голос, человечек сказал:

— Помните только, мистер Кроуэлл: ни в коем случае не следует убивать этой шутовинкой кого ни попадя. Убивайте... с разбором. Да, только так — с разбором, взвесив хорошенько все «за» и «против». Не забудете, мистер Кроуэлл?

Кроуэлл проглотил непомерной величины ком, откуда-то взявшийся у него в горле.

— Не забуду, — ответил он.

Съехав на машине в туннель, он покатил по подземной магистрали из района Уилшира домой, в Брентвуд. Никто за ним не увязался. На этот счет сомнений не было. Но какие планы у Бишопа на ближайшие часы, он не знал. Не знал. И даже думать об этом не хотел. В этом мерзком мире все шиворот-

навыворот — честному человеку в нем не выжить. Что же до Бишопа, этого жирного слизняка, то...

Взгляд Кроуэлла упал на покупку рядом на сиденье, и его сотряс короткий и сухой, похожий на кашель смех.

— Значит, ты шутовина? — сказал он. — Ха! Каждый зарабатывает на жизнь чем может. Бишоп пластиком, я — шантажом, а тот маленький придурак — своими ерундовинами и штучками-дрячками. И пожалуй, малышка этот ловчей нас всех.

Он свернул от ответвления подземной магистрали, по которому ехал, в боковой туннель, выходящий на поверхность у самого его дома. Поставив белого «жука» в гараж и оглядев парк вокруг, он со шутовинной в руках поднялся на свой этаж, набрал известное только ему сочетание цифр, открыл дверь, внес шутовину, захлопнул дверь и поставил свою покупку на стол. Потом он налил себе бренди.

В дверь постучали, негромко и с расстановкой. Оттягивать бесполезно. Он пошел к двери и открыл.

— Привет.

На пороге стоял толстяк. Лицо — как большой кусок вареного свиного сала, холодного и дряблого. Зеленых, в красных прожилках глаз почти не видно под тяжелыми веками. Сигара во рту двигалась в такт словам.

— Рад, что застал тебя, Кроуэлл. Давно хотел с тобой встретиться.

Кроуэлл отступил, и толстяк вошел в комнату. Сел, сложил на круглом животе руки и спросил:

— Ну так как?

Кроуэлл сглотнул слюну.

— Снимков у меня здесь нет, Бишоп.

Толстяк ничего на это не сказал. Медленно разомкнул руки, не спеша, словно за носовым платком, полез в карман, но вместо платка в руке у него оказался небольшой пистолет-парализатор. От голубой стали веяло холодом.

— Может, все-таки подумаешь, Кроуэлл?

На печальном, бледном лице Кроуэлла проступил холодный пот, от этого оно стало еще печальней. Шея будто налилась свинцом. Он попытался было включить свой мозг, но мозгу стало вдруг невыносимо жарко, мозг был скован цементом страха, безжалостного и внезапного. Внешне это никак не проявилось, однако в глазах у Кроуэлла Бишоп, пистолет, комната запрыгали вверх-вниз.

И тут в поле его зрения попала... шутовина.

Бишоп передвинул на пистолете штифт предохранителя.

— Ну так куда стрелять? Могу в грудь, могу в голову. Говорят, если парализует мозг, умираешь скорее. Лично я предпочитаю целиться в сердце. Так куда?

— Не торопись, — небрежно сказал Кроуэлл. Медленно-медленно он отступил назад. Сел, не забывая ни на миг о том, что палец Бишопа дрожит на спусковом крючке: стоит чуть нажать, и все кончено, будешь благодарить за то, что получил доступ к величайшему изобретению нашего времени.

Огромное лицо Бишопа оставалось неподвижным. Только двигалась из стороны в сторону сигара.

— Брось, Кроуэлл. Нет времени болтать...

— Наоборот, куча времени,— спокойно возразил Кроуэлл.— У меня есть для тебя идеальное оружие. Хочешь верь, хочешь нет. Взгляни вон на ту машину на столе.

Голубея сталью, пистолет неподвижно на него смотрел. Бишоп скосил глаза на стол, снова впери́л взгляд в Кроуэлла.

— Ну и что? — процедил он сквозь зубы.

— А то, что, если меня выслушаешь, ты станешь самым крупным воротилой в пластиковом бизнесе на всем Тихоокеанском побережье. Ведь тебе этого хочется, правда?

Глаза Бишопы открылись немного шире, сузились снова.

— Тянешь время?

— Послушай, Бишоп, я и сам понимаю, что деваться мне некуда. Потому и беру тебя в долю... в смысле этой моей проклятой штуковины. Все никак не придумаю для нее названия.

Как перегревшаяся центрифуга отчаяния, работал мозг Кроуэлла, отбрасывая одну легковесную идею за другой. Но одна мысль упорствовала: тяни время, пока не появится возможность вырвать пистолет, морщ ему голову, Морочь, сколько сможешь. Ну, а теперь...

— Она... она убивает радиоволнами,— начал придумывать он.— Достаточно отдать ей приказ; и она убьет, кого я только захочу. Никаких неприятностей. Никаких улик. Ничего вообще. Идеальное убийство, Бишоп. Тебе нравится?

Бишоп покачал головой.

— Ты наакался. Ну ладно, дело уже к вечеру, так что...

— Подожди,— перебил Кроуэлл, вдруг подавшись вперед; в его серых глазах зажегся огонек.— Не шевелись, Бишоп. Ты под прицелом. Машина держит тебя на мушке. Прежде чем впустить тебя, я настроил ее на определенную волну. Только пикни — и тебе конец!

Сигара выпала изо рта Бишопы на пол. Рука, державшая пистолет, дрогнула.

Наконец-то! Мускулы Кроуэлла свернулись в одну тугую пружину. Как стрелы полетели слова:

— Берегись, Бишоп! Машина, действуй! Убей Бишопы!

И Кроуэлл швырнул свое тело в сторону. Почувствовал, как отделяется от стула, увидел ошеломленное лицо Бишопы. Отвлекающий маневр удался. Пистолет выстрелил. Серебристый луч едва миновал ухо Кроуэлла и, шипя, расплескался по стене. Кроуэлл вытянул руки, чтобы схватить Бишопы, вырвать пистолет.

Но опоздал.

Бишоп был мертв.

Штуковина опередила Кроуэлла.

У себя в спальне Кроуэлл выпил, стаканчик. Потом еще один. Теперь казалось, что желудок плавает в алкоголе. Но все равно не удавалось забыть, как выглядел мертвый Бишоп.

Надо еще стаканчик пропустить. Он глянул на дверь и подумал: «Очень скоро, в ближайшие несколько минут, телохранители будут ломиться в квартиру, будут искать своего босса. Но... выйти в гостиную, снова увидеть Бишопы на полу, штуковину?» По спине Кроуэлла пробежала дрожь.

Еще стаканчик, за ним другой, но по-прежнему ни в одном глазу, будто не выпил ни капли; и он начал собирать чемодан, складывать туда одежду. Он не знал, куда отправится, но знал, что отправится обязательно. Уже собрался выходить, когда звуком, похожим на удар гонга, прозвучал сигнал аудиофона.

— Да?

— Мистер Кроуэлл?

— Он самый.

— С вами говорят из «Лавки Чепуховин».

— А-а... как же, помню. Здравствуйте.

— Вы не заглянете в лавку еще раз? И не захватите с собой штуковину? Боюсь, что вы понесли убыток в этой сделке. У меня появилась штуковина другой модели, гораздо лучшая.

Кроуэлл сглотнул слюну:

— Спасибо, эта работает прекрасно.

Он дал отбой и схватился за голову: ему показалось, что его мозг вот-вот соскользнет к нему в ботинки. Он и не думал убивать. Все в нем восставало против одной только мысли об убийстве. И от этого положение его еще труднее. Эти вооруженные люди, телохранители, не остановятся даже перед тем, чтобы...

Его нижняя челюсть немного выпятилась. Пусть приходят! На сей раз он не побежит. Нет, он останется в городе, будет себе спокойно передавать последние известия, словно ничего не произошло. Как ему все это надоело! Пусть его убьют, ему все равно. Он будет просто счастлив, когда они нацелят на него пистолеты.

А вообще-то, зачем ему лишние осложнения? Лучше отнести Бишопы... вернее, тело Бишопы в гараж, положить на заднее сиденье машины и увезти в безлюдное место, а телохранителей он собьет со следа — скажет, что похитил и спрятал Бишопы. Неплохая мысль, черт возьми. Все-таки он, Кроуэлл, умница!

Он попытался поднять тяжелое тело Бишопы. Не смог. Но в конце концов переправить тело вниз на заднее сиденье машины удалось — это за него сделала штуковина.

Кроуэлл, пока она этим занималась, оставался в своей спальне. Ему не хотелось смотреть, как штуковина это делает.

— О, мистер Кроуэлл? — Крошечный хозяин лавки широко открыл сверкающую стеклянную дверь. На окна магазина и сейчас глазели зеваки. — Я вижу, вы привезли штуковину? Превосходно.

Лихорадочно соображая, Кроуэлл поставил устройство на прилавок. М-м... быть может, теперь ему что-нибудь объяснят? Спрашивать нужно деликатно, не впрямую. Спрашивать так, чтобы...

— Послушайте, мистер, не знаю как вас зовут,

я не говорил вам, но я репортер. Мне бы хотелось сделать передачу для «Последних новостей» о вас и о вашей лавке. Но чтобы рассказали вы сами.

— Вы знаете о пустяковинах и ерундовинах ничуть не меньше меня,— сказал человек.

— Не меньше?..

— Такое у меня, во всяком случае, создалось впечатление.

— О, конечно. Конечно, знаю. Но всегда лучше на кого-то сослаться, понимаете?

— Ваша логика мне неясна, но я сделаю то, чего вы от меня хотите. Слушатели захотят, по-видимому, узнать подробно о моей «Лавке Чепуховин», не так ли? Ну что ж... Чтобы мое торговое дело выросло до нынешних масштабов, потребовались тысячи лет пути.

— Тысячи миль пути,— поправил Кроуэлл.

— Тысячи лет,— повторил человек.

— Разумеется,— сказал Кроуэлл.

— Мою лавку, пожалуй, можно назвать энергетическим результатом неадекватного семантизирования. Устройства, которые вы здесь видите, вполне справедливо было бы назвать изобретениями, делающими не конкретно что-то, а вообще.

— Разумеется,— бесстрастно сказал Кроуэлл.

— Теперь вот что: если один человек показывает другому деталь автомобиля и не может вспомнить ее названия, что он говорит в таких случаях?

Кроуэлла осенило:

— Он называет ее штуковиной, или загогулиной, или ерундовиной...

— Верно. А если женщина говорит с другой женщиной о своей стиральной машине, или о взбивалке для яиц, или о вышивании тамбуром, или о вязанье и у нее вдруг затмение в голове и она не может вспомнить точное слово — что она тогда говорит?

— Она говорит: «Эту висюльку надень на загогулину. Придержи финтифлюшку и насади ее на рогульку»,— сказал Кроуэлл, радуясь, как школьник, понявший вдруг математическое правило.

— Совершенно верно! — воскликнул человек. — Хорошо. Таким образом, мы здесь имеем дело с появлением семантически неточных обозначений, пригодных лишь для описания любого предмета — от куриного гнезда до автомобильного картера. «Штуковиной» могут называть и парик, и половую тряпку. Штуковина — это не один определенный предмет. Это тысяча разных предметов. Да... так вот что я сделал: проникал в сознание цивилизованных людей, извлекал представление каждого о том, как выглядит штуковина, о том, как выглядят штучки-дрючки, и непосредственно из энергии атомов создавал материальные эквиваленты этих несовершенных обозначений. Иными словами, мои изобретения суть трехмерные репрезентации определенных сгустков смысла. Поскольку в сознании человека «штуковиной» может быть что угодно — от щетки до стального болта девятого размера, — это свойство повторено и в моих изобретениях. Штуковине, которую вы сегодня брали домой, под силу почти все, чего вы от нее захотите. Многие из моих изобретений благодаря вложенным в них способностям мыслить самостоятельно передвигаться и выполнять самые

разнообразные действия, по существу, сходны с роботами.

— Они могут все?

— Не все, но очень многое. Что же касается функционирования большинства из них, то оно возможно благодаря примерно шестидесяти протекающим в любом из них одновременно процессам, необычным, взаимодействующим, разнообразным по объему и интенсивности. У каждого из моих творений свой набор полезных функций. Одни устройства большие. Другие маленькие. У большинства — множество разнообразных применений. На долю маленьких выпадают всего одна или две простые функции. Ни одно изделие не повторяет другое в точности. Прикиньте сами, сколько времени, места и денег вы сэкономите, купив какую-нибудь из моих штукovin!

— Ага,— отозвался Кроуэлл. Ему вспомнилось тело Бишопы. — Использовать вашу штуковину можно очень многообразно, тут уж ничего не скажешь.

— Хорошо, что вы напомнили. Я хочу спросить вас о пустяковинке модели 1944 года, которую вы дали в счет стоимости моей штуковины. Где вы ее раздобыли?

— Где раздобыл? Вы про эту, для чистки... то есть про пустяковинку? Я... э-э... я...

— Вам не следует ничего опасаться, вы можете быть со мной откровенным. Ведь у нас общие профессиональные тайны. Вы сделали ее сами?

— Я... я купил ее, а потом над ней работал. Вкладывал... вкладывал энергию мысли — ну вы знаете как.

— Значит, вам известен этот секрет? Подумать только! А я-то считал, что, кроме меня, о возможности превращать мысль в энергию не знает никто. Какой блестящий ум! Вы учились в Рругре?

— Нет. До сих пор жалею, что не попал туда. Не было возможности. Всего достиг собственными силами. Ну а теперь вот что: я бы хотел вернуть эту штуковину и взять что-нибудь другое. Штуковина мне не нравится.

— Не нравится? Но почему?

— Да просто не нравится — и все. Слишком много возни. Мне бы хотелось что-нибудь попроще.

«Да,— подумал он про себя,— попроще, чтобы видно было, как работает».

— Какого рода устройство, мистер Кроуэлл, желаете вы взять в этот раз?

— Дайте мне... штучку-дрючку.

— Штучку-дрючку какого рода?

— А не все равно какого?

— О, вы опять шутите!

Кроуэлл сделал глотательное движение.

— Разумеется, шучу.

— Вы ведь, конечно, знаете, что год от года свойства штучки-дрючки, как и само ее название, меняются, и меняются они уже на протяжении тысячи лет.

— А сами вы не шутите? — спросил Кроуэлл. — Нет, не шутите. Не обращайте внимания на мои слова. Дайте мне штучку-дрючку, и я поеду домой.

Что это он говорит — «домой»? Не очень-то умно было бы отправиться туда сейчас. Лучше затаиться где-нибудь в укромном местечке и довести до сведения телохранителей: он держит Бишопы заложником. Да.

Только так, это надежней всего. А пока неплохо бы разузнать об этой лавке... Но держать около себя что-нибудь подобное той штуковине? Нет уж, увольте!

Маленький владелец магазина между тем продолжал:

— У меня целый ящик штук-дючек из всех исторических эпох, я вам его отдам. Просто не знаю, куда мне девать это добро, а пока только вы принимаете меня всерьез. За весь сегодняшний день у меня не было ни одного покупателя. Меня это очень огорчило.

«Да, мозги у этого малышки здорово набекрень», — подумал Кроуэлл и сказал:

— Знаете что? У меня дома пустой чулан. Как-нибудь на днях доставьте ко мне всю эту мелочь, и я посмотрю ее и выберу, что мне понравится.

— А не могли бы вы сделать мне одолжение и взять часть товара прямо сейчас?

— Не знаю, смогу ли я...

— О, немного! Совсем немного. Серьезно. Вот они. Сейчас увидите сами. Несколько коробочек побрякушек и финтифлюшек. Вот они. Вот.

Владелец магазинчика наклонился и вытащил из-под прилавка шесть коробок.

Кроуэлл открыл одну.

— Эти я возьму, тут и говорить не о чем. Одни только шумовки, ножи для чистки овощей, дверные ручки и старые голландские пенковые трубки — больше тут ничего нет. Эти я, конечно, возьму.

Совсем не страшные. Маленькие, простые. Вряд ли можно ждать от них неприятных сюрпризов.

— О, благодарю вас! Очень вам признателен. Положите все на заднее сиденье своей машины, я за них не возьму с вас ничего. Я рад, что освобождаю у себя место. За последние годы я столько насоздавал, что не знаю, куда все это девать. Меня тошнит от одного вида моих изделий.

Обхватив коробки обеими руками, придерживая верхнюю подбородком, Кроуэлл вышел на улицу, к своему белому «жуку», и свалил все на заднее сиденье. Потом махнул человечку рукой, сказал, что на днях они обязательно встретятся, и поехал.

Час, проведенный в лавке, захлебывающаяся радость человечка, яркий свет в помещении привели к тому, что Кроуэлл впервые за все это время забыл о телохранителях Бишоп и о самом Бишопе.

Мотор ровно жужжал у него под ногами. Он ехал к центру, к студиям, и пытался решить, что делать дальше. Почувствовав вдруг любопытство, протянул руку к коробкам на заднем сиденье и вытащил первое, что попалось. Курительная трубка, всего-навсего. От одного ее вида ему захотелось курить, и он достал из вшитого в блузу кисета табак, набил трубку и с опаской, осторожно ее закурил. С шумом выпустил дым. Просто блеск. Трубка что надо!

Он курил, позабыв обо всем на свете, когда увидел что-то в зеркале заднего вида. За ним следовали два черных «жука». Точно, те самые — черные как ночь, с мощными двигателями.

Кроуэлл мысленно выругался и прибавил скорость. Черные машины приближались. Двое убийц в одной, двое — в другой.

Не остановиться ли и не сказать ли им, что он их босса держит заложником?

В руках убийц в низких машинах поблескивали пистолеты. Такие типы сперва стреляют, а уж потом разговаривают. Нет, к этому он готов не был. Он-то рассчитывал укрыться в надежном месте, позвонить им и предъявить ультиматум. Но чтобы... такое?

Машины неотвратно приближались.

Кроуэлл нажал на педаль. На лбу выступили и наперегонки побежали вниз капельки пота. Ну и влип же он! Зря он, пожалуй, поторопился вернуть штуковину. Очень пригодилась бы сейчас — как пригодилась неожиданно с Бишопом.

Штуковина... А штучки-дючки?!

У него вырвался ликующий крик.

Протянув руку назад, он начал судорожно рыться в штучках-дючках, пустяковинках, ерундовинках, барахлинках. Похоже, ничего стоящего нет, но он попробует.

— Валайте, штуквинки, делайте свое дело! Защищайте меня, черт вас побери!

На заднем сиденье что-то забрякало, зазвенело, и что-то металлическое, просвистев у самого уха Кроуэлла, вылетело на прозрачных крыльях наружу, повернуло к преследующему «жуку» и ударилось в ветровое стекло.

Взрыв — зеленое пламя и серый дым.

Трррышка сделала свое дело. Она была сочетанием игрушечного самолетика и артиллерийского снаряда.

Кроуэлл нажал на педаль, и его «жук» снова вырвался вперед. Вторая машина по-прежнему шла за ним. Нет, по доброй воле они от него не отстанут.

— Убейте и этих! — закричал Кроуэлл. — Убейте! Как хотите, но убейте!

Схватив коробку, он вышвырнул все, что в ней было, за окошко, потом проделал то же с содержимым другой коробки. Что-то сразу поднялось в воздух. Остальное безобидно запрыгало по асфальту.

Два предмета сверкали в воздухе. Две пары ножниц, острых и блестящих — только можно было подумать, будто в каждую пару вставлено по маленькому антигравитационному двигателю. Со свистом разрезая воздух, они понеслись назад, к преследующему черному «жуку».

Блеснув, ножницы влетели в открытые окошки машины.

Черный «жук» вдруг потерял управление, свернул с мостовой на тротуар, ударился на полной скорости в стену, перевернулся один раз, другой, и внезапно его охватило буйное пламя.

Кроуэлл бессильно откинулся на спинку сиденья. Его машина, замедлив ход, повернула за угол и остановилась у тротуара. Он дышал часто-часто. Сердце, казалось, вот-вот вырвется из груди.

Теперь, если он захочет, он может возвращаться домой. Теперь никто не ждет его там, не подстерегает в засаде, не будет останавливать и допрашивать, не будет ему угрожать.

Да, теперь можно возвращаться домой. Странно, но от этой мысли ему не становилось ни легче, ни радостней. Наоборот, на душе было темно, уныло, не-

уютно. До чего же гнусное место этот мир! Во рту у него было противно и горько.

Он поехал домой. Может быть, теперь все будет хорошо? Может быть...

Взяв оставшиеся коробки, он вылез из машины и на лифте поднялся на свой этаж. Открыл дверь, поставил коробки на стол и начал разбирать то, что в них было.

Новая трубка снова была у него в зубах. Некоторое время назад он машинально взял ее в рот. Нервы. Нужно закурить, тогда успокоишься.

Он набил трубку свежим табаком и раскурил ее. А вообще только псих мог отдать незнакомому человеку все это добро. Опасно, когда такое попадает неизвестно в чьи руки. Всякая сомнительная публика может получить свободный доступ к этим вещам, может использовать их в своих целях.

Рассмеявшись, он затянулся снова.

Теперь он кум королю. Эти матерые дельцы из «Пластикс инкорпорейтед» будут ходить перед ним на задних лапках, будут платить ему деньги, будут,

черт бы их побрал, выполнять каждое его желание — добиться этого ему помогут маленький хозяин лавки и его товар.

А вообще-то, со всеми этими делами будет уйма хлопот. Он сел и задумался, и душу его снова заполнил мрак, как повторялось уже многие годы. Опять приступ хандры.

Чего можно добиться в этом мире? Чего ради он живет? Ох, и устал же он!

Иногда, вот как сегодня ночью и столькими другими ночами за все прошедшие долгие годы, мелькала мысль: а неплохо было бы, если бы люди с пистолетами догнали его и по самую макушку начинили параличом. Иногда, будь у него в руке пистолет, *он бы и сам себе разнес череп.*

Внезапный взрыв. Кроуэлл поднялся. Замер. Упал на колени.

Он совсем забыл о трубке у себя во рту — забыл о том, что у него во рту чепушинка.

Способ, каким она ему об этом напомнила, привел, как это ни прискорбно, к фатальным последствиям.

Урсула Ле Гуин

МАСТЕРА

Нагой, он стоял один, во тьме, и обеими руками держал над головой горящий факел, от которого густыми клубами валил дым. В красном свете факела землю под ногами было видно всего на несколько шагов вперед; дальше простирался мрак. Время от времени налетал порыв ветра; вдруг становился виден (или это только ему мерещилось?) блеск чьих-то глаз, становилось слышно подобное далекому грому бормотанье: «Держи его выше!» Он тянул факел выше, хотя руки дрожали и факел в них дрожал тоже. Бормочущая тьма, обступив его, закрывала все пути к бегству.

Красное пламя заплесало сильнее, ветер стал холоднее. Онемевшие руки задрожали снова, факел начал клониться то в одну сторону, то в другую; по лицу стекал липкий пот; уши уже почти не воспринимали тихого, но все вокруг заполняющего рокота: «Выше, выше держи!..» Время остановилось, но рокот разрастался, вот он уже стал воем, но почему-то (и это было страшно) в круге света по-прежнему не появлялся никто.

— Теперь иди! — бурей провыл могучий голос. — Иди вперед!

Не опуская факела, он шагнул вперед. Земли под ногами у него не оказалось. С воплем о помощи он упал в тьму и гул. Впереди не было ничего, только языки пламени метнулись к его глазам — падая, он не выпустил из рук факела.

Время... время, и свет, и боль, все началось снова. Он стоял на четвереньках в канаве, в грязи. Лицо саднило, а глаза, хотя было светло, видели все, как

сквозь пелену тумана. Он оторвал взгляд от своей запятнанной грязью наготы и обратил его к стоящей над ним светлой, но неясной фигуре. Казалось, что свет исходит и от ее белых волос, и от складок белого плаща. Глаза смотрели на Ганиля, голос говорил:

— Ты лежишь в Могиле. Ты лежишь в Могиле Знания. Там же лежат и больше не поднимутся никогда из-под пепла от Адского Огня твои предки.

Голос стал тверже:

— Встань, падший Человек!

Ганиль, пошатываясь, встал на ноги. Белая фигура продолжала, показывая на факел:

— Это Свет Человеческого Разума. Это он привел тебя в Могилу. Брось его.

Оказывается, рука его до сих пор сжимает облепленную грязью черную обугленную палку; он разжал руку.

— Теперь, восстав из мрака, — почти пропела, торжественно и ликующе, лучезарная фигура, — иди в Свет Обычного Дня!

К Ганилю, чтобы поддержать его, потянулось множество рук. Рядом уже стояли тазы с теплой водой, кто-то уже мыл его и тер губками; потом его вытерли досуха. И вот он стоит чистый, и ему очень тепло в сером плаще, заботливо накинутом на его плечи, а вокруг, в большом светлом зале, повсюду слышатся веселая болтовня и смех. Какой-то лысый человек хлопнул его по плечу:

— Пошли, уже пора давать Клятву.

— Все... все сделал правильно?

— Абсолютно! Только слишком долго держал над

головой этот дурацкий факел. Мы уже думали, что нам весь день придется рычать в темноте. Идем.

Потолок, лежащий на белых балках, был очень высокий; пол под ногами был черный; с потолка до пола (высота стен была футов в тридцать) ниспадал сверкающий белизной занавес, и к нему повели Ганиля.

— Завеса Тайны,— совсем буднично пояснил ему кто-то.

Говор и смех оборвались; теперь все молча и неподвижно стояли вокруг него. В этом безмолвии белый занавес раздвинулся. По-прежнему как сквозь туман, Ганиль увидел высокий алтарь, длинный стол, старика в белом облачении.

— Поклянешься ли ты вместе с нами нашей Клятвой?

Кто-то, слегка толкнув Ганиля, подсказал ему шепотом: «Поклянись».

— Поклянись,— заминаясь, проговорил Ганиль.

— Клянитесь же, Давшие Клятву! — И старик поднял над головой железный стержень, на конце которого был укреплен серебряный «икс». — «Под Крестом Обычного Дня клянись не разглашать обряды и тайны моей Ложи».

— «Под Крестом... клянись... обряды...» — забормотали вокруг. Ганиля опять толкнули, и он забормотал вместе с остальными.

— «...Хорошо поступать, хорошо работать, хорошо думать...»

Когда Ганиль повторил эти слова, кто-то шепнул ему на ухо: «Не клянись».

— «...Бежать всех ересей, предавать всех черно-книжников Судам Коллегии и повиноваться Высшим Мастерам моей Ложи отныне и до самой смерти...»

Бормотанье, бормотанье... Одни вроде бы действительно повторяли длинную фразу, другие, похоже, нет; Ганиль, совсем растерявшись, не зная, как ему быть, пробормотал слово или два, потом умолк.

— «...и клянись не посвящать в Тайну Машин тех, кому не надлежит ее знать. Я призываю в свидетели моей клятвы Солнце».

Голоса потонули в оглушительном скрежете. Часть потолка вместе с кровлей медленно, рывками, начала подниматься, и за ней показалось желто-серое, затанутое облаками летнее небо.

— Смотрите же на Свет Обычного Дня! — вдохновенно возгласил старик.

Ганиль поднял голову и уставился вверх. Поднимавшаяся на оси часть крыши остановилась на полпути — по-видимому, в механизме что-то заело; раздалось громкое лязганье, потом наступила тишина. Очень медленно старик подошел к Ганилю, поцеловал его в обе щеки и сказал:

— Добро пожаловать, Мастер Ганиль, отныне и ты причастен обрядам Тайны Машин.

Посвящение совершилось, Ганиль был теперь одним из Мастеров своей Ложи.

— Ну и ожог же у тебя! — сказал лысый.

Все они уже шли по коридору назад. Ганиль ощупал лицо рукой; кожа на левой стороне, на щеке и у виска, была ободрана, и дотрагиваться было больно.

— Тебе здорово повезло, что уцелел глаз,— продолжал лысый.

— Чуть было не ослеп от Света Разума, а? — сказал тихий голос.

Обернувшись, Ганиль увидел человека со светлой кожей и голубыми глазами — голубыми по-настоящему, как у кота-альбиноса или у слепой лошади. Ганиль, чтобы не смотреть на уродство, сразу отвел глаза в сторону, но светлокожий продолжал тихим голосом (это был тот же самый голос, который во время принесения Клятвы прошептал: «Не клянись»):

— Я Миид Светлокожий. Мы с тобой будем работать вместе в Мастерской Ли. Как насчет пива, когда мы отсюда выберемся?

Было очень странно после всех потрясений и торжественных церемоний этого дня очутиться в сыром, пахнущем пивом тепле харчевни. Голова у Ганиля закружилась. Миид Светлокожий выпил полкружки, с видимым удовольствием стер с губ пену и спросил:

— Ну, что ты скажешь о посвящении?

— Оно... оно...

— Подавляет?

— Да,— обрадовался Ганиль,— лучше не скажешь — именно подавляет.

— И даже... унижает? — подсказал Светлокожий.

— Да. Великое... великое таинство.

Ганиль сокрушенно уставился в кружку с пивом. Миид улыбнулся и сказал тем же тихим голосом:

— Знаю. А теперь допивай скорей. Пожалуй, тебе следует показать этот ожог Аптекарю.

Ганиль послушно вышел за ним следом на вечерние узкие улочки, забытые пешеходами и повозками — как на лошадиной и воловьей тяге, так и пыхтящими самодвижущимися. На Торговой площади ремесленники сейчас запирали на ночь свои будки, и уже были закрыты на крепкие засовы огромные двери Мастерских и Лож на Высокой улице. То там, то здесь, словно растолкав нависающие над улицей, налезавшие один на другой дома, появлялся гладкий, без окон, желтый фасад храма, украшенный лишь полированным медным кругом. В темных, недолгих летних сумерках под неподвижной пеленой облаков темноволосые, бронзовокожие люди Обычного Дня собирались группами, стояли без дела, толкались и разговаривали, переругивались и смеялись, и Ганиль, у которого от усталости, боли и крепкого пива кружилась голова, старался держаться поближе к Мииду; хотя он и был теперь Мастером, чувство у Ганиля было такое, как будто только этот голубоглазый незнакомец знает путь, которым ему, Ганилю, следует идти.

— XVI плюс XIX,— раздраженно сказал Ганиль.— Что за чушь, юноша, ты что, складывать не умеешь? Ученик густо покраснел.

— Так, значит, не получается, Мастер Ганиль? — неуверенно спросил он.

Вместо ответа Ганиль вогнал до отказа металлический прут в его гнездо в паровом двигателе, который юноша чинил; прут оказался на дюйм длиннее, чем нужно.

— Это из-за того, Мастер, что большой палец у меня слишком длинный,— сказал юноша, показывая свои руки с узловатыми пальцами. Расстояние между первым и вторым суставами большого пальца было и в самом деле необычно велико.

— Да, это правда,— сказал Ганиль. Его темное лицо стало еще темнее.— Очень интересно. Но не важно, короткая или длинная у тебя мерка — важно только, чтобы ты применял ее последовательно. И что еще важно, запомни, ты, тупица, так это то, что если сложить XVI и XIX, XXXVI не получается, не получалось и пока стоит мир, не получится никогда — а ты не всегда непосвященный!

— Да, Мастер. Очень трудно запомнить.

— А это, Уонно Ученик, нарочно так сделано,— послышался низкий голос Ли, Главного Мастера, широкоплечего толстяка с блестящими черными глазами.— На одну минутку, Ганиль.

И он повел его в дальний угол огромной Мастерской. Едва они отошли от ученика на несколько шагов, Ли весело сказал:

— Вам, Мастер Ганиль, немножко не хватает терпения.

— Таблицы сложения Уонно должен бы уже знать.

— Иногда даже Мастера забывают что-то из этих таблиц. — Ли отечески похлопал Ганиля по плечу. — Знаешь, ты говорил так, будто ожидал, что он это вычислит! — Он захохотал звучным басом; из-за завесы этого хохота поблескивали его глаза, веселые и бесконечно умные.— Тише едешь, дальше будешь... Если я не ошибаюсь, накануне ближайшего Дня Отдыха ты у нас обедаешь?

— Я взял на себя смелость...

— Превосходно, превосходно! Желаю успеха! Вот хорошо будет, если у нее появится такой положительный парень, как ты! Но предупреждаю честно, моя дочь своенравная девчонка,— и Главный Мастер снова захохотал.

Ганиль заулыбался, немного растерянный. Лани, дочь Главного, вертела, как хотела, не только работавшими в мастерской юношами, но и собственным своим отцом. Сперва этой девушки, смысленной, живой как ртуть, Ганиль даже побаивался. Только потом он заметил, что, когда она разговаривает с ним, в поведении ее появляется какая-то робость, а в голосе начинают звучать просительные нотки. Наконец он набрался духу и попросил у ее матери, чтобы та пригласила его на обед, то есть совершил первый официальный шаг в ухаживании.

Ли уже ушел, а он все стоял на том же месте и думал об улыбке Лани.

— Ганиль, ты когда-нибудь видел Солнце?

Тихий голос, бесстрастный и уверенный. Он повернулся, и его глаза встретились с голубыми глазами друга.

— Солнце? Да, конечно.

— Когда это было в последний раз?

— Сейчас скажу. Мне тогда было двадцать шесть; значит, четыре года тому назад. А ты тогда разве не был здесь, в Иданае? Оно показалось к концу дня, а потом, ночью, были видны звезды. Помню, я насчитал

восемьдесят одну, и после этого небо закрылось снова.

— Я в это время был севернее, в Келинге; меня тогда как раз посвятили в Мастера.

Миид говорил, опираясь на деревянный барьер вокруг Образца большой паровой машины. Светлые глаза его смотрели не в глубь мастерской, где всю кипела работа, а на окна, за которыми упорно моросил мелкий дождь поздней осени.

— Слышал, как ты сейчас отчитывал юношу Уонно. «Важно то, что если сложить XVI и XIX, XXXVI не получается»... А потом: «Мне тогда было двадцать шесть; значит, четыре года тому назад... Я насчитал восемьдесят одну»... Еще немного, Ганиль, и ты бы начал вычислять.

Ганиль нахмурился, и рука его, непроизвольно поднявшись, потерла шрам, светлевший у него на виске.

— Да ну тебя, Миид! Даже непосвященные различают IV и XXX!

Миид чуть заметно улыбнулся. Он уже держал в руке свою Палку для Измерений и рисовал ею на пыльном полу окружность.

— Что это такое? — спросил он.

— Солнце.

— Правильно. Но это также и... знак. Знак, который обозначает Ничто.

— Ничто?..

— Да. Его можно использовать, например, в таблицах вычитания. От II отнять I будет I, не так ли? Но что останется, если от II отнять II? — Он помолчал. Потом постучал палкой по нарисованному на полу кругу. — Останется это.

— Да, конечно,— Ганиль не отрываясь глядел на круг, священный образ Солнца, Скрытого Света, Лица Бога.— Кто хозяева этого знания? Священнослужители?

— Нет.— Миид перечеркнул круг «иксом». — Вот этого — да, они.

— Тогда чье... кто хозяева знания о... знаке, который обозначает Ничто?

— Да нет у него хозяина — или, скорей, хозяева все. Это не Тайна.

Ганиль изумленно сдвинул брови. Они говорили вполголоса, стоя почти вплотную друг к другу, словно обсуждая промер, сделанный Палкой для Измерений.

— Почему ты считал звезды, Ганиль?

— Мне... мне хотелось знать. Я всегда любил счет, числа, таблицы действий. Поэтому я и стал Механиком.

— Да. Теперь тебе ведь уже тридцать, и уже четыре месяца как ты Мастер. Задумывался ты когда-нибудь, Ганиль, что если ты стал Мастером, это значит: в своей профессии ты знаешь все? Отныне до самой смерти тебе уже не узнать ничего больше. Больше просто ничего нет.

— Но Главные...

— ...знают еще несколько тайных знаков и паролей,— перебил его Миид тихим и ровным голосом,— и конечно, у них есть власть. Но в своей профессии они знают не больше, чем ты... Ты, может, думал, что им разрешено вычислять? Нет, не разрешено.

Ганиль молчал.

— И однако, Ганиль, кое-что еще узнать можно.
— Где?
— По ту сторону городских стен.
Прошло немало времени, прежде чем Ганиль заговорил снова:

— Я не могу слушать, такое, Миид. Больше не говорю со мной об этом. Предавать тебя я не стану.

Ганиль повернулся и зашагал прочь. Лицо его искажала ярость. Но огромное усилие воли понадобилось для того, чтобы обратить эту ярость, казалось бы, беспричинную, против Миида, человека столь же уродливого духом, сколь и телом, дурного советчика, прежнего, ныне утраченного друга.

Вечер оказался очень приятным: веселье было из Лиключом, его толстая жена обращалась с Ганилем как с родным сыном, а Лани была совсем кроткой и сияла от радости. Юношеская неуклюжесть Ганиля по-прежнему вызывала в ней непреодолимое желание его поддразнивать, но, даже поддразнивая, она как будто просила его о чем-то и ему уступала; казалось, еще немного — и весь ее задор превратится в нежность. В какой-то миг, когда она передавала блюдо, рука ее коснулась его руки. Вот здесь, на ребре правой ладони, около запястья, одно легкое прикосновение — он помнил это так ясно! Сейчас, лежа в постели в своей комнате над мастерской, в крошечной темноте городской ночи, он застонал от переполнявших его чувств. Ухаживанье — дело долгое, протянется месяцев восемь, самое меньшее, и все будет развиваться очень медленно и постепенно — ведь речь, как-никак, идет о дочери Главного. Нет, думать о Лани просто непереносимо! Не надо про нее думать... Думай... про Ничто. И он стал думать про Ничто. О круге. О пустом кольце. Сколько будет 0, умноженное на I? Столько же, сколько 0, умноженное на II. А если поставить I и 0 рядом... что будет означать I0?

Миид Светлокожий приподнялся и сел в постели; каштановые волосы, падая на лицо, закрывали его голубые глаза, и он, откинув их назад, попытался разглядеть, что мечется по его комнате. Сквозь окно пробивался грязно-желтый свет раннего утра.

— Сегодня День Отдыха, — проворчал Миид, — уходи, дай мне спать.

Неясная фигура воплотилась в Ганиля, метание по комнате — в шепот. Ганиль шептал:

— Миид, посмотри!

Он сунул Мииду под нос грифельную доску:

— Посмотри, посмотри, что можно делать этим знаком, который обозначает Ничто!

— А, это, — сказал Миид.

Он оттолкнул Ганиля с его грифельной доской, прыгнул с постели, окунул голову в ледяную воду в тазу, стоявшем на сундуке с одеждой, и там ее подержал. Потом, роняя капли воды, он вернулся к кровати и сел.

— Давай посмотрим.

— Смотри, за основу можно принять любое число — я взял XII, потому что оно удобное. Вместо XII, посмотри, мы пишем I — 0, а вместо XIII пишем I—I, а когда доходим до XXIV, то...

— Ш-ш!

Миид внимательно перечитал написанное. Потом спросил:

— Хорошо все запомнил?

Ганиль кивнул, и тогда Миид рукавом стер с доски заполнявшие ее красиво выписанные знаки.

— Мне не приходило в голову, — заговорил он опять, — что основой может стать любое число. Но посмотри: прими за основу X — через минуту я объясню тебе почему — и вот способ сделать все легче. Вместо X будет писаться I0, а вместо XI — II, но вместо XII напиши вот что, — он написал на доске «I2».

Ганиль глядел на эти два знака как зачарованный. Наконец, он заговорил каким-то не своим, срывающимся голосом:

— Ведь это... одно из четырех чисел?

— Да. Ты, Ганиль, пришел к черным числам сам, но как бы через заднюю дверь.

Ганиль, сидевший рядом, молчал.

— Сколько будет CXX, умноженное на MCC? — спросил Миид.

— Таблицы так далеко не идут.

— Тогда смотри.

И Миид написал на доске:

$$\begin{array}{r} \times 1200 \\ 120 \\ \hline \end{array}$$

а потом —

$$\begin{array}{r} 0000 \\ 2400 \\ \hline 1200 \\ 144000 \end{array}$$

Опять долгое молчание.

— Три Ничто, умноженные на XII... — забормотал Ганиль. — Дай мне доску.

Слышались только монотонный стук падающих капель за окном и поскрипывание мела. Потом:

— Каким черным числом обозначается VIII?

К концу этого холодного Дня Отдыха они ушли так далеко, как только Миид смог увести за собой Ганиля. Правильней даже было бы сказать, что Ганиль перегнал Миида и под конец тот уже не мог за ним поспевать.

— Тебе нужно познакомиться с Йином, — сказал Миид. — Он может научить тебя тому, что тебя интересует. Йин работает с углами, треугольниками, измерениями. Он своими треугольниками может измерить расстояние между любыми двумя точками, даже если до этих точек нельзя добраться. Он замечательный Догадчик. Числа — самое сердце его знания, язык, на котором оно говорит.

— И мой тоже.

— Да, я это вижу. Но не мой. Я люблю числа не ради них самих. Мне они нужны как средство. Чтобы с их помощью объяснять... Вот если, например, ты бросаешь мяч, отчего он летит?

— Оттого, что ты его бросил. — И лицо у Ганиля расплылось в широкой улыбке.

Он был бледен, а в голове у него звенело, как

в пустом бочонке, от шестнадцати, минус короткие перерывы для еды и сна, часов чистой математики; и он уже потерял весь свой страх, все смирение. Он улыбался как властитель, вернувшийся из долгого изгнания к себе домой.

— Прекрасно,— сказал Миид.— Но почему он летит и не падает?

— Потому что... его поддерживает воздух?

— Тогда почему потом он все же падает? Почему он движется по кривой? Что это за кривая? Видишь, зачем нужны мне твои числа?

Теперь на властителя был похож Миид, но не на довольного, а рассерженного, чьи владения огромны, и поэтому ими слишком трудно управлять.

— И они, в своих тесных Мастерских заставнями,— презрительно фыркнул он,— могут еще говорить о Тайнах! Ну ладно, давай пообедаем — и к Йину!

Высокий старый дом, пристроенный вплотную к городской стене, глядел освинцованными окнами на двух молодых Мастеров внизу на улице. Над крутыми черепичными крышами, блестящими от дождя, нависли зеленовато-желтые сумерки поздней осени.

— Йин был, как мы, Мастером-Механиком,— сказал Миид, пока они ждали у обитой железными полосами двери.— Теперь он больше не работает, сам увидишь почему. К нему приходят люди из всех Лож — Аптекари, Ткачи, Каменщики. Ходят даже несколько Ремесленников и Мясник — он разрезает и рассматривает мертвых кошек.

Последние слова Миид произнес добродушно, но чуть насмешливо. Наконец, дверь открылась, и слуга провел их наверх, в комнату, где в огромном камине пылали поленья; с дубового кресла с высокой спинкой поднялся навстречу им человек и их приветствовал.

Ганилю, когда он его увидел, сразу вспомнился один из Высших Мастеров его Лож — тот, что кричал ему, когда он лежал в Могиле: «Встань!» Йин тоже был старый и высокий, и на нем тоже был белый плащ Высшего Мастера. Только Йин, в отличие от того, сутулился, и лицом, морщинистым и усталым, был похож на старую гончую. Здороваясь, он протянул Мииду и Ганилю левую руку — у правой руки кисти не было, она оканчивалась у запястья давно залеченной блестящей кулеть.

— Это Ганиль,— уже знакомил их Миид.— Вчера вечером он додумался до двенадцатиричной системы счисления. Добейтесь от него, Мастер Йин, чтобы он занялся для меня магемастикой кривых.

Йин засмеялся тихим и коротким старческим смехом.

— Добро пожаловать, Ганиль. Можешь приходить сюда, когда захочешь. Мы все здесь черно книжники, все занимаемся ведовством — или пытаемся заниматься... Приходи, когда захочешь, в любое время — днем, ночью. И уходи, когда захочешь. Если нас предадут, так тому и быть. Мы должны доверять друг другу. Любой человек имеет право знать все; мы не храним Тайну, а ее разыскиваем. Понятно тебе, о чем я говорю?

Ганиль кивнул. Находить нужные слова ему всегда было нелегко; вот с числами обстояло совсем иначе. Слова Йина его очень тронули, и от этого он смутился

еще больше. И ведь никого здесь не посвящали торжественно, никаких клятв не требовали — просто говорил, спокойно и негромко, незнакомый старик.

— Ну, вот и хорошо,— сказал Йин, как будто кивка Ганиля было вполне достаточно.— Немножко вина, молодые Мастера, или пива? Темное пиво удалось мне на славу в этом году. Так, значит Ганиль, ты любишь числа?

Была ранняя весна, и Ганиль стоял в мастерской и следил за тем, как ученик Уонно снимает своей Палкой для Измерений размеры с Образца двигателя самодвижущейся повозки. Лицо у Ганиля было мрачным. Он изменился за эти месяцы, выглядел теперь старше, жестче, решительней. Да и немудрено — четыре часа сна в сутки и изобретение алгебры не прошли бы ни для кого бесследно.

— Мастер Ганиль...— робко сказал нежный голосок у него за спиной.

— Измерь снова,— приказал он ученику и удивленно повернулся к девушке.

Лани тоже стала другой. Лицо у нее было напряженным, глаза тоскливыми, и говорила она теперь с Ганилем как-то испуганно. Он совершил второй шаг ухаживанья — нанес три вечерних визита, и на этом вдруг остановился, не стал предпринимать дальнейших шагов. Такое произошло с Лани впервые. До сих пор никто еще не смотрел на нее невидящим взглядом — так, как сейчас смотрел Ганиль. Что же такое, интересно, видит его невидящий взгляд? Если бы только она могла узнать его тайну! Каким-то непонятным ему самому образом Ганиль чувствовал, что происходит в душе у Лани, и он жалел ее и немного ее боялся.

Она наблюдала за Уонно.

— Меняют ли... меняете вы хоть иногда эти размеры? — спросила она, чтобы как-то завязать разговор.

— Изменить Образец — значит власть в Ересь Изобретательства.

На это Лани сказать было нечего.

— Отец просил передать вам всем, что завтра Мастерская будет закрыта.

— Закрыта? Почему?

— Коллегия объявила, что начинает дуть западный ветер и, может быть, завтра мы увидим Солнце.

— Хорошо! Хорошее начало для весны, правда? Спасибо,— сказал Ганиль.

И он снова повернулся к Образцу двигателя.

Священнослужители Коллегии на этот раз оказались правы. Вообще предсказание погоды, которому они отдавали почти все свое время, было делом неблагодарным, но примерно один раз из десяти они предсказывали правильно, и именно сегодняшний день оказался для них удачным. К полудню дождь кончился, и теперь облачный покров бледнел — казалось, что он кипит и медленно течет на восток. Во второй половине дня все жители города были уже на улицах; некоторые взобрались на трубы домов, другие на деревья, третьи на городскую стену, и даже на полях, по ту сторону

стены, стояли и смотрели, задрав головы, люди. На огромном внешнем дворе Коллегии ряды священнослужителей, начавшие свой ритуальный танец, сходились и расходились с поклонами, сплетались и расплетались. Священнослужитель стоял уже и в каждом храме, готовый в любой момент, потянув за цепь, раздвинуть крышу, чтобы лучи Солнца могли упасть на камни алтаря. И наконец, уже перед самым вечером, небо открылось. Желто-серая пелена разорвалась, и между клубящимися краями разрыва показалась полоска голубизны. И с улиц, площадей, окон, крыш, стен города — единый вздох, а потом глухой гул: — Небеса, Небеса...

Разрыв в небе расширялся. На город посыпались капли, свежий ветер сносил их в сторону, и они падали не отвесно, на наискосок; и вдруг капли засверкали, словно при свете факелов ночью — но только свет, который они отражали теперь, был светом Солнца. Ослепительное, оно стояло в Небесах, и ничего, кроме него, там не было.

Как и у всех, лицо у Ганиля было обращено к небу. На этом лице, на шраме, оставшемся после ожога, он чувствовал тепло Солнца. Он не отрываясь глядел, до тех пор, пока глаза не заволокло слезами, на Огненный Круг, Лицо Бога.

«Что такое Солнце?»

Это зазвучал в его памяти тихий голос Миида. Холодная ночь в середине зимы, и они разговаривают у Йина в доме, перед камином — он, Миид, Йин и остальные. «Круг это или шар? Почему оно проходит по небу? Какой оно на самом деле величины — насколько оно от нас далеко? И ведь подумать только: когда-то, чтобы посмотреть на Солнце, достаточно было поднять голову...»

Вдалеке, где-то внутри Коллегии, раздавались лихорадочный барабанный бой и пение флейт — веселые, но чуть слышные звуки. Время от времени на непремено яркий лик наплывали клочья облаков, и в мире опять все становилось серым и холодным, и флейты умолкали; но западный ветер уносил облака, и Солнце показывалось снова, чуть ниже чем прежде. Перед тем как спуститься в тяжелые облака на западе, оно покраснело, и на него уже стало можно смотреть. В эти последние мгновенья оно казалось глазам Ганиля не диском, а огромным, подернутым дымкой, медленно падающим шаром.

Шар упал, исчез.

В разрывах облаков над головой все еще видны были Небеса, бездонные, синевато-зеленые. Потом на западе, недалеко от места, где исчезло Солнце, засияла яркая точка — вечерняя звезда.

— Смотрите! — закричал Ганиль.

Но на призыв его обернулись только один или два человека: Солнце ушло, так что может быть интересного после него — какие-то звезды? Желтоватый туман, часть савана из облаков, после Адского Огня четырнадцать поколений тому назад облекшего своим покровом из дождя и пыли всю землю, напелз на звезду и ее стер. Ганиль вздохнул, потер затекшую шею и зашагал домой, как все остальные.

Арестовали его тем же вечером. От стражников

и товарищей по несчастью (за исключением Главного Мастера Ли, в тюрьме оказалась вся Мастерская) он узнал: его преступление заключается в том, что он был знаком с Миидом Светлокожим. Сам Миид обвинялся в ереси. Его видели на поле, он направлял на Солнце какой-то инструмент — как говорили, прибор для измерения расстояний. Он пытался измерить расстояние между землей и Богом.

Учеников скоро отпустили. На третий день в камеру, где был Ганиль, пришли стражники и под тихим редким дождем ранней весны провели его в один из внутренних дворов Коллегии. Почти вся жизнь священнослужителей проходила под открытым небом, и огромный квартал, который занимала Коллегия, состоял из приземистых строений, а между ними были дворы-спальни, дворы-канцелярии, дворы-моельни, дворы-трапезные и дворы закона. В один из последних и привели Ганиля. Ему пришлось пройти между рядами заполнявших весь двор людей в белых и желтых облачениях, и наконец он оказался на таком месте, с которого был хорошо виден всем. Он стоял теперь на открытой площадке, перед длинным, блестящим от дождя столом, а за столом священнослужитель в золотом облачении Хранителя Высокой Тайны. В дальнем конце стола сидел другой человек; по сторонам его, как и Ганиля, стояли стражники. Этот человек смотрел на Ганиля, и его взгляд, прямой и холодный, ничего не выражал; глаза у него были голубые, того же цвета, что и Небеса над облаками.

— Ганиль Калсон из Идана, вас подозревают как знакомого Миида Светлокожего, обвиняемого в Ересьх Изобретательства и Вычисления. Вы были другом этого человека?

— Мы оба были Мастерами в...

— Да. Говорил он вам хоть раз об измерении без Палок для Измерения?

— Нет.

— О черных числах?

— Нет.

— О ведовстве?

— Нет.

— Мастер Ганиль, вы произнесли «нет» три раза. Известен ли вам Приказ Священнослужителей-Мастеров Тайны Закона, касающийся подозреваемых в ереси?

— Нет, неизв...

— Приказ гласит: «Если подозреваемый ответит на вопросы отрицательно четыре раза, вопросы могут повторяться с применением пресса до тех пор, пока не будет дан другой ответ». Сейчас я начну их повторять, если только вы не захотите изменить какой-нибудь из ваших ответов сразу.

— Нет, — растерянно сказал Ганиль, оглядывая бесчисленные пустые лица и высокие стены вокруг двора.

Когда вынесли какую-то невысокую деревянную машину и зашелкнули в ней кисть правой его руки, он все еще был больше растерян, чем испуган. Что значит вся эта чушь? Похоже на посвящение, когда они так старались его напугать; тогда им это удалось.

— Как Механик, — говорил между тем священнослужитель в золотом, — вы, мастер Ганиль, знаете действие рычага; берете вы назад свой ответ?

— Нет,— сказал, немного сдвинув брови, Ганиль. Только сейчас он заметил: вид у его правой руки такой, как будто она кончается у запястья, как рука Йина.

— Прекрасно.

Один из стражников положил руки на рычаг, торчавший из деревянной коробочки, и священнослужитель в золотом спросил:

— Вы были другом Миида Светлокожего?

— Нет,— ответил Ганиль.

И он отвечал «нет» на каждый из вопросов даже после того, как перестал слышать голос священнослужителя; все говорил и говорил «нет» и под конец уже не мог отличить собственного своего голоса от эха, хлопками отлетающего от стен двора: «Нет, нет, нет, нет!»

Свет вспыхивал и гас, холодный дождь падал на его лицо и переставал идти, и кто-то снова и снова подхватывал его, не давая ему упасть. От его серого плаща дурно пахло — от боли Ганиля вырвало. Он подумал об этом, и его вырвало опять.

— Ну-ну, теперь уже все,— прошептал ему на ухо один из стражников.

Неподвижные белые и желтые ряды по-прежнему обступали его, лица у всех были такие же каменные, глаза смотрели так же пристально, но уже не на него.

— Еретик, ты знаешь этого человека?

— Мы работали вместе с ним в Мастерской.

— Ты говорил с ним о ведовстве?

— Да.

— Ты учил его ведовству?

— Нет. Я пытался его учить.— Голос звучал очень тихо и немного срывался; даже в окружающем безмолвии, где сейчас был слышен только шепот дождя, разобрать слова Миида было почти невозможно.— Он был слишком глуп. Он не смел и не мог учиться. Из него выйдет прекрасный Главный Мастер.

Холодные голубые глаза смотрели прямо на Ганиля, и ни мольбы, ни жалости в них не было.

Священнослужитель в золотом повернулся к бело-желтым рядам:

— Против подозреваемого Ганиля улик нет. Можете идти, подозреваемый. Вы должны явиться сюда завтра в полдень, чтобы присутствовать при торжестве правосудия. Отсутствие будет сочтено признанием собственной вины.

Смысл этих слов дошел до Ганиля, когда стражники уже вывели его из двора. Оставили его они снаружи, у одного из боковых входов Коллегии; дверь за спиной у него закрылась, громко лязгнув засов. Он постоял немного, потом опустился, почти упал на землю, прижимая под плащом к туловищу почерневшую, в запекшейся крови руку. Вокруг тихо бормотал дождь. Не было видно ни души. Только когда наступили сумерки, он поднялся, шатаясь, на ноги и поплелся через весь город к дому Йина.

В полумраке около входной двери дома шевельнулась тень, окликнула его:

— Ганиль!

Он замер.

— Мне все равно, что тебя подозревают, пусть!

Пойдем к нам домой! Отец снова примет тебя в Мастерскую, я попрошу — и примет.

Ганиль молчал.

— Пойдем со мной! Я тебя здесь ждала, я знала, что ты придешь сюда, я ходила сюда за тобой раньше.

Она засмеялась, но ее деланно-веселый смех почти сразу оборвался.

— Дай мне пройти, Лани.

— Не дам. Зачем ты ходишь в дом старого Йина? Кто здесь живет? Кто она? Пойдем со мной, ничего другого тебе не остается — отец не возьмет подозреваемого назад в Мастерскую, если только я не...

Не дослушав, Ганиль проскользнул в дверь и плотно закрыл ее за собой. Внутри было темно, царил мертвая тишина. Значит, их взяли, всех Догадчиков, их всех будут допрашивать и пытаться, а потом убьют.

— Кто там?

Наверху, на площадке лестницы, стоял Йин, волосы его ярко блестели в свете лампы. Он спустился к Ганилю и помог ему подняться по лестнице. Ганиль заговорил торопливо:

— Меня выследили, девушка из Мастерской, дочь Ли. Если она ему скажет, он сразу вспомнит тебя, пошлет стражников...

— Я услал остальных отсюда три дня назад.

Ганиль остановился, пожирая глазами спокойное морщинистое лицо, потом как-то по-детски сказал:

— Смотри,— и он протянул Йину свою правую руку,— смотри, как твоя.

— Да. Пойдем, Ганиль, тебе лучше сесть.

— Они приговорили его. Не меня — меня они отпустили. Он сказал, что я глуп и ничему не мог научиться. Сказал это, чтобы спасти меня...

— И твою математику. Иди сюда, сядь.

Ганиль овладел собой и сел. Йин уложил его, обмыл ему, как мог, и забинтовал руку. Потом, сев между ним и камином, где пылали жарко дрова, Йин вздохнул; воздух выходил из его груди с громким свистом.

— Что же,— сказал он,— теперь и ты стал подозреваемым в ереси. А я подозреваемый вот уже двадцать лет. К этому привыкаешь... О наших друзьях не тревожься. Но если девушка скажет Ли, и твое имя окажется связанным с моим... Лучше нам уйти из Идана. Не вместе. И сегодня же вечером.

Ганиль молчал. Уход из Мастерской без разрешения своего Главного означал отлучение, потерю звания Мастера. Он не сможет больше заниматься делом, которое знает. Что ему делать тогда, с его искалеченной рукой, куда идти? Он еще ни разу в жизни не бывал за стенами Идана.

Казалось, тишина в доме становится гуще и плотней. Он все время прислушивался: не раздастся ли на улице топот стражников, которые снова идут за ним? Надо уходить, спастись, сегодня же вечером — пока не поздно...

— Не могу,— сказал он резко.— Я должен... должен быть в Коллегии завтра в полдень.

Йин сразу понял. Снова вокруг сомкнулось молчание. Когда наконец старик заговорил, голос его звучал сухо и устало:

— Ведь на этом условии тебя и отпустили? Хорошо,

иди — совсем ни к чему, чтобы они осудили тебя как еретика и начали охотиться за тобой по всем Сорока Городам. За подозреваемым не охотятся, он просто становится изгоем. Это предпочтительней. Постарайся теперь поспать хоть немного. Перед уходом я скажу тебе, где мы сможем встретиться. Отправляйся в путь как можно раньше — и налегке...

Когда поздним утром следующего дня Ганиль вышел из дома Йина, он уносил под плащом сверток бумаги. Каждый лист был весь исписан четким почерком Мида Светлокожего: «Траектории», «Скорость падающих тел», «Природа движения»... Йин уехал перед рассветом верхом на неторопливо трусющем сером ослике. «Встретимся в Келинге», — только это он и сказал Ганию, отправляясь в свой путь.

Никого из Догадчиков во внешнем дворе Коллегии Ганиль не увидел. Только рабы, слуги, нищие, школьники, прогуливающие уроки, да женщины с хнычущими детьми стояли с ним вместе в сером свете полудня. Только чернь и бездельники пришли смотреть, как будет умирать еретик. Какой-то священнослужитель приказал Ганию выйти вперед. Ганиль стоял один в своем плаще Мастера и чувствовал, как отовсюду из толпы на него устремляются любопытные взгляды.

На другой стороне площади он увидел в толпе девушку в фиолетовом платье. Лани это или другая? Похожа на Лани. Зачем она пришла? Она не знает, что она ненавидит, и не знает, что любит. Как страшна любовь, которая стремится только обладать, владеть! Да, она любит его, и сейчас их отделяет друг от друга вроде бы только эта площадь. Но она никогда не захочет понять, что на самом деле разделили их, разлучили навсегда невежество, изгнание, смерть.

Мида вывели перед самым полуднем. Ганиль увидел его лицо, сейчас белое-белое; уродство его было теперь открыто взглядам всех — светлые глаза, кожа, волосы. Медлить особенно не стали; священнослужитель в золотом облачении скрестил над головой руки, призывая в свидетели Солнце, находящееся в зените, но невидимое за пеленой облаков; и в миг, когда он их опустил, к поленьям костра поднесли горящие факелы. Заклубился дым, такой же серо-желтый, как облака. Ганиль стоял, под плащом прижимая к себе рукой на перевязи сверток бумаги, и молча повторял: «Только бы он задохнулся сразу от дыма...» Но дрова были сухие и быстро воспламенились. Ганиль чувствовал жар костра на своем лице, на виске, где огонь уже поставил свою печать. Рядом какой-то молодой священнослужитель попятился от жара назад, но толпа, которая смотрела, вздохнула, давила сзади, отодвинуться ему не дала, и теперь он слегка покачивался и судорожно дышал. Дым стал густым, за ним уже не видно было языков пламени и человеческой фигуры, вокруг которой это пламя плясало. Зато стал слышен голос Мида, не тихий теперь, а громкий, очень громкий. Ганиль слышал его, он заставлял себя его слышать, но одновременно прислушивался к тихому, уверенному голосу, звучащему только для него: «Что такое Солнце? Почему оно проходит по небу?.. Видишь, зачем нужны мне твои числа?.. Вместо XII напиши 12... Это тоже знак, он обозначает Ничто».

Вопли оборвались, но тихий голос не смолк.

Ганиль поднял голову. Люди расходились; молодой священнослужитель, стоявший возле него, опустился на колени и молился, рыдая. Ганиль посмотрел на тяжелое небо над головой, повернулся и, один, отправился в путь, сперва по улицам города, а потом, через городские ворота, на север — в изгнание и домой.

Клиффорд Саймак

ТОРГОВЛЯ В РАССРОЧКУ

I

Беда приключилась в сумерки, когда последний грузолет снижался к временному товарному складу и все его восемь небольших двигателей посверкивали в полумраке голубыми огоньками.

Только что он плыл, медленно снижаясь, над землей, на нем громоздились грудой ящики и на ящиках сидели сопровождающие роботы — а в следующее мгновение отказал один двигатель, за ним другой, и вдруг грузолет накренился. Ящики посыпались вниз, и сопровождающие роботы тоже. Потеряв равновесие, грузолет ошалело завертелся и, пронзительно воя, похожий на огромное колесо, ринулся стремительно по сужающейся спирали вниз, к базе.

Стив Шеридан кинулся прочь от штабеля выгруженных ранее ящиков к своей палатке. В сотне ярдов от него, с грохотом, перекрывшим даже завывание, груз ударился о землю. Почти все ящики разбились,

и из них вывалились, образуя неправильной формы холм, исковерканные и раздавленные товары.

Согнувшись, Шеридан метнулся к открытому входу в палатку, и в тот же миг, врезавшись во временную радиорубку, поставленную меньше часа назад, упал сам грузолет. Наполовину уйдя в землю, он выбросил из образовавшейся огромной ямы песок и гравий, и они шквалом обрушились на палатку.

Лоб Шеридана оцарапал голыш, в щеку ударило песком, а потом он был уже внутри палатки, и его руки лихорадочно нащупывали сундучок с трансмогами, что стоял возле письменного стола.

— Езекия! — завопил он. — Езекия, где ты?

Он принялся торопливо перебирать связку ключей, наконец нашел нужный и вставил в замок. Один поворот — и с легким щелчком крышка сундучка открылась.

Снаружи слышался топот бегущих роботов.

Он откинул крышку и начал вынимать из сундучка секции, в ячейках которых размещались трансмоги. — Езекия! — снова закричал он.

Именно Езекия знал, где какой трансмог; он мог, не глядя, сразу выудить нужный.

Брезент за спиной у Шеридана зашуршал, и в палатку вбежал Езекия. Он отстранил Шеридана.

— Разрешите мне, сэр, — сказал он.

— Нам будут нужны роботехники, — сказал Шеридан. — Ребята, наверно, здорово грохнулись.

— Вот они. Может, вставьте, сэр? У вас это получается лучше, чем у любого из нас.

Шеридан взял три трансмога и опустил в карман куртки.

— К сожалению, сэр, больше нет, — сказал Езекия. — Это все, чем мы располагаем.

— Что поделаешь, — сказал Шеридан.

Пригнувшись, он выбрался из палатки наружу и побежал к груде разбитых ящиков и упаковочных клетей. На нее уже вскарабкались и теперь обезумело ее раскапывали роботы. Еще на бегу он увидел, как они, наклонившись, вытаскивают из-под ящиков что-то металлическое и смятое. Они сволокли этот предмет вниз, в сторонку и, обступив, стали разглядывать.

Шеридан подбежал к группе, окружавшей кусок металла.

— Эйб, — с трудом переводя дух, сказал он, — вы вытащили обоих?

Эйбрахам обернулся.

— Нет еще, Стив. Макс пока еще там.

Шеридан протолкался к искалеченному роботу и опустил возле него на колени. Середина корпуса, увидел он, была вдавлена так сильно, что грудная пластина и спинная едва не касались одна другой. Ноги были сломаны, а руки вывернуты и закручены. Голова была свернута набок, а кристально-чистые глаза глядели без всякого выражения.

— Лем, — прошептал он, — Лемуэль, ты меня слышишь?

— Нет, не слышит, — сказал Эйбрахам. — Его и вправду здорово тюкнуло.

— Трансмоги роботехников у меня с собой, в кармане. — Шеридан поднялся. — Целых три. Кто возьмется вставить? Работать придется быстро.

— Рассчитывайте на меня, — сказал Эйбрахам, — и вот на него, Эбинизера, и...

— И на меня тоже, — сказал Джошуа.

— Нужны инструменты, — сказал Эйбрахам. — Без инструментов мы не сможем ничего сделать.

— Вот вам инструменты! — крикнул, подбегая, Езекия. — Я знал, что они вам понадобятся.

— И свет, — сказал Джошуа. — Становится темно, а нам, судя по всему, придется возиться с его мозгом.

— Нужно положить его куда-нибудь повыше, — объявил Эйбрахам, — чтобы мы могли работать. Пока он лежит на земле, мы не сможем сделать ничего.

— Положите его на стол для заседаний, — предложил Шеридан.

— Э, ребята! — заорал Эйбрахам. — Перетащите Лема на стол для заседаний!

— Мы откапываем Макса! — прокричал в ответ Гидеон. — Перетащите сами!

— Мы не можем! — закричал Эйбрахам. — Стив будет сейчас менять нам трансмоги...

— Сядьте, — приказал Шеридан. — Мне не достать, когда вы стоите. А свет у кого-нибудь есть?

— У меня, сэр, — сказал стоявший рядом Езекия и протянул Шеридану фонарик.

— Посвети, чтобы я мог сменить ребятам трансмоги.

Тяжело топая, подошли трое роботов, подняли изувеченного Лемуэля и понесли на стол заседаний.

При свете фонарика Шеридан достал ключи и быстро нашел тот, который был ему нужен.

— Держи фонарь вот так. Я не могу делать это в темноте.

— А когда-то мог, — сказал Эбинизер. — Забыл, Стив? На Гала-Нове. Правда, не разглядел наклейки на трансмогах и вставил Улиссу миссионерский, хотя тебе требовался лесоруб, и он начал проповедовать. Ну и ночка была!

— Помалкивай, — сказал Шеридан, — и сиди спокойно. Как, по-твоему, я смогу вставить трансмог, если ты все время ерзаешь?

Он ловко сдвинул вниз почти невидимую пластину на затылке Эбинизера, просунул внутрь руку и нащупал трансмог космического рабочего. Быстрым движением он вырвал его из гнезда и сунул в карман, а потом воткнул в гнездо трансмог роботехника, и тот, щелкнув, стал на место. Тогда он поднял пластину и услышал, как негромко щелкнул ее замок.

Не теряя времени, Шеридан принялся за следующее. Эбинизер едва успел встать на ноги и поднять ящик с инструментами, а он уже сменил трансмоги и у двух остальных.

— Пошли, — сказал Эбинизер, — надо приниматься за Лема.

Размашистым шагом все трое удалились прочь.

Шеридан огляделся. Езекия и его фонарик исчезли — вероятнее всего, поспешили куда-нибудь, где тоже требовалось их присутствие.

Роботы все еще копались в куче товаров. Желая помочь им, он обежал кучу вокруг и начал вытаскивать из нее одно, другое, третье и отбрасывать в сторону.

Гидеон, оказавшийся рядом, спросил:

— Обо что это ты стукнулся, Стив?

— Что?

— У тебя все лицо в крови.

Шеридан пощупал. Лицо было мокрое и клейкое.

— Наверно, галька, — предположил он.

— Скажи Езекии, чтобы он этим занялся.

— Когда разыщем Макса, — сказал Шеридан, — возвращаясь к работе.

Максимилиана они нашли минут через пятнадцать, в самом низу кучи. Тело его было непоправимо изуродовано, но разговаривать он все же мог.

— Долго же вы копали, ребята, — сказал он.

— Помолчи-ка лучше, — сказал Рубен. — Наверно, сам все и подстроил, чтобы обзавестись новым корпусом.

Они вытащили его из кучи и поволокли. От сломанных рук и ног то и дело что-то отваливалось.

Роботы бросили его на землю и побежали к радиорубке.

Максимилиан завопил им вслед:

— Эй, вернитесь! Взяли и бросили меня как мусор!

Шеридан присел возле него на корточки:

— Не волнуйся, Макс. Грузолет ударил по радиорубке, и дела там плохи.

— А Лемуэль? Что с Лемуэлем?

— Не слишком хорошо. Мальчишки над ним работают.

— Не понимаю, что произошло, Стив. Мы летели, все было прекрасно, и вдруг грузолет взбрыкнул и нас скинул.

— Отказали два двигателя,— объяснил Шеридан.— Почему — мы, наверное, никогда не узнаем: грузолет разбился. Ты и вправду чувствуешь себя хорошо?

— Правда. Но не давай им валять дурака. Это было бы на них похоже, не менять мне корпус. Просто так, смеха ради. Ты проследи за ними.

— Корпус получишь при первой возможности. Насколько я понимаю, как раз сейчас Езекия разыскивает запасные.

— Ну и ну! — сказал Максимилиан.— Переправили с орбиты почти весь груз, на миллиард долларов, не разбили ни...

— Так всегда и бывает, Макс. Против закона вероятности не попрешь.

Максимилиан хихикнул.

— Ну и чудные же вы люди! Все-то вы рассчитываете вероятности, и предчувствуете, и...

Из темноты вынырнул Гидеон:

— Стив, надо как-то остановить двигатели грузолета. Они будто с цепи сорвались, того гляди какой-нибудь из них взорвется.

— Но я думал, что вы...

— Стив, космическим рабочим здесь одним не управиться. Нужен атомный техник.

— Тогда пошли со мной.

— Эй! — завопил Максимилиан.

— Я вернусь,— успокоил его Шеридан.

Никаких следов Езекии в палатке не было. Шеридан, как безумный, начал рыться в сундучке с трансмогами. Наконец он нашел трансмог атомного техника.

— Кажется, идти придется тебе,— сказал он Гидеону.

— Хорошо,— сказал робот.— Но побыстрее, не то какой-нибудь двигатель взорвется и заразит радиацией всю округу. Нам-то ничего, тебе придется туговато.

Шеридан извлек наружу трансмог космического рабочего и вставил на его место другой.

— До скорого,— сказал Гидеон, и опрометью выбежал из палатки.

Шеридан не сводил глаз с разбросанных трансмогов. «Ну и задаст же мне Езекия!» — подумал он.

В палатку вошел Наполеон. Белый фартук на нем был заправлен за пояс, а белый поварской колпак надет набекрень.

— Стив,— спросил он,— ты не возражаешь против холодного ужина?

— Нисколько.

— Этот грузолет не только повредил радиорубку. Он еще в лепешку расплющил печь.

— Холодный ужин меня вполне устраивает. Послушай, ты не сделаешь для меня еще кое-что?

— Что именно?

— Там Макс остался один, искалеченный и напуганный, и ему очень одиноко. В палатке он почувствовал бы себя лучше.

Наполеон вышел, ворча:

— Я, шеф-повар, и кого-то должен таскать...

Шеридан начал подбирать разбросанные по полу трансмоги и подыскивать для каждого его ячейку.

Вернулся Езекия. Он помог подобрать трансмоги с пола и разложил их по местам.

— С Лемуэлем будет все в порядке, сэр,— уверил он Шеридана.— Просто перепутались провода, и нервная система замкнулась. Пришлось вырезать большие куски провода. Голый мозг — вот почти все, с чем им приходится сейчас иметь дело. Понадобится время, чтобы поместить его в другой корпус и соединить все контакты.

— Мы еще легко отделались, Езекия.

— Пожалуй, вы правы, сэр. Я полагаю, Наполеон сказал вам о печке?

Наполеон втащил все, что осталось от Максимилиана, в палатку и прислонил к столу.

— Что-нибудь еще? — с убийственным сарказмом спросил он.

— Нет, спасибо, Наппи. Это все.

— Ну,— требовательно спросил Максимилиан,— так как насчет нового тела?

— Придется обождать,— сказал Шеридан.— Ребята заняты с Лемуэлем. Работы выше головы. Но скоро с ним будет все в порядке.

— Вот и хорошо,— сказал Максимилиан.— Лем робот что надо. Просто стыд был бы его потерять.

— Не так-то много мы и теряем,— заметил Шеридан.

— Это верно,— сказал Максимилиан.— Мы живучие, уничтожить нас ой как нелегко!

— Сэр,— сказал Езекия,— вас, кажется, немного поранило. Может, я позову кого-нибудь и вставлю в него трансмог врача?

— Пустяки,— сказал Шеридан.— Просто царапина. Вот если бы ты раздобыл воды мне умыться...

— Разумеется, сэр. Если повреждение незначительное, то, быть может, я смогу вам помочь.

Он пошел искать воду.

— Этот Езекия тоже хороший парень,— Максимилиан явно был благожелательно настроен к окружающим.— Кое-кто иногда считает его неженкой, но в серьезных случаях он не подводит никогда.

— Не знаю, что бы я делал без Езекии,— ровным голосом произнес Шеридан.— Мы, люди, не так непритязательны, как вы. Нам нужно, чтобы о нас заботились. Езекия работает просто великолепно.

С ведром воды и полотенцем вернулся Езекия.

— Вот вода, сэр. Гидеон просил передать вам, что с двигателями все в порядке. Они их выключили.

— Тогда, пожалуй, действительно все в порядке — если только они спокойны за Лемуэля,— сказал Шеридан.

— Похоже, сэр, что они очень спокойны.
— Вот и прекрасно, — со свойственной роботам безапелляционностью заявил Максимилиан. — Завтра утром можно начинать продажу.

— Да, — сказал Шеридан и стал снимать куртку. Он наклонился над ведром и плеснул воды себе в лицо и на голову.

И так оно и есть на самом деле, сказал он себе. Чужая планета — это чужая планета, как на нее ни посмотри. Какой бы тщательной ни была предварительная разведка, прозорливым — планирование, всегда останется что-то, чего нельзя предвидеть заранее.

Быть может, думал он, если бы экипаж мог заниматься все время одним и тем же делом, в конце концов и удалось бы выработать безошибочный курс действий. Но когда работаешь для «Центральной торговли», тебе и мечтать ни о чем таком не приходится. Ведь интересы «Центральной торговли» охватывают множество самых разных вещей. На Гарсоне IV это торговля в подлинном смысле этого слова. В другой раз и в другом месте это может быть дипломатическая миссия или оздоровительная акция. Пока тебе не сообщат нового задания, ты никогда не знаешь, какой сюрприз ждет тебя и твой экипаж роботов.

Шеридан потянулся за полотенцем.

— Помнишь Карвер VII? — спросил он Максимилиана.

— Еще бы, Стив. Но там нам просто не повезло. Не вина Эбинизера, что он совершил эту небольшую ошибку.

— Передвинуть не ту гору — не небольшая ошибка, — с нарочитым спокойствием заметил Шеридан.

— Это все из-за «Центральной». — В голосе Максимилиана зазвучали нотки возмущения. — Они не так поместили чертежи, и...

— Давай-ка бросим трепаться, — предложил Шеридан. — Это было и прошло. Заводиться ни к чему.

— Может быть, ты и прав, — сказал Максимилиан, — но все равно обидно. Мы летим туда и проворачиваем все так, как никакому другому экипажу не снилось. И тут «Центральная» передергивает карты и во всем начинает винить нас. Нет, как хочешь, а «Центральная» стала слишком большой и неповоротливой.

И слишком самодовольной, подумал, но не сказал Шеридан. Взять, например, вот эту планету. «Центральной» давно следовало послать сюда торговую бригаду, но она только суежилась и волновалась, интриговала и бездействовала; назначала комиссии, чтобы те занимались создавшейся ситуацией. Лишь после того, как этот вопрос протащили через весь бесконечно длинный лабиринт инстанций, что-то начало делаться.

Немногожко конкуренции, сказал себе Шеридан, вот что по-настоящему нужно «Центральной».

В палатку вошел, тяжело ступая, Наполеон и брякнул на стол тарелку, бутылку и стакан. На тарелке высились горка холодного мяса и нарезанных овощей; в бутылке было пиво.

Шеридан глянул с удивлением.

— Я и не знал, что у нас есть пиво.

— И я тоже, — сказал Наполеон, — но смотрю, вот

оно. Все меньше и меньше знаешь, Стив, что вокруг тебя происходит.

Громко топая, вошел Эйбрахам.

— Говорят, вы куда-то упрятали Макса.

— Да вот я, Эйб! — с надеждой отозвался Максимилиан.

— Да-а, в хорошеньком ты состоянии, нечего сказать, — протянул Эйбрахам.

— А как Лемуэль? — спросил Шеридан.

— С ним все в порядке, — ответил Эйбрахам. — Те двое сейчас над ним работают, и я им, в общем, не нужен. Вот я и пошел искать Макса.

Он повернулся к Наполеону:

— Ну-ка, бери его покрепче и помоги мне перетаскать его на стол.

Ворча, Наполеон ухватился за Максимилиана, и они с Эйбрахамом его подняли.

— Таскал его половину ночи, — пожаловался Наполеон. — Давай не будем больше возиться с ним. Давай выкинем его на свалку.

— Только этого он и заслуживает, — сказал с напускной свирепостью Эйбрахам.

Они вытащили Максимилиана из палатки и понесли дальше. От Максимилиана по-прежнему отламывались и падали на грунт куски.

Езекия аккуратно разложил трансмоги в сундучке по местам и, удовлетворенный, опустил крышку.

— Теперь, когда мы одни, — сказал он Шеридану, — разрешите мне посмотреть ваше лицо.

Шеридан невнятно пробурчал что-то набитым ртом. Езекия осматрел его.

— Только царапина на лбу, но по левой стороне лица, сэр, будто кто-то прошелся наждачной бумагой. Вы вправду не хотите вставить кому-нибудь трансмог врача? Лучше все-таки, чтобы вас посмотрел медик.

— Да брось ты, — отозвался Шеридан. — Пройдет. В палатку просунул голову Гидеон:

— Езекия, Эйб рвет и мечет по поводу тела, которое ты подобрал Максу. Говорит, старое, латаное. У тебя нет другого?

— Могу посмотреть, — сказал Езекия. — Было темновато. Там есть еще несколько. Можно их посмотреть.

Он вышел, и Шеридан остался один.

Продолжая есть, перебирал в уме события вечера.

Им не повезло, это правда, но все могло обернуться куда хуже. Не бывает, чтобы все шло гладко. Если вдуматься, так им просто повезло. Потеряли лишь время и один грузолет с товарами, а вообще-то вышли сухими из воды.

В конце концов, успокаивал он себя, начали они хорошо. Корабль и грузовые сани — на орбитах, близких к поверхности, груз переправлен вниз, и на этом небольшом полуострове, врезавшемся в озеро, они в безопасности — в той мере, в какой вообще можно рассчитывать на безопасность, находясь на чужой планете.

Гарсониане безусловно не воинственны, но все равно забывать об опасностях нельзя никогда.

Он доел и отодвинул тарелку в сторону. Вытащил из стопки карт и бумаг, лежавших на столе, папку.

В сотый раз начал просматривать отчеты, доставленные «Центральной торговле» первыми двумя экспедициями.

Люди впервые прибыли на эту планету больше двадцати лет назад, произвели предварительную разведку и привезли назад записи, фотоснимки и образцы. Обычная процедура; сколько-нибудь полного или хотя бы широкого обследования не производили. Никто ни на что особенное и не рассчитывал — просто еще одно дело в ряду похожих других. Много планет подвергалось выборочному обследованию подобного рода и в девятнадцати случаях из двадцати это ничего не давало впоследствии.

Но в случае Гарсона IV это дало кое-что весьма ощутимое.

«Кое-что» был клубень, на вид ничем не примечательный, очень похожий, по сути, на мелкий сморщенный картофель. Доставленный экспедицией среди всякой всячины, собранной ею на этой планете, он, когда пришла его очередь, был подвергнут обычному лабораторному анализу — и результаты оказались потрясающими.

Из лодара, как называли клубень местные жители, было экстрагировано вещество, которому дали страшно длинное и труднопроизносимое название и которое, как выяснилось, было почти идеальным транквилизатором, судя по всему, у него не было никаких нежелательных побочных эффектов; оно не приводило к летальному исходу, даже если его принимали слишком большими дозами; более того, — те, кто им пользовался, к нему почти не привыкали — качество самое привлекательное с точки зрения любого, кто мог быть заинтересован в продаже средства.

Для цивилизации, которой все растущее число расстройств, своими истоками восходящих к напряжению, стало жизненно важной проблемой, такое средство было подлинным благословением. Год за годом искали в лабораториях транквилизатор с такими свойствами, и вдруг он появился — дар новооткрытой планеты.

Через невероятно короткое, учитывая присущую «Центральной торговле» медлительность, время на Гарсон IV была послана вторая экспедиция, на этот раз с экипажем роботов, превращенных при помощи трансмогов в торговых экспертов, психологов и дипломатов. Экспедиция проработала на планете два года с удовлетворительными, в общем-то, результатами. Она увезла с собой на Землю груз лодаров, множество методично собранных данных и торговое соглашение, по условиям которого гарсонiane должны производить и хранить лодары до того дня, когда прибудет с товарами для обмена новая экспедиция.

И все было в порядке — если, разумеется, не считать того, что они запоздали на пятнадцать лет.

Ибо «Центральная торговля», после множества заседаний, решила выращивать лодары на Земле. Это, указывали экономисты, было бы несравненно дешевле долгих и дорогостоящих путешествий, необходимых для того, чтобы доставлять лодары с далекой планеты. Что, поскольку дело касается торгового соглашения, гарсонiane от этого потерпят убытки, по-видимому, никому не приходило в голову. Правда, учитывая ха-

рактер гарсонiane, их это, вероятно, не должно было очень расстроить.

Ибо гарсонiane были существами в лучшем случае беспомощными, и вторая экспедиция, когда начала объяснять им, как осуществляется и почему ведется межзвездная торговля, на первых порах испытывала затруднения. Хотя справедливости ради следует сказать, что когда они все поняли, то проявили достаточную заинтересованность.

Земная почва лодарам удивительно подошла. Они росли лучше и более крупными, чем на родной планете. Это и понятно, если принять во внимание, что свою почву гарсонiane возделывали кое-как.

Лодары, привезенные второй экспедицией, были использованы как семена, а потом понадобилось еще несколько лет, прежде чем семенных лодаров накопилось достаточно для того, чтобы коммерчески оправдать их выращивание.

И наконец это произошло: первая небольшая партия чудо-лекарства была приготовлена и, под фанфары рекламы, по высокой цене выпущена в продажу.

Казалось, все идет как нельзя лучше.

Снова фермеры Земли получили с далекой планеты транквилизатор. Наконец-то у человека появился транквилизатор, который он искал столько лет.

Но по мере того, как годы шли, энтузиазм начал вянуть. Ибо похоже было, что средство, вырабатываемое из лодаров, утратило свою силу. Или оно было не такое хорошее, как показалось вначале, или при выращивании его на Земле исчезал какой-то существенный фактор.

Лаборатории лихорадочно работали над решением этой проблемы. Лодарами засадили экспериментальные участки на других планетах в надежде, что в почве, воздухе или общих характеристиках какой-нибудь из них окажется вдруг необходимый элемент — если беда была в том, что такого элемента недостает.

И тогда «Центральная торговля», со свойственной ей медлительностью и пристрастием к бюрократическому решению дел, стала планировать ввоз клубней, вспомнив (быть может, несколько запоздало) о торговом соглашении, подписанном около двух десятков лет назад. Но особенно она не торопилась, — в любой день, как всем хотелось думать, мог быть найден ответ, который спасет будущее этой культуры на Земле.

Когда же ответ был получен, оказалось, что он полностью исключает Землю, как, впрочем, и все другие места, кроме родной планеты лодара. Ибо, как обнаружили лаборатории, стойкость воздействия лекарства в большой мере зависела от химических реакций простейшего организма, живущего в корнях лодара. А этому виду простейших хорошо жилось, по-видимому, только на Гарсоне IV.

И наконец, через пятнадцать с лишним лет, на Гарсон IV отправилась третья экспедиция. Она спустилась, переправила на планету груз и теперь была готова на следующее же утро начать скупку лодаров.

Зашуршал брезент, и в палатку вошел Езекия.

Шеридан поднял голову.

— Прекрасно, — сказал он, — вот ты и вернулся. Починили Макса?

— Мы нашли для него подходящее тело, сэр.
Шеридан отодвинул бумаги в сторону.
— Езекия, как твое впечатление?
— От планеты, сэр?
— Вот именно.
— Дело в том, что амбары... Вы их видели, сэр, когда мы опускались. По-моему, я говорил вам о них.

Шеридан кивнул:

— Строить их научила гарсониан вторая экспедиция. Чтобы хранить в них лодары.

— Все они выкрашены в красный цвет,— сказал робот.— Точь-в-точь как амбары на наших рождественских открытках.

— Ну и что здесь не так?

— Вид у них, сэр, немного странный.

Шеридан рассмеялся.

— Станный не странный, но в этих амбарах для нас все! Они, наверно, битком набиты лодарами! Пятнадцать лет гарсониане их копили и почти наверняка ждали, когда же мы наконец прилетим торговать...

— Крохотные деревушки,— продолжал Езекия,— и в каждой на площади красный амбар. Выглядит, простите меня, сэр, как смесь Новой Англии с Нижней Растрепией.

— Ну, уж ты скажешь — Нижней Растрепией! С нашими гарсонианскими друзьями дело обстоит совсем не плохо. Может быть, они и вправду немного беспомощны и довольно-таки беспечны, но свои селения они содержат в чистоте, а уж дома их прямо сверкают.

Он вытащил из стопки бумаг фотографию:

— Вот, посмотри.

На фотографии можно было видеть деревенскую улицу, чистую и тихую, с рядами опрятных домиков, спрятавшихся в тени деревьев. Вдоль улицы тянулись ряды ярких цветов, и кругом были люди — маленькие, веселые, похожие на гномов человечки.

Езекия взял фотографию и поглядел.

— Готов признать, сэр, на вид они веселые. Хотя, быть может, не слишком сообразительные.

Шеридан поднялся.

— Пожалуй, посмотрю, что там происходит, и проверю, как идут дела.

— Все в порядке, сэр,— сказал Езекия.— Место падения ребята расчистили. К сожалению, сэр, должен сказать, что уцелела только небольшая часть груза.

— Удивительно, что хоть что-то осталось, если учесть, как все выглядело.

— Не ходите слишком долго,— сказал Езекия.— Вам нужно хорошенько выспаться. День завтра предстоит нелегкий, вы будете на ногах еще до рассвета.

— Скоро вернусь,— пообещал Шеридан и, пригнув голову, вышел из палатки.

Уже стояли группами, отгоняя черноту ночи, прожекторы на столбах. С места, словно кем-то изжеванного, куда упал грузолет, доносились мерные звуки ударов по металлу. От грузолета не осталось уже и следа, и бригада роботов — космических рабочих хлопотливо возводила новую радиорубку. Еще одна бригада ставила шатер над столом для заседаний, где Эйбрахам с его роботехниками все еще колдовали над Лемуэлем и Максимилианом. А перед временной кухней, сидя на

корточках, самозабвенно играли в кости Наполеон и Гидеон.

Шеридан увидел, что Наполеон снова установил свою печь под открытым небом.

Когда он подошел к роботам, они повернули головы в его сторону и поздоровались, а потом как ни в чем не бывало продолжали игру.

Шеридан понаблюдал за ними некоторое время, потом медленно побрел дальше.

Он недоуменно покачал головой — фанатичная увлеченность роботов азартными играми всегда удивляла его. Это, думал он, просто одна из тех многих вещей, которые человеческому существу никогда не понять.

Ведь казалось бы, с точки зрения робота, азартные игры совершенно бессмысленная затея. У роботов нет собственности, нет денег, нет вещей. Ни в чем этом они не нуждаются и ничего этого для себя не хотят, и однако же играют в азартные игры как одержимые.

Возможно, говорил он себе, они лишь обезьянничают, подражают в этом людям. Сама природа робота надежно ограждает его от возможности предаваться человеческим порокам — почти всем. Но вот азартные игры даются ему так же легко, а может быть, даже легче, чем любому человеку.

Но что это им дает, изумлялся он. Никакой выгоды, никакой прибыли — таких вещей, как выгода или прибыль, для робота не существует. Быть может, волнующие переживания? Выход для их агрессивности?

Или же они ведут в уме эфемерный счет — мысленно подсчитывают выигрыши и проигрыши — и тот из них, кто выигрывает в азартных играх больше других, приобретает некоторый престиж, не замечаемый человеком и, более того, тщательно от человека скрываемый?

Человеку, подумал Шеридан, не дано узнать своих роботов до конца, и, возможно, это даже к лучшему — было бы недостойно срывать с робота последние клочья индивидуальности.

Ибо если роботы многим обязаны человеку — своим изобретением, изготовлением и жизнью, то столько же, если не большим, человек обязан роботам.

Без роботов человек не смог бы так далеко, или так быстро, или с такими результатами, распространиться по Галактике. Из-за одного лишь недостатка средств для транспортировки квалифицированной рабочей силы продвигаться вперед ему бы пришлось черепашными шагами.

Но с появлением роботов проблема транспортировки была решена.

И, подобным же образом, с появлением трансмогов была ликвидирована нехватка знаний, навыков и умений (которая иначе ощущалась бы обязательно), нужных для решения многообразных проблем, возникающих на отдаленных планетах.

Шеридан подошел к краю лагеря и стал за линию прожекторов, лицом к мраку, из которого доносились плеск бегущих волн и чуть слышное завывание ветра.

Он откинул голову и устремил взгляд в небо и изумился, как уже изумлялся не раз на многих других планетах, ужасающему чувству одиночества, которое испытываешь под чужими, незнакомыми звездами. Какие преходящие ориентиры выбирает себе человек, ду-

мал он,— случайную конфигурацию звезд, аромат цветка, цвет заката...

Но место, где он находился сейчас, совсем незнакомым, конечно, не было. Две экспедиции с Земли здесь уже побывали. И теперь прибыла третья, с грузовыми саними, нагруженными целой горой товаров.

Он резко повернулся к озеру спиной и скосил взгляд на место по ту сторону лагеря — туда, где лежал сложенный горами, надежно укрытый плотными пластиковыми покрывалами, поблескивающими в свете звезд, груз. Он лежал на чужой почве, словно стадо горбатых чудовищ, расположившееся на ночлег.

Еще не построен корабль, способный перевезти зараз столько груза — самый большой может вместить в себя лишь ничтожную часть товаров, нужных для межзвездной торговли.

Для этого существуют грузовые сани.

Сани, выведенные на орбиту вокруг планеты, где они построены, нагружает снующий взад-вперед флот грузолетов. Когда сани нагружены, их снабжают экипажем роботов, и экспедиционный корабль дает старт их долгому путешествию. Благодаря двигателям самих саней и тяге экспедиционного корабля скорость все растет и растет.

Трудный момент наступает, когда достигается скорость света, но после этого становится легче — хотя для межзвездных перелетов нужна скорость, превышающая скорость света во много раз.

И так сани несутся вперед, следуя за экспедиционным кораблем, который, как лоцман, ведет их через ту удивительную серую область, где пространство и время скручиваются во что-то совсем другое, нежели обычные пространство и время.

Без роботов грузовые сани были бы немыслимы: никакой экипаж, состоящий из людей, не смог бы, летя на грузовом корабле, непрерывно проводить необходимые осмотры и проверки груза.

Шеридан снова повернулся к озеру и засомневался, действительно ли он видит белые завитки на гребнях волн или же это только плод его воображения. Тихо стонал ветер, и наверху светили незнакомые звезды, и по ту сторону вод лежали, свернувшись, гарсониане в своих деревнях с большими красными амбарами, высющимися в свете звезд на деревенских площадях.

II

Утром, когда роботы собрались вокруг стола заседания под цветным шаром, Шеридан и Езекия достали металлические коробки с наклейками: «СПЕЦИАЛЬНЫЙ — ГАРСОН IV».

— Теперь, я думаю,— сказал Шеридан,— если вы, джентльмены, соблаговолите уделить мне немного внимания, мы можем приступить к делу.— Он открыл одну из металлических коробок.— Здесь несколько трансмогов, изготовленных специально для работы, которая нам здесь предстоит. Мы располагали кое-какой предварительной информацией об этой планете и потому смогли изготовить этот специальный набор. Так что в данном случае нам не придется начинать с пустого места, как сплошь и рядом бывает...

— Хватит болтать, Стив,— заорал Рубен,— давай приступим к делу!

— Пусть говорит,— возразил Эйбрахам.— У него есть на это право, как и у любого из нас.

— Спасибо, Эйб,— сказал Шеридан.

— Продолжай,— сказал Гидеон.— Рубу просто надо было разрядиться от лишнего вольтажа.

— В основе своей это трансмоги продавцов. Такой трансмог даст каждому из вас личность и специальные знания продавца. Но вдобавок они содержат информацию о положении вещей на этой планете, язык гарсониан и массу фактов о Гарсоне IV.

Он открыл замок другой коробки и откинул крышку.

— Ну как, начнем? — спросил он.

— Давай, да поскорее,— потребовал Рубен.— Этот трансмог космического рабочего мне до смерти надоел.

Вместе с Езекией, который нес за ним коробки, Шеридан обошел одного за другим их всех.

Вернувшись на место, он отодвинул в сторону коробки, теперь наполненные трансмогами космических рабочих и других профессий. Перед ним сидела бригада продавцов.

— Ну, как оно? — спросил он.

— Прекрасно,— сказал Лемуэль.— Знаешь, Стив, я только теперь понял, до чего туп космический рабочий.

— Не обращай на него внимания, Стив,— явно скандализованный, сказал Эйбрахам.— Это его любимая шутка.

Максимилиан рассудительно заметил:

— Я думаю, дело пойдет неплохо. Этот народец уже привык смотреть на нас как на торговых партнеров. Начального сопротивления быть не должно. Возможно даже, они с нетерпением ждут, когда начнется торговля.

— К тому же у нас с собой товары, интерес к которым они уже проявили,— вставил Дуглас.— Нам не придется тратить время на то, чтобы выяснять во всех подробностях, что им от нас нужно.

— Судя по всему, картина рынка проста,— неторопливо сказал Эйбрахам.— Осложнений быть не должно. Главное, по-видимому, установить цены, чтобы они знали, сколько лодаров им придется отдать за лопату, сколько — за мотыгу или другие товары, которыми мы располагаем.

— Цены придется устанавливать методом проб и ошибок,— сказал Шеридан.

— Придется здорово поторговаться,— заговорил Лемуэль,— чтобы установить фиктивную розничную цену, а потом отдать им все оптом. Этот прием часто дает прекрасные результаты.

Эйбрахам встал:

— Так, принимаемся за дело. Ты, Стив, я думаю, останешься в лагере.

Шеридан кивнул.

— Буду около радио, ждать от вас сообщений — как только у вас появится что сообщить.

Роботы принялись за дело. Они начали скрести и шлифовать друг друга и занимались этим, пока не зашкрякали. Достали из ящиков много всякого яркого, блестящего барахла и прикрепили его к себе магнитными скрепками. Тут были разноцветные шарфы, ряды сверкающих кусочков металла, ювелирные изделия,

выполненные хоть и не в самом лучшем вкусе, однако рассчитанные специально на то, чтобы произвести впечатление на гарсоннан.

Приготовив грузолеты, они нагроулили их образцами товаров из торгового склада. Шеридан развернул карту и показал каждому его деревню. Роботы проверили рации, посмотрели, не забыли ли взять с собой доски для записи заказов.

К полудню все они улетели.

Шеридан вернулся в палатку, сел на складной стул и через уступы берега устремил взгляд на озеро, искрившееся в лучах полуденного, высоко стоящего солнца.

Наполеон принес обед и, аккуратно подобрав на колени, чтобы не мести им землю, белый фартук, сел рядом на корточки. Свой высокий белый колпак он сдвинул набок, и от этого вид у него стал прямо-таки ухарский.

— Как, по-твоему, все обернется, Стив?

— Заранее никогда не скажешь, — ответил Шеридан. — Это чужая планета, а за жителей чужой планеты никогда нельзя ручаться.

— Если ты так тревожишься, то почему бы тебе не отправиться и не посмотреть самому?

Шеридан покачал головой:

— Наппи, подумай сам: я не продавец, а эта бригада — продавцы. Нет никакого смысла отправляться туда самому — я ведь не получил нужной подготовки.

И, если уж говорить начистоту, вообще никакой, подумал он. Он не продавец, он не космический рабочий, он ничто из того, что есть или чем могут быть роботы.

Он только человек, и все: шестеренка, необходимая для экипажа, составленного из роботов.

Закон гласил: задание роботу или группе таковых может быть дано лишь в том случае, если за выполнением его будет наблюдать человек. Но дело было не только в этом законе. Существовало, пожалуй, что-то органически свойственное роботам, не встроенное в них специально, но нечто такое, что всегда в них было и, очевидно, всегда будет: нерасторжимая связь между роботом и его хозяином.

Отправленный без человека экипаж роботов начал бы делать ошибку за ошибкой, все бы у них пошло вкривь и вкось и под конец развалилось бы совсем — они не только не приносили бы пользы, они приносили бы вред. Когда же их сопровождал человек, почти не было предела тому, что хотели или могли совершить роботы.

Возможно, думал он, они испытывают потребность в руководстве, хотя, если говорить правду, не такие уж и хорошие руководители люди. Возможно, им необходим какой-то символ авторитета — и однако, отдавая дань уважения и внимания своему хозяину, роботы на самом деле никаких авторитетов не признают.

Тут что-то более глубокое, сказал себе Шеридан, чем просто руководство или просто авторитет. Это можно сравнить с привязанностью и пониманием, которые связывают такими прочными узами человека и собаку, и однако, тут нет и намека на поклонение, с которым собака взирает на человека.

Он сказал Наполеону:

— Ну, а ты? Неужели тебе никогда не хочется побродить? Только скажи, и ты пойдешь.

— Мне нравится готовить, — заявил Наполеон. Он поковырял в земле металлическим пальцем. — Пожалуй, Стив, правильно будет сказать, что во мне довольно много от старого слуги.

— Стоит сменить трансмог, и все будет по-другому.

— А кто тогда станет для тебя готовить? Ты же знаешь, повар ты никудышный.

Шеридан съел обед и остался сидеть на стуле, глядя на озеро и дожидаясь первых радиосообщений.

Наконец-то они приступили к делу. Все, что ему предшествовало — погрузка, долгое путешествие в космосе, выход на орбиту и разгрузка, — было не более чем простой подготовкой к сегодняшнему дню.

Уже к вечеру пришел Езекия и принес весть:

— Сэр, радирует Эйбрахам. Там, кажется, что-то неладно.

Шеридан вскочил на ноги и побежал к радиорубке. Он пододвинул стул и потянулся за наушниками:

— Это ты, Эйб? Как дела?

— Плохо, Стив, — сказал Эйбрахам. — Они не заинтересованы в торговле. Товары им нужны, это видно по тому, как они на них смотрят. Но они не покупают. Знаешь, что мне кажется? По-моему, им нечего нам предложить.

— Но это смешно, Эйб! Они выращивали лодары все эти годы. Амбары набиты ими доверху.

— Их амбар заколочен, — сказал Эйбрахам. — Поперек дверей перекладыны, а окна заколочены досками. Когда я попробовал к нему подойти, они повели себя не очень-то учтиво.

— Я скоро буду, — сказал Шеридан. — Хочу посмотреть на это сам. — Он поднялся и вышел из радиорубки. — Езекия, приготовь автолет, мы отправляемся к Эйбу. А ты, Наппи, побудь около радио. Я буду в деревне, где Эйб, свяжись со мной, если что-нибудь случится.

— Я никуда не отлучусь, останусь здесь, — обещал Наполеон.

Езекия посадил автолет на деревенской площади, рядом с грузолетом, на котором все еще громоздились товары.

Эйбрахам подошел сразу же, как только они сели.

— Рад, что ты здесь, Стив. Они хотят, чтобы я отсюда убрался.

На площади было много народу, одни стояли в дверных проемах, прислонившись к косякам, другие — прислонившись к деревьям. Несколько жителей маячили перед заколоченной дверью массивного амбара на площади, будто стража, которой поручено его охранять.

— Когда я только спустился, — сказал Эйбрахам, — они столпились вокруг грузолета и стали пялиться на товар. По всему было видно, что они еле удерживаются от того, чтобы не трогать его руками. Я попытался было с ними заговорить, но они особо не стали разговаривать — сказали только, что у них ничего нет. Ну, а теперь стоят поодаль и пялятся.

Рядом с крохотными домиками деревни амбар выглядел монументальным зданием. Он высился, квадратный, прочный, совсем без украшений, и был здесь

чужим — пришельцем с чужой планеты, Земли. Ибо, осознал вдруг Шеридан, что был точно такой же амбар, какие он видел на фермах Земли где-нибудь в лесной глухомани: огромная шатровая крыша, широченная дверь, к которой надо подниматься по пологому скату, и даже вытяжная труба, оседлавшая конек крыши.

Человек и двое роботов тонули в омуте враждебного молчания. Гарсониане, стоявшие в ленивых позах, не сводили с них глаз, и что-то было решительно не то.

Шеридан медленно обвел площадь взглядом и вдруг понял, что именно изменилось.

Все вокруг было заброшенное, а то и просто грязное. Запущенные домики потеряли свой прежний опрятный вид, улицы были завалены мусором. И соответственно выглядели сами жители.

— Сэр, — сказал Езекия, — на них жалко смотреть. И он был прав.

В лицах жителей была какая-то загнанность, они горбились и казались усталыми.

— Не понимаю, — удивленно сказал Эйбрахам. — Если верить нашим данным, это был беззаботный народец, но посмотрите на них сейчас. Может, данные были неверные?

— Нет, Эйб, изменились сами жители.

Ибо совершенно исключалось, что данные могут быть неверны. Их собирал отряд специалистов, один из самых лучших, и у человека, его возглавлявшего, был многолетний опыт работы на чужих планетах. Экипаж провел на Гарсоне IV два года и сделал все для того, чтобы узнать об этой цивилизации как можно больше.

С местными жителями явно что-то произошло. Неизвестно почему, но они утратили свойственные им веселое расположение духа и чувство собственного достоинства. Они перестали заботиться о своих домах. Дошли до того, что стали племенем грязнуль.

— Вы, ребята, оставайтесь здесь, — сказал Шеридан.

— Не надо, сэр, — встревоженно сказал Езекия.

— Будь осторожен, Стив, — предупредил Эйбрахам.

Шеридан направился к амбару. Стоявшие перед входом не шевельнулись. Метрах в двух от них он остановился.

Вблизи, живые, они походили на гномов больше, чем на фотографии, привезенных на Землю исследовательским экипажем. Сморщенные гномики, но не жизнерадостные, как прежде. Вид у них был болезненный, чувствовалось, что они затаили на что-то обиду и, быть может, злобу. В них было что-то виноватое, и кое-кто даже шаркал ногами от смущения.

— Я вижу, вы нас не помните, — непринужденно начал Шеридан. — Мы слишком долго не возвращались — куда дальше, чем рассчитывали.

Он боялся, что не справляется с их языком. Вообще говоря, это был не самый легкий язык в Галактике. На какой-то миг он ощутил острое сожаление, что не существует чего-нибудь вроде трансмога, чтобы вставить в человеческий мозг, — насколько легче было бы тогда в моменты, подобные этому!

— Мы вас помним, — угрюмо сказал один из гарсониан.

— Вот и чудесно! — с наигранной радостью воскликнул Шеридан. — За эту деревню говорите вы?

«Говорите» — потому что не было вождя, не было руководителя, не было вообще никакой власти, а были только, время от времени, бестолковые обсуждения повседневных дел, проходившие возле местного эквивалента деревенской лавки, и лишь изредка, в тех случаях, когда возникала какая-нибудь критическая ситуация, — подобие общего собрания, но никаких должностных лиц, которые бы претворяли принятые решения в жизнь.

— Я могу говорить за них, — несколько уклончиво ответил гарсонианин. Медленно, шаркая ногами, он вышел на несколько шагов вперед. — У нас были другие, похожие на вас — это случилось много лет назад.

— И вы с ними подружились.

— Мы дружим со всеми.

— Но особенно с ними. Вы обещали им, что будете хранить лодары.

— Слишком долго их хранить нельзя. Лодары гниют.

— У вас для них был амбар.

— Сперва сгнил один лодар. Скоро сгнило два. А потом сгнило сто лодаров. Амбар не годится для того, чтобы их хранить. Никакое место не годится, чтобы их хранить.

— Но мы — те, кто был здесь до нас, — научили вас, что нужно делать. Лодары следует перебрать и гнилые выбросить. Тогда другие лодары остаются хорошими.

Гарсонианин пожал плечами:

— Слишком трудно. Очень долго это делать.

— Но не все же лодары сгнили! Часть из них наверняка сохранилась.

Гарсонианин развел руками:

— У нас были плохие времена, друг. То слишком мало дождя, то слишком много. Все не так, как надо. Урожай был все время плохой.

— Но мы привезли вещи в обмен на лодары. Много вещей, которые вам нужны. Нам было очень трудно их доставить. Мы прилетели издалека. Нам пришлось лететь очень долго.

— Жаль, — сказал гарсонианин. — Лодаров нет. Вы сами видите, мы очень бедны.

— Но куда же подевались все лодары?

— Мы, — гарсонианин стоял на своем, — больше лодары не выращиваем. Мы выращиваем теперь другое. С лодарами нам очень не повезло.

— Ну, а эти растения на полях?

— Мы не называем их лодарами.

— Неважно, как вы их называете. Лодары это или не лодары?

— Лодары мы не выращиваем.

Шеридан резко повернулся на каблуках и пошел назад, к роботам.

— Заело. Что-то здесь произошло. Они стали морочить мне голову, а под конец, чтобы выбить у меня из рук последние карты, заявили, что больше лодары не выращивают.

— Но ведь у них поля лодаров! — возмутился Эйбрахам. — Если прежние сведения верны, то они даже

увеличили посевные площади. Я, когда подлетал, проверил. Они выращивают сейчас больше, чем прежде.

— Знаю,— сказал Шеридан,— Получается какая-то ерунда. Езекия, свяжись, пожалуйста, с базой и узнай, что там происходит.

— Минуточку,— сказал Эйбрахам.— А торговое соглашение, которое мы с ними заключили? Имеет оно какую-нибудь силу?

Шеридан покачал головой:

— Не знаю. Может быть, и стоило бы ткнуть им этим соглашением в нос и посмотреть, что из этого получится. Это могло бы послужить чем-то вроде психологического клина — немного позднее, когда нам удастся чуточку их смягчить.

— Если удастся.

— Сегодня наш первый день здесь, и это всего лишь одна деревня.

— По-твоему, использовать соглашение как дубину мы не сможем?

— Послушай, Эйб, я не юрист, и у нас нет с собой трансмога юриста по дьявольски простой причине: на этой планете никакой правовой системы нет. Но, допустим, мы сумели бы как-нибудь заткнуть их в галактический суд. Кто подписывался от имени этой планеты? Какие-то ее жители, которых выбрали мы, а не сами жители планеты; подписи их никого ни к чему не обязывают. Вся эта затея с составлением контракта была не более чем пышной церемонией без какой-либо правовой основы — просто, чтобы гарсониане побоялись отказаться вести с нами дела.

— Но вторая экспедиция, по-видимому, считала, что это подействует.

— Ну, разумеется. У гарсониан довольно сильно развито нравственное чувство — индивидуально и в семьях. Сможем ли мы добиться, чтобы они расширили круг тех, к кому оно применяется? Вот в чем проблема, которую нам предстоит разрешить.

— Иными словами, нам нужно придумать подход,— сказал Эйбрахам.— Хотя бы для одной этой деревни.

— Если такое положение только в этой деревне,— сказал Шеридан,— то пусть сидят на своих лодарах. Мы сумеем обойтись и без них.

Но такое положение было не только в одной этой деревне. Точно так же обстояло дело и во всех других.

Новость эту принес Езекия.

— Наполеон говорит, что не ладится ни у кого,— объявил он.— Никто ничего не продал.

— Пожалуй, надо собрать ребят,— сказал Шеридан.— Положение следует обсудить.

— И еще, пожалуй, надо собрать побольше лодаров,— подал голос Эйбрахам.— и посмотреть, лодары это или что-нибудь другое.

III

Шеридан вставил в голову Эбинизеру трансмог химика, и Эбинизер произвел анализ.

С ним он и явился на обсуждение торговых дел, участники которого собрались за столом для заседаний.

— Есть только одно различие,— сказал он.— В лодарах, которые я подверг анализу, содержание на-

лентроподенсии (так называется средство, используемое в качестве транквилизатора) выше, чем в лодарах, которые привезли первая и вторая экспедиции. Разница примерно в десять процентов, хотя не исключено, что она меняется от поля к полю в зависимости от погодных и почвенных условий — особенно, мне кажется, почвенных.

— Выходит, они лгали, когда говорили, что не выращивают лодары,— сказал Эйбрахам.

— По их собственным меркам,— заметил Сайлас,— они, возможно, нам вовсе и не лгали. Не всегда легко понять инопланетную этику (я хочу сказать — удовлетворительно) с человеческой точки зрения. По словам Эбинизера, химический состав клубня в известной мере изменился, то ли благодаря лучшей обработке почвы, то ли благодаря лучшему семенам, или обилию осадков, или более высокому содержанию в почве связанной с лодаром бактерии — а может быть, благодаря каким-то действиям, намеренно совершенным местными жителями, чтобы вызвать это изменение...

— Сай,— сказал Гидеон,— я не понимаю, куда ты клонишь.

— А вот куда. Если они об этом знали, это могло послужить для них основанием изменить название лодара. А возможно, какие-то особенности их языка потребовали, чтобы они изменили название. Или, чтобы оставить себе лазейку, они прибегли к какому-то словесному трюку. А может, дело просто в суеверии. Гарсонианин в деревне сказал Стиву, что им очень не повезло с лодарами. И потому, быть может, они решили, что переименование лодара принесет им удачу.

— По-твоему, это этично?

— Для них — возможно, да. Вы, друзья, все путешествовали немало и должны бы знать, что жители остальной части Галактики в своих действиях редко руководствуются тем, что мы с вами считаем логикой или этикой.

— Все же я не понимаю,— сказал Гидеон,— к чему им менять название, если не специально для того, чтобы только с нами не торговать. Тогда, изменив название, они получают возможность сказать нам, что лодары они не выращивают.

— Мне кажется, именно для этого они их и переименовали,— сказал Максимилиан.— И все это как-то связано с заколоченными амбарами. Они знали, что мы прибыли. Невозможно себе представить, чтобы они этого не знали. Целый рой наших грузолетов сновал вверх-вниз, и не увидеть их они просто не могли.

— В деревне, где мы были,— сказал Шеридан,— у меня создалось впечатление, что они как-то неохотно говорили нам о том, что не выращивают лодары. Оттягивали сколько могли, словно это был последний аргумент, которым, они надеялись, им не придется воспользоваться; отчаянный, последний довод на случай, если остальные не подействуют, и...

— Просто пытаются вздуть цену,— тоном, не допускающим возражений, перебил его Лемуэль.

Максимилиан покачал головой.

— Не думаю. Ведь никакой исходной цены предложено не было. Как можно вздуть цену, которой нет?

— Есть цена или ее нет,— раздраженно заявил

Лемуэль,— все равно они в состоянии создать ситуацию, которая позволила бы им обогнать нас до нитки.

— Есть другое обстоятельство, и оно может оказаться для нас благоприятным,— сказал Максимилиан.— Если они переименовали растение для того, чтобы оправдать свое нежелание торговать с нами, то из этого следует, что вся деревня ощущает по отношению к нам моральный долг и ей нужно как-то оправдать свой отказ.

— Иными словами,— сказал Шеридан,— мы можем попытаться их уговорить. Что ж, возможно. Во всяком случае, мы попробуем.

— Я бы не прочь заглянуть в амбары,— сказал Джошуа.— Что в них? Как вы думаете, можем мы как-нибудь их истереть и посмотреть?

— Только применив силу,— сказал Эйбрахам.— Мне кажется, пока мы здесь, они будут охранять их денно и ночью.

— Применение силы исключается,— сказал Шеридан.— Все вы прекрасно знаете, что с нами случится, если мы применим силу, не для целей самозащиты, против жителей другой планеты. У экипажа отберут лицензию, и все вы, друзья, проведете остаток жизни, полируя до блеска полы в дирекции.

— Может, мы просто прокрались бы как-нибудь? Как сыщики...

— Это мысль, Джош,— сказал Шеридан.— Не знаешь, Езекия, есть у нас трансмоги для сыщиков?

— Мне о таких не известно, сэр. И я даже не слышал, чтобы какой-нибудь экипаж такими пользовался.

— Ну, а что, если бы они даже были? — заметил Эйбрахам.— Все равно нам было бы чертовски трудно замаскироваться.

— Если бы среди нас нашелся доброволец,— с некоторым воодушевлением сказал Лемуэль,— мы могли бы переконструировать и изменить его внешний вид, и...

— Мне лично кажется,— сказал Сайлас,— что нам надо разработать все мыслимые подходы. Тогда один мы сможем испытать на одной деревне, другой — на другой, и так до тех пор, пока не натолкнемся на подход, который работает.

— Что предполагает,— поучительно произнес Максимилиан,— что все деревни будут реагировать в принципе одинаково.

Сайлас сказал:

— Я бы исходил именно из этого. В конце концов, культура одна и та же, а средства связи, по-видимому, примитивные. Пока не пройдет некоторый, пусть небольшой, отрезок времени, ни одна из деревень не будет знать, что происходит в другой,— это обстоятельство для наших экспериментов превращает каждую из деревень в идеальную морскую свинку.

— Я думаю, ты прав, Сай,— сказал Шеридан.— В настоящий момент мне все равно, какую цену нам придется платить за лодары. Пожалуйста, вначале пусть обдирают нас как липку. Лишь бы стали продавать, а там уже мы сможем начать сбивать цену и под конец сочтемся по справедливости. В конце концов, самое главное — нагрузить на наши сани столько лодаров, сколько они смогут увезти.

— Хорошо,— сказал Эйбрахам,— тогда за работу.

И они взялись за работу. Провели за ней целый день. Наметили самые разные коммерческие подходы. Выбрали каждый себе деревню. Шеридан разделил роботов на бригады, и каждая бригада получила собственное задание. Выработали все детали. Не оставили на волю случая ничего.

Когда Шеридан сел ужинать, у него было такое чувство, что все, что нужно, сделано, что теперь все в порядке — если не сработает один подход, сработает другой. Вся беда заключалась в том, представлялось ему теперь, что они не провели заблаговременного планирования. Они были до того уверены, что все пройдет гладко, что ринулись торговать, ничего не продумав.

Утром роботы, преисполненные оптимизма, отправились в путь.

Бригаде Эйбрахама предстояло обойти все дома в своей деревне, и они поработали там на совесть. Они не пропустили ни одного дома, и ответ в каждом был «нет». Иногда это было просто твердое «нет», иногда это была дверь, захлопнутая у них перед носом; иногда ссылались на бедность.

Одно было ясно как день: с гарсоннианами поодиночке управиться ничуть не легче, чем со всеми гарсоннианами вместе.

Гидеон и его бригада попробовали применить трюк с образцами товаров — они стали дарить образцы жителям одного дома за другим и при этом сообщали, что вернутся еще и с другими товарами. Оказалось, что гарсоннианам абсолютно ничего не нужно. Брать образцы они отказывались.

Лемуэль устроил лотерею. Лотерея, как утверждали ее сторонники, вызывает к присущей каждому индивидууму жажде наживы. Эта лотерея была задумана так, чтобы вызывать к ней максимально. Цена была самой низкой, какую только можно было вообразить: один лодар за билет. Выигрыши же были просто сказочными. Но, судя по всему, гарсонниан жажда наживы не обуревала. Ни одного билета продано не было.

И самым странным во всем этом, неразумным, не укладывающимся в сознании, попросту невозможным, было то, что получить товары гарсоннианам явно хотелось.

— Было видно, как они борются с собой,— сообщил Эйбрахам на вечернем заседании.— Было видно, что какая-то вещь из тех, что мы продаем, им нужна, но неимоверным усилием воли они заставляли себя отказываться.

— Возможно, что они уже почти готовы,— сказал Лемуэль.— Возможно, достаточно небольшого толчка, и дело будет в шляпе. Не начать ли кампанию распространения слухов? Может, стоит распустить слух, что некоторые деревни покупают у нас вовсю. Вероятно, это поколебало бы их сопротивление.

Но Эбинизер засомневался.

— Надо докопаться до причин. Надо выяснить, что кроется за этой забастовкой. Возможно, что-нибудь совсем простое. Если бы только знать...

Эбинизер побывал со своей бригадой в отдаленной деревне. Они захватили с собой заранее приго-

товленный магазин самообслуживания и установили его на деревенской площади. Заманчиво разложили на полках товары. Создали вокруг шумную ярмарочную атмосферу. Развесили по селению громкоговорители, и оттуда с оглушительным ревом повалили выгодные предложения.

Эйбрахам и Гидеон возглавили каждый по бригаде с говорящими рекламными досками. Они облетели округ, расставляя яркие, радующие глаза доски, каждая с записанной на магнитной пленке рекламой. Еще до начала операции Шеридан вставил в Оливера и Сайласа трансмоги специалистов-семантиков, и те наговорили эти пленки — дело очень тонкое, требующее большого умения. На коммерческую сторону, хотя она, несомненно, там присутствовала, они слишком не нажимали. Кое-где тон был вкрадчивый, кое-где откровенный, но не было ни одного слова, которое бы не звучало искренне. Они превозносили гарсониан, этот народ, такой достойный и негиббемый; произносили прочувствованные проповеди о честности, добропорядочности и обязательности; пытались представить себя чем-то средним между недоумками, перехитрить которых проще простого, и благотворителями.

Пленки крутили день и ночь. Они забрасывали беззащитных гарсониан льстивой, вкрадчивой рекламой, и эффект должен был быть фантастическим, ибо ни с какой рекламой гарсонианам никогда еще не приходилось сталкиваться.

Джошуа и Таддеус пришли к Шеридану и попросили пару трансмогов драматурга. Шеридан сказал, что таких у них нет, но Езекия, с его неизменным оптимизмом, погрузился на самое дно сундучка с трансмогами и вынырнул с одним, на котором была наклейка «аукционер», и с другим с наклейкой «оратор» — самое близкое к желаемому из всего, что ему удалось найти.

Джошуа и Таддеус с негодованием их отвергли, уединились и стали сочинять, вкладывая в эту работу всю душу, номера для юмористического представления.

Например, как следует писать шутки для жителей другой планеты? Что их смешит? Непристойность? Великолепно — только для того, чтобы так шутить, нужно досконально знать интимную жизнь существ, для которых такая шутка предназначена. Шутка про тещу? В этом случае тоже нужно знать, как к ней отнесутся: существует множество мест, где тещи пользуются глубоким уважением, но есть и другие, где одно упоминание о них считается дурным тоном. Юмор, построенный на использовании диалектов и говоров, разумеется, исключался напрочь, как он того и заслуживал. Точно так же, поскольку дело касалось гарсониан, исключалась и шутка ловкача-бизнесмена. Гарсониане — народ совершенно не деловой, и шутка такого рода была бы им попросту недоступна.

Однако Джошуа и Таддеуса все это, в общем, не обескураживало. Они отобрали у Шеридана папки, где хранились сведения о планете, и провели над ними не один час, анализируя те стороны гарсонианской жизни, которые они, ничем не рискуя, могли бы использовать для своего либретто. Они сделали горы выписок и заметок. Вычерчивали сложные графики,

демонстрирующие отношения между словами гарсонианского языка и хитросплетениями местной социальной жизни. Писали и переписывали, перечитывали заново и оттачивали. В конце концов либретто они смастерили.

— Ничем нельзя так расположить к себе, — убежденно сказал Шеридану Джошуа, — как веселым представлением. Зрителям становится хорошо, и они растормаживаются. Кроме того, они начинают чувствовать себя, в некотором смысле, в долгу перед тобой. Ты их развлекаешь, и они, вполне естественно, не могут не испытывать потребности сделать приятное тебе.

— Надеюсь, это подействует, — сказал Шеридан без особого энтузиазма.

Ибо ничто другое не действовало.

В отдаленной деревне, где был построен магазин, гарсониане расшевелились в достаточной мере для того, чтобы его посмотреть — но только посмотреть, а не покупать в нем товары. Казалось, будто магазин для них какой-то огромный музей или выставка. Они шли гуськом по проходам, глазели на товары, иногда даже протягивали руку и трогали их, но не покупали. Более того: когда высказывалось предположение, что они, возможно, хотя бы что-нибудь купить, они делали оскорбленную мину.

В других селениях говорящие рекламные доски привлекли к себе широкое внимание. Вокруг них собирались толпы и часами слушали. Но вскоре блеск новизны исчез, и теперь местные жители обращали на магнитные записи очень мало внимания. И они все так же игнорировали роботов. И даже еще более подчеркнуто игнорировали или резко пресекали любые попытки что-нибудь им продать.

От этого опустили руки.

Болдуин со своей бригадой попытался распространять слухи. Но жители решительно отказывались верить, будто какая-то деревня могла хоть что-нибудь у них купить.

Оставалось попробовать юмористическое представление, и Джошуа с Таддеусом создали труппу и принялись репетировать. Дело немного затруднялось тем, что даже Езекии не удалось найти актерских трансмогов, но, все равно, получалось у них неплохо.

Несмотря на то, что ни одна из их попыток не дала результатов, роботы снова и снова отправлялись в деревни, трудились не покладая рук, снова и снова пытались продавать товары, в надежде, что рано или поздно они найдут ключ, который поможет им отпереть дверь скрытности и упрямства, за которой прячутся местные.

В один прекрасный день Гидеон радировал на базу откуда-то издалека, где он был один:

— Стив, тебе бы надо посмотреть самому кое на что здесь под деревом.

— Кое на что?

— На существо совсем другой породы. Вроде бы разумное.

— Гарсонианина?

— Тоже гуманоида, но не гарсонианина.

— Сейчас буду, — сказал Шеридан. — Оставайся на месте, чтобы ты мог мне его показать.

— Оно, наверно, меня заметило, — сказал Гидеон, —

но я к нему близко не подходил. Я подумал, что тебе, может быть, захочется заняться им самому.

Существо, как и говорил Гидеон, сидело под деревом. Перед ним была расстелена искристо поблескивавшая скатерть, на ней стоял затейливо разукрашенный сосуд, и существо было занято тем, что доставало разные разности из чего-то, что, очевидно, служило корзиной для провизии.

Будучи, как и гарсонiane, гуманоидом, существо, однако, выглядело куда приятнее, чем они. Лицо было точеное, а тело — змеино гибкое в своей стройности. Его облекали одежды из роскошных тканей, и на нем было множество драгоценностей. Вид у него был явно светский.

— Привет, друг, — сказал по-гарсониански Шеридан.

Кажется, существо его поняло, но высокомерно улыбнулось. Судя по всему, появление Шеридана его не обрадовало.

— Быть может, — сказала оно не сразу, — у вас найдется время присесть.

Тон, каким это было сказано, ясно и недвусмысленно предлагал Шеридану сказать: нет, он благодарит, но не может, ему надо идти.

— С радостью, — вместо этого сказал Шеридан. — Большое вам спасибо.

Он сел и стал смотреть, как существо достает из своей корзины со съестным все новые и новые припасы.

— Для нас с вами несколько затруднительно, — сказала существо, — общаться друг с другом на этом варварском языке. Но другого выбора, я полагаю, у нас нет. Вы, случайно, не говорите на балльском?

— Увы, — сказал Шеридан. — Я даже никогда о нем не слышал.

— Я подумал: а вдруг? На нем говорят многие.

— Мы вполне сможем объясняться и на языке этой планеты, — спокойно сказал Шеридан.

— О, безусловно! — согласилось существо. — Надеюсь, я не вторгся ненароком в ваши владения? Если да, то я, разумеется...

— Что вы! Я был рад вас здесь встретить.

— Я бы предложил вам пообедать вместе со мной, но боюсь. Ваш обмен веществ наверняка отличен от моего. Мысль, что я могу отравить вас, для меня непереносима.

Шеридан кивнул в знак благодарности. Пища и вправду выглядела весьма привлекательно. Вся в красивой упаковке, и кое-что было на вид так соблазнительно, что у него потекли слюнки.

— Я посещаю эти места для того, чтобы...

Существо искало гарсонианское слово и не находило его.

Шеридан попытался помочь:

— На своем родном языке я бы, пожалуй, назвал это пикником.

— Поесть-на-воздухе, — сказал незнакомец. — Это самое близкое, что я могу обнаружить в языке наших любезных хозяев.

— Мы с вами думаем одинаково.

От этого свидетельства взаимопонимания настрое-ние существа ощутимо поднялось.

— По-моему, мой друг, у нас много общего. Быть может, я могу оставить вам часть пищи с тем, чтобы вы сделали ее анализ? Тогда в следующий раз, когда я снова здесь буду, вы смогли бы составить мне компанию.

Шеридан покачал головой:

— Не думаю, чтобы я задержался здесь надолго.

— Ах, вот как? — сказал незнакомец, кажется, приятно удивленный. — Так вы здесь тоже только на время? Шорох крыльев в ночи — только что был рядом, и уже унесся навеки.

— Весьма поэтично, — сказал Шеридан, — и весьма образно.

— Впрочем, — сказала существо, — я здесь бываю довольно часто. Мне полюбилась эта планета. Чудесное место для того, чтобы поесть-на-воздухе. Все так спокойно, просто, неторопливо. Никакой суеты, и жители так чистосердечны в своей приветливости, хотя, увы, грязноваты и чрезвычайно, чрезвычайно глупы. Но, заглядывая в свое сердце, я обнаруживаю, что люблю их за неискушенность, за близость к природе, за ничем не омраченный взгляд на жизнь и за простоту, с которой они эту свою жизнь живут.

Он умолк и испытующе посмотрел на Шеридана.

— Вы с этим не согласны, мой друг?

— Разумеется, согласен! — довольно поспешно сказал Шеридан.

— В Галактике так мало мест, — загрустил незнакомец, — где можно побыть в блаженном уединении. О, я не имею в виду — уединении полном, кого-то ты встречаешь и здесь; но в уединении в том смысле, что есть где повернуться, что ты перестаешь быть игрушкой слепых ненасытных желаний и тебя не душит неодолимый напор чужих характеров. Существуют, конечно, ненаселенные планеты, ненаселенностью своей обязанные лишь тому, что на них невозможно жить физически. Их мы исключаем.

Он ел понемножку, изящно, даже манерно, однако из сосуда с затейливыми украшениями отхлебнул изрядно.

— Вкус превосходный, — сказал незнакомец и протянул сосуд Шеридану. — Может, рискнете все-таки?

— Нет, я лучше воздержусь.

— Это, пожалуй, мудро, — признал тот. — Жизнь не принадлежит к числу тех вещей, с которыми расстаются не раздумывая.

Он глотнул еще, поставил сосуд к себе на колени, и теперь, продолжая разговор, то и дело его поглаживал.

— Это отнюдь не означает, — сказал он, — что я ставлю жизнь превыше всего. У вселенского бытия наверняка есть и другие грани, ничуть не менее...

Они просидели за приятной беседой до самого вечера.

Когда Шеридан пошел к автолету, сосуд у незнакомца был уже пуст, а сам он лежал, раскинувшись в блаженном опьянении, среди остатков пикника.

IV

Хватаясь то за одну нить, то за другую, Шеридан судорожно искал в общей картине место, куда бы вписался любящий пикники пришелец с другой планеты, но такого места не находилось.

Быть может, он, в конце концов, и есть то, чем хочет казаться,— путешествующий бездельник, одержимый страстью есть в одиночестве на воздухе и любовью к бутылке.

И в то же время он знает местный язык и, по его словам, бывает здесь часто — и одно это более чем странно. Ему, по-видимому, доступна вся Галактика, так что же тянет его к Гарсону IV — планете (во всяком случае, на человеческий взгляд) весьма мало к себе располагающей?

И еще: как он сюда попал?

— Гидеон,— спросил Шеридан,— ты случайно не заметил где-нибудь там, поблизости, транспортного средства, на котором наш друг мог прибыть сюда?

Гидеон покачал головой.

— Не приходило ли вам в голову, сэр,— спросил Езекия,— что он, быть может, владеет способностью к телепортации? Это не исключено. Например, та цивилизация, на Пилико...

— Верно,— сказал Шеридан,— но пиликоане одолевали зараз не больше мили, или около этого. Помнишь, как они скакали? Будто большой заяц прыгнет на целую милю, но так быстро, что самого прыжка не видно. А этот тип, судя по всему, прыгнул через световые годы. Он спрашивал меня о языке, о котором я никогда не слышал. Сказал, что этот язык широко распространен — по крайней мере, в некоторых частях Галактики.

— Сэр, вы уделяете этому слишком много внимания,— сказал Езекия.— Нам следует подумать о делах более важных, чем этот праздношатающийся инопланетянин с его любовью к странствиям.

— Ты прав,— согласился Шеридан.— Если дело с торговлей не пойдет, мне головы не сносить.

Но ему так и не удалось отделаться окончательно от мыслей о той встрече под деревом.

Он попытался оживить в своей памяти их долгую праздную болтовню и, к своему изумлению, обнаружил, что она действительно была совершенно праздной. Он не помнил, чтобы существо рассказало ему о себе хоть что-нибудь. Битых три часа, а то и дольше, оно говорило не умолкая — и ухитрилось не сказать за все это время ровным счетом ничего.

Вечером Наполеон, когда принес ужин, присел на корточки, аккуратно подобрав белоснежный фартук к себе на колени, возле стула, где сидел Шеридан.

— Наши дела плохи, ведь так? — спросил он.

— Да, пожалуй.

— Как нам быть, Стив, если мы так и не сможем ничего сделать — вообще не достанем лодаров?

— Наппи,— сказал Шеридан,— я изо всех сил стараюсь об этом не думать.

Но теперь, когда Наполеон об этом заговорил, Шеридан живо себе представил, как будет реагировать «Центральная торговля», если весь груз стоимостью в миллиард долларов ему придется доставить назад.

Каким угодно способом, но продать груз он должен! Если не продаст, карьере его конец. Хотя, осознал он вдруг, на карту поставлена не только его карьера. Затронуты интересы всего человечества.

Существует реальная и настоящая потребность

в транквилизаторе, изготовляемом из клубней лодара. Поиски такого лекарства начались сотни лет назад, и нужда в нем подтверждается тем фактом, что все это время поиски не прекращались. Это было нечто, в чем человек остро нуждался, по существу, с того самого мгновения, когда он перестал быть животным.

— Если бы только эта планета была нашей,— сказал он, обращаясь скорее к себе, чем к Наполеону,— если бы мы только сумели завладеть ею, мы бы смогли выращивать столько лодаров, сколько нам нужно. Мы бы сделали из Гарсона IV одно большое поле и выращивали бы лодаров в тысячу раз больше, чем в самые лучшие времена их выращивали гарсонiane.

— Но мы не можем,— сказал Наполеон.— Это противозаконно.

— Да, Наппи, ты прав. Противозаконно, и даже очень.

Ибо гарсонiane были разумны, не потрясаяще разумны, но, по крайней мере, разумны в том смысле, какой вкладывает в это слово закон.

А в отношениях с разумными существами нельзя делать ничего, что содержало бы в себе хотя бы намек на применение силы. Нельзя даже купить или арендовать у них землю, так как, говорил закон, ты, покупая землю, лишаешь полноправную цивилизацию ее неотчуждаемых прав.

Можно работать вместе с ними и их учить — это всячески поощряется. Но научить гарсонiane чему-нибудь было почти невозможно. Можно вести с ними меновую торговлю. Но гарсонiane теперь вести ее не хотят.

— Не знаю, что мы будем делать,— сказал Шеридан.— Как нам выпутаться?

— У меня есть в некотором роде предложение. Если бы мы смогли как-то увлечь местных жителей сложностями игры в кости, мы бы, в конце концов, чего-нибудь да добились.

Шеридан поперхнулся. Медленно и очень осторожно он поставил чашку с кофе на стол.

— Обычно,— с напускной суровостью сказал он Наполеону,— я на такие методы смотрю косо. Но в данной ситуации... что, если ты и вправду соберешь несколько ребят и попробуешь?

— Буду рад, Стив.

— И... э-э, Наппи...

— Что, Стив?

— Я надеюсь, ты выберешь лучших игроков?

— Естественно,— сказал Наполеон, поднимаясь и разглаживая свой фартук.

Джошуа и Таддеус отправились со своей трупой в далекую деревню на совершенно девственной территории, которой ни одна из прежних попыток начать торговлю не коснулась, и выступили перед гарсонiane со своим представлением.

Успех превзошел все ожидания. Местные жители, держась за животы и обессилив от смеха, катались по земле. Они выли, задыхались, вытирали слезы, ручьями льющиеся из глаз. В восторге от веселых шуток, они били друг друга по спине. Ничего похожего они не видели за всю свою жизнь, ничего похожего вообще никогда не было на Гарсоне IV.

И когда они совсем размякли от веселья, когда еще чувствовали себя вполне убагодворенными, в тот точно рассчитанный психологический момент, когда сняты все торможения и смолкают голоса враждебности и упрямства, Джошуа предложил им начать торговлю.

Смех оборвался. Веселья как не бывало. Зрители теперь просто стояли и таращили на них глаза.

Труппа быстро собралась и в глубоком унынии потащилась назад, на базу.

Шеридан сидел в палатке и предавался созерцанию мрачного будущего. База словно вымерла. Никто не шутил, не пел, не смеялся, проходя мимо палатки; никто не топал по-добрососедски.

— Шесть недель, — горько сказал Шеридан Езекии. — Шесть недель, и ни одной сделки. Мы сделали все, что в наших силах, и даже с места не сдвинулись.

Он сжал руку в кулак и ударил по столу:

— Если бы только выяснить, в чем дело! Наши товары им нужны, а покупать они отказываются. В чем же дело, Езекия? Тебе что-нибудь приходит в голову? Езекия покачал головой.

— Ничего, сэр. Я просто озабочен. И не только я, но и все мы.

— Они там, в «Центральной», меня распнут, — сказал Шеридан. — Прибьют гвоздями и будут держать в таком виде в назидание другим ближайшие десять тысяч лет. Неудачи случались и раньше, но не такие.

— Не знаю, следует ли мне это говорить, — сказал Езекия, — но мы могли бы и дать деру. Может, это и есть наилучший для нас выход. Мальчики на это пойдут. Теоретически они преданы «Центральной», но фактически, если заглянуть поглубже, они еще более преданы вам. Мы могли бы погрузить все снова, и это дало бы нам капитал, вполне достаточный для начала...

— Нет, — твердо сказал Шеридан. — Попробуем еще — может, нам все-таки удастся разобраться в ситуации. Если нет, я подставлю шею и отвечу за неудачу.

Кто знает, может быть, нас выручит Наппи со своими игроками. Кажется невероятным, но ведь случались вещи более странные.

Наполеон и его товарищи вернулись подавленные и растерянные.

— Разделали нас под орех, — сказал, явно еще не оправившись от потрясения, Наполеон. — Эти парни просто самородки, прирожденные игроки. Но когда мы хотели выплатить проигрыш, они не стали брать наш товар!

— Придется встретиться с ними и поговорить начистоту, хотя больших надежд я на это не возлагаю.

— Будь у них правительство, — заметил Эбинизер, тоже входивший в сколоченную Наполеоном бригаду игроков, — встретиться с ними имело бы смысл. Можно было бы поговорить с кем-то, кто представляет все население. Но в реальных условиях придется говорить отдельно с каждой деревней, и это продлится целую вечность.

— Ничего не поделаешь, Эйб, — сказал Шеридан. — Выбирать не из чего.

Но прежде, чем они встретились с гарсонианами, начался сбор лодаров. Гарсониане трудились на полях

как бобры — выкапывали клубни, складывали их в кучи сушиться, ссыпали высушенные на тележки и свозили в амбары, используя исключительно собственную мускульную силу — никаких тягловых животных у гарсониан не было.

Выкапывали — и свозили в амбары, те самые амбары, где, клялись они, никаких лодаров у них не хранится. Но в этом, если задуматься, не было ничего удивительного: ведь точно так же они клялись, что вообще не выращивают лодары.

Естественно было ожидать, что они распахнут большие двери амбаров, однако именно этого они делать не стали. Они просто открывали крохотную, в их рост дверцу, вделанную в большую, и через нее ввозили лодары. И стоило показаться вблизи кому-нибудь из участников экспедиции, как всю деревенскую площадь моментально окружала усиленная охрана.

— Лучше их не трогать, — посоветовал Эйбрахам. — Если мы попробуем на них давить, потом хлопот не оберешься.

И роботы вернулись на базу и стали ждать, когда гарсониане кончат собирать урожай. Шеридан посоветовал роботам не предпринимать ничего еще в течение нескольких дней, чтобы дать гарсонианам возможность вернуться к их повседневным делам.

Тогда они отправились к гарсонианам снова, и на этот раз на одном из грузовиков вместе с Эйбрахамом и Гидеоном полетел Шеридан.

Деревня, куда они прибыли, нежилась в лучах солнца, безмолвная и ленивая.

Эйбрахам посадил грузовик на площадь, и все втроем они сошли с него.

Площадь была пуста, и вокруг царил молчание — глубокое, гробовое.

Шеридан почувствовал, как по спине у него побежали мурашки, ибо в этом безмолвии таилась какая-то скрытая неестественная угроза.

— Может, они устроили засаду? — вслух подумал Гидеон.

— Не думаю, — сказал Эйбрахам. — По складу характера гарсониане миролюбивы.

Настороженные, они пересекли площадь и медленно двинулись вдоль одной из улиц.

По-прежнему не видно было ни души.

И что было еще более удивительным, двери некоторых домов были распахнуты настежь. Окна, казалось, следили за пришельцами слепыми глазами, и занавесок из пестрой домотканой ткани в них больше не было.

— Быть может, — предположил Гидеон, — они ушли на какой-нибудь праздник урожая или что-то в этом роде.

— Они бы не оставили дверей открытыми настежь, ни на один день, — заявил Эйбрахам. — Я прожил бок о бок с ними не одну неделю и хорошо их изучил. Я знаю, как бы они поступили: они бы тщательно закрыли двери и еще проверили бы, хорошо ли те закрыты.

— Надо, чтобы кто-нибудь посмотрел, — сказал Шеридан. — Да, пожалуй, я сам.

Он свернул в калитку перед домом, одна из дверей которого была распахнута, и медленно пошел по до-

рѳжке. У порога он остановился и заглянул внутрь. В комнате было пусто. Он перешагнул порог и пошел из комнаты в комнату, и все они оказались пусты — не было не только жителей дома, но и вообще ничего. Дом был мертв, гол и пуст — рухлядь, за ненадобностью брошенная его обитателями.

Шеридан почувствовал, как в душу ему закрадывается чувство вины. А что, если прогнали их мы? Что, если своими домогательствами мы довели их до того, что они решили бежать?

Но это же смешно, подумал он. Для этого невероятного, массового исхода должна быть какая-то другая причина.

Он вернулся назад. Эйбрахам и Гидеон зашли в другие дома. Всюду было пусто.

— Может, только эта деревня? — предположил Гидеон. — Может, в остальных все по-прежнему?

Но Гидеон ошибался.

Вернувшись на грузолет, они связались с базой.

— Не понимаю, — сказал Езекия. — То же сообщили четыре другие группы. Я как раз собирался вам радировать, сэр.

— Пошли все грузолеты, какие у тебя есть, — сказал Шеридан. — Пусть проверят все деревни в округе. И ищи гарсониан. Может, они где-нибудь в лесах или на полях. Не исключено, что они на празднике урожая.

— Если они на празднике, сэр, — спросил Езекия, — то почему взяли с собой свое имущество?

— Существует отдаленная вероятность, — заговорил Гидеон, — что они переселяются. Быть может, у них есть обычный раз во столько-то лет строить для себя новую деревню. Быть может, дело в древнем санитарном законе, согласно которому через определенный промежуток времени лагерь надо переносить на другое место.

— Возможно, — устало сказал Шеридан. — Поживем — увидим.

Эйбрахам ткнул большим пальцем в сторону амбара.

Шеридан заколебался было, потом отбросил осторожность.

— Валяй, — сказал он.

Гидеон по скату поднялся к двери, протянул руку и ухватился за одну из прибитых поперек досок. Раздался болезненный скрип выкручиваемых гвоздей, и доска отлетела в сторону. За ней последовала другая, потом еще одна, и тогда Гидеон нажал плечом, и одна из створок двери распахнулась.

Внутри, в полутьме амбара, тускло поблескивал металл — на полу, загородив собой проход, стояла огромная машина.

Холодный, пустой ужас сковал Шеридана.

Нет, подумал он. Машины здесь быть не может.

Гарсонианам просто не полагалось иметь машины. Их культура не знала никаких механизмов. Вершиной их достижений оставались пока мотыга и колесо, и они еще не додумались даже соединить их вместе, чтобы получился плуг.

Когда, лет пятнадцать назад, отправлялась в обратный путь вторая экспедиция, машин у гарсониан не было, и преодолеть за такой короткий промежуток времени свое отставание они не могли.

И однако, проход амбара перегораживала машина.

Это был солидных размеров цилиндр, поставленный на попу, и с одной стороны у него была дверь. Верх цилиндра был увенчан куполообразным колпаком. Если бы не дверь, цилиндр был бы очень похож на огромную тупоносую пулю.

Чье-то вмешательство, подумал Шеридан. За время между отбытием второй экспедиции и прибытием третьей кто-то побывал на этой планете.

— Гидеон, — сказал он.

— Что, Стив?

— Отправляйся на базу и привези оттуда сундучок с трансмогами. Скажи Езекии, чтобы он как можно скорее переправил сюда мою палатку и все прочее. Отзови нескольких мальчиков с разведки — нас ждет работа.

Кто-то здесь побывал, снова подумал он. Ба, да ведь вот кто! Изысканно вежливое существо, что сидело под деревом, перед расстеленной для пикника скатертью, прикладывалось к сосуду, проговорило битых три часа и ухитрилось при этом не сказать ровным счетом ничего!

V

Посланец «Центральной торговли» посадил свой небольшой корабль на краю деревенской площади, неподалеку от места, где теперь стояла палатка Шеридана. Прозрачный колпак сдвинулся в сторону, и посланец вылез из своего сиденья.

Он постоял несколько секунд, сверкая на солнце, пока поправлял значок со словами «СПЕЦИАЛЬНЫЙ КУРЬЕР», скособочившийся на его металлической груди. Затем решительно зашагал к амбару, направляясь к сидевшему на скате Шеридану.

— Вы Шеридан?

Шеридан кивнул, окидывая курьера внимательным взглядом. Великолепная вещь!

— Найти вас оказалось нелегко. Ваша база, похоже, брошена?

— Мы столкнулись с некоторыми трудностями, — спокойно сказал Шеридан.

— Не слишком серьезными, надеюсь? Я вижу, ваш груз сохранил свой первоначальный вид.

— Скажем так: особенно нам не докучали.

— Понятно, — сказал робот, разочарованный тем, что происходящего ему пока не объясняют. — Меня зовут Тобиас, и я кое-что должен вам передать.

— Я слушаю.

Иногда, сказал себе Шеридан, бывает просто необходимо сбить с этих роботов из штаб-квартиры хоть чуточку спеси.

— Передать устно. Могу вас заверить, что меня полностью ввели в курс дела. Я в состоянии ответить на любой вопрос, который вы пожелаете задать.

— Будьте добры, — сказал Шеридан. — Сначала послание.

— «Центральная торговля» желает сообщить вам, что фирма, именующая себя «Галактические предприятия», предложила поставлять «Центральной торговле» лекарство, именуемое калентроподенсией, прак-

тически в неограниченных количествах. Мы хотели бы знать, можете ли вы пролить какой-нибудь свет на это событие.

— «Галактические предприятия»,— сказал Шеридан.— Никогда о таких не слышал.

— «Центральная торговля» тоже. Не скрою от вас, что мы несколько растеряны.

— Могу себе представить.

Тобиас расправил плечи:

— Мне поручено обратить ваше внимание на то, что вас послали на Гарсон IV для приобретения груза лодаров, из которых изготавливается вышеназванное лекарство, и что задание, ввиду предварительной работы, уже проделанной на планете, не должно было быть настолько трудным, чтобы...

— Минуточку, минуточку,— остановил его Шеридан.— Давайте не будем заводить. Если это хоть сколько-нибудь успокоит вашу совесть, можете записать, что я получил от вас взбучку, которую вам было поручено мне дать.

— Но вы...

— Насколько я понимаю, «Галактические предприятия» заломили за свою калентроподенцию изрядную цену.

— Просто грабительскую. «Центральная торговля» затем и послала меня, чтобы выяснить...

— ...когда я доставлю груз лодаров. В настоящий момент я вам ответить на этот вопрос не могу.

— Но я должен привезти отчет!

— Сейчас это у вас не получится. Я не смогу сказать вам ничего определенного по меньшей мере в течение нескольких дней. Вам придется подождать.

— Но по инструкциям, которые я получил...

— Поступайте как вам угодно,— резко сказал Шеридан.— Дожидайтесь ответа или возвращайтесь без ответа. Мне наплевать на то, как именно вы поступите.

Он поднялся со ската и вошел в амбар.

Роботам, увидел он, удалось наконец каким-то образом снять с огромной машины колпак, и теперь он лежал на боку в проходе — так, чтобы было видно, что там внутри.

— Стив,— горько сказал Эйбрахам,— ты только посмотри!

Шеридан посмотрел. Внутри колпака была груда сплавившегося металла.

— Тут были какие-то рабочие части,— сказал Гидеон,— но они уничтожены.

Шеридан почесал затылок.

— Намеренно? Реле саморазрушения?

Эйбрахам кивнул.

— Они, видно, все закончили. Не будь здесь нас, они, я думаю, отправили бы и эту машину, да и все остальные домой, где бы этот их «дом» ни находился. Но допустить возможность того, что одна из них попала к нам в руки... Это было слишком рискованно.

— Но есть другие машины. По-видимому, по одной в каждом амбаре.

— Наверно, там все так же, как здесь,— сказал, поднимаясь с колен, Лемуэль.

— Что ты об этом думаешь? — спросил Шеридан.

— Машина для мгновенного перемещения материи,

телепортатор — называй как хочешь,— ответил Эйбрахам.— Вывод, конечно, сделан не на основании чего-то в самой машине, но из всех обстоятельств дела. Посмотри на этот амбар. В нем ни одного лодара. Лодары куда-то исчезли. Этот твой друг, любитель есть на свежем воздухе...

— Они называют себя «Галактические предприятия»,— сказал Шеридан.— Только что прибыл курьер. Говорит, те предлагают «Центральной торговле» лекарство из лодаров.

— И теперь «Центральная торговля»,— подхватил Эйбрахам,— вконец расстроенная и понесшая огромный материальный ущерб, свалит вину на нас, ссылаясь на то, что мы не поставили ей ни единого лодара.

— В этом я не сомневаюсь,— сказал Шеридан.— Все зависит от того, сможем мы разыскать наших местных друзей или нет.

— По-моему, надежды на это никакой,— сказал Гидеон.— Разведка показала, что деревни опустели на всей планете. Как ты думаешь, не могли они смыться через эти машины? Если машины транспортируют лодары, то могут, наверное, транспортировать и людей.

— Может быть, все, что начинается с буквы «л»? — попытался сосчитать Лемуэль.

— Есть ли надежда узнать, как эти машины работают? — спросил Шеридан.— «Центральной» это могло бы очень пригодиться.

Эйбрахам покачал головой:

— Не могу сказать, Стив. Учитывая, сколько на планете таких машин — по одной в каждом амбаре,— есть некоторая статистическая вероятность, что нам попадется одна, которую не успели разрушить.

— Но даже если мы такую и найдем,— подхватил Гидеон,— есть большущая вероятность, что, едва мы начнем в ней копать, как она моментально саморазрушится.

— А если мы не найдем целой?

— Не исключено,— признал Лемуэль.— Хотя невероятно, чтобы все они разрушали себя в одинаковой степени. И характер повреждения не всегда будет один и тот же. Вполне возможно, что, пересмотрев, скажем, тысячу таких машин, можно составить себе довольно ясное представление о том, какое устройство находилось в куполе.

— Ну, а если бы мы все же это выяснили?

— На это трудно ответить, Стив,— сказал Эйбрахам.— Даже если бы мы располагали одной, которая уцелела и работает, я, честно говоря, не знаю, смогли бы мы разобраться в принципе ее работы настолько, чтобы изготовить самим такую же. Не забывай, что пока еще роду человеческому не удалось достичь ничего хотя бы отдаленно похожего.

Увы, этого Шеридан не понимать не мог. Видеть, как работает совершенно незнакомое устройство, более того,— перенести его, до малейшей детали, на кальку,— при отсутствии теоретической основы, это не давало абсолютно ничего.

— При помощи этих машин они переправили куда-то лодары,— сказал он,— и, возможно, гарсонииан. И если это так, то гарсонииане наверняка пошли в машины по своей доброй воле — если бы была применена сила,

мы бы это знали. Эйб, ты можешь мне сказать, почему они отсюда ушли?

— Понятия не имею, — ответил Эйбрахам. — Во мне сейчас всего лишь трансмог физика. Дай мне трансмог социолога, и тогда я схлестнусь с этой проблемой.

Снаружи раздался крик, и они разом повернулись к двери. По скату поднимался Эбинизер, в руках он нес крохотную фигурку, руки и ноги которой безжизненно болтались.

— Один из них! — задохнулся Гидеон. — Гарсонианин, точно!

Эбинизер стал на колени и опустил его на пол.

— Нашел в поле. Он там лежал в канаве. Боюсь, что его дела плохи.

Шеридан шагнул вперед и склонился над гарсонианином. Это был старик, один из тысяч стариков, которых он видел в деревнях. То же дубленое старое лицо в морщинах, оставленных дождем и ветром, те же косматые брови, нависшие над глубоко посаженными глазами, те же редкие усы, то же выражение давно позабытой беспечности, а также — заганности и упрямства.

— Отстал, — сказал Эбинизер. — Отстал, когда уходили все остальные. Наверно, стало плохо, и он свалился в поле...

— Дай мою фляжку, — сказал Шеридан. — Она висит у двери.

Старик открыл глаза, провел, оставляя грязные полосы, рукой по щеке.

— Я упал, — пробормотал он. — Помню, как падал. Упал в канаву.

— Вот вода, Стив, — сказал Эйбрахам.

Шеридан взял фляжку, приподнял старика, прижал его к своей груди и поднес фляжку к губам. Неопрятно, хлюпая, старик стал пить. Вода проливалась и капала, стекая по усам, ему на живот.

— Спасибо, — сказал гарсонианин, и Шеридан подумал, что это было первое вежливое слово, которое они услышали от местных жителей.

Старик снова провел по лицу грязной рукой.

— Ущли все?

— Все, — ответил Шеридан.

— Опоздал, — сказал старик, — если бы не упал, то, может, успел бы. Они, наверное, меня искали...

Голос его все слабел и наконец совсем смолк.

— Если вы не против, сэр, — предложил Езекия, — я достану трансмог врача.

— Может, и стоит, — сказал Шеридан. — Хотя я сомневаюсь, что от этого будет много проку. Для него было бы лучше, если бы он умер там, в поле, еще несколько дней назад.

— Стив, — мягко сказал Гидеон, — врач, который лечит людей, инопланетянину помочь не сможет. Через некоторое время, если бы время у нас было, мы смогли бы узнать об этом бедняге больше — о биохимии, обмене веществ. Тогда бы мы смогли лечить его.

Шеридан пожал плечами.

— Тогда, Езекия, трансмога не надо.

Он снова опустил старика на пол.

— Быть может, — сказал он гарсонианину, — ты ответишь на один вопрос. Куда ушел твой народ?

— Туда, — сказал старик, приподняв слабую руку и показав на машину. — Туда, так же, как туда ушел урожай, который мы собрали.

Шеридан сидел, не поднимаясь, на корточках возле немощного гарсонианина.

Рубен внес охапку травы и положил гарсонианину под голову вместо подушки.

Значит, гарсониане и вправду ушли, сказал себе Шеридан, взяли и покинули родную планету. Покинули, используя машины, которые были поставлены для транспортировки лодаров. А уж если «Галактические предприятия» располагают такими машинами, то до них, независимо от того, кто они и где они, «Центральной торговле» невероятно далеко. Ибо тяжеловесным грузовым саням «Центральной торговли», как черепахи ползущим сквозь световые годы, трудно конкурировать с такими машинами.

Он думал в первый же день, когда они сюда прибыли, что немного конкуренции — вот что нужно «Центральной торговле». И пожалуйста, вот вам конкуренция — конкуренция без намека на этику. Конкуренция, прокравшаяся следом за «Центральной торговлей» и заграбаставшая рынок, в котором «Центральная торговля» нуждалась, — рынок, которым «Центральная» могла бы завладеть безраздельно, не занимаясь она глупостями, не хитри и не ловчи так беспринципно, пытаясь приспособить культуру лодара к земным условиям.

Но интересно, где и когда, подумал он, узнали «Галактические предприятия» о лодарах и о важности лекарства, которое из лодаров вырабатывают? При каких обстоятельствах стал им известен отрезок времени, в течение которого они могли действовать на рынке лодаров, не боясь, что «Центральная торговля» им помешает? И не проявили ли «Галактические предприятия» в отношении этого отрезка времени излишний оптимизм и потому вынуждены разрушить все эти великолепные машины?

Не трудно, однако, представить себе сто или тысячу разных способов, при помощи которых они могли узнать о лодарах — ведь они обворожительнейшие существа, их манеры просто обезоруживают. Он не удивится, если окажется, что кто-нибудь из них тайно орудует внутри «Центральной торговли».

Гарсонианин зашевелился. Он вытянул костлявую руку и дернул Шеридана за рукав куртки.

— Что, друг?

— Ты побудешь со мной? — В голосе гарсонианина звучала мольба. — Эти, здесь, не такие, как ты и я.

— Я все время буду с тобой, — обещал Шеридан.

— Мы, пожалуй, уйдем, — сказал Гидеон. — Может быть, мы его пугаем.

Роботы тихо вышли из амбара, оставив их вдвоем.

Протянув руку, Шеридан положил ее гарсонианину на лоб. Лоб был липкий и холодный.

— Дружище, — сказал он, — я думаю — может, ты должен мне что-нибудь?

Старик покачал головой — медленно повернул ее на травяной подушке сначала в одну, потом в другую сторону. И в глазах у него вспыхнул огонек упрямства.

— Вам мы не должны ничего, — сказал он. — Мы должны другим.

И это, конечно, было вовсе не то, что имел в виду Шеридан.

Но вот они, слова, которые объяснили все; решение загадки, которой является Гарсон IV.

— Так вот почему вы не хотели с нами торговать, — сказал Шеридан, обращаясь скорее к себе, чем к лежащему на полу старому гарсонианину. — Вы так задолжали тем, другим, что для выплаты долга вам нужны были все лодары, какие у вас были?

И так, очевидно, оно и было на самом деле. Теперь, когда он думал об этом, он видел, что это дает логическое объяснение всему, что произошло. Реакция гарсониан, их отчаянное сопротивление торговле — это ведь как раз то, что следует ожидать от тех, кто по уши влез в долги.

Вот почему так запущены дома, а одежда в лохмотьях. И вот почему на смену беспечности и беззаботности пришли забитость, загнанность и отчаяние. Подгоняемые, затравленные, обуянные страхом (а вдруг выплатить долг не удастся?), они заставляли себя работать все больше и больше, выбивались из сил, выжимая из земли все лодары, какие она могла им дать.

— В этом было дело? — спросил он резко. — Именно в этом?

Гарсонианин неохотно кивнул.

— Они пришли к вам и предложили такую мену, что отказаться было просто невозможно. На машины, быть может? Машины, которые отправят вас в другие места?

Гарсонианин покачал головой.

— Нет, не на машины. В машины мы клали лодары, и лодары уходили. Так мы платили.

— Платили все эти годы?

— Да, — сказал гарсонианин.

А потом добавил, и в голосе его послышалась гордость:

— Но теперь мы расплатились сполна.

— Прекрасно, — сказал Шеридан. — Очень хорошо, когда ты честно платишь свои долги.

— Они уменьшили нам платежи на целых три года, — прочувствованно сказал гарсонианин. — Правда, они поступили хорошо?

— Ну конечно, — с горькой усмешкой сказал Шеридан.

Он терпеливо сидел на корточках, прислушиваясь к слабому шепоту ветра на чердаке и к хриплому дыханию гарсонианина.

— Но потом твой народ использовал эти машины для того, чтобы отсюда уйти. Не можешь ты мне сказать, почему?

Старого гарсонианина сотряс раздирающий кашель, и громкие вдохи и выдохи стали похожи на рыдания.

Шеридана охватил стыд за то, что ему приходится делать. Я бы должен дать ему умереть в мире, подумал он.

Но оставался еще тот, последний ответ — его Шеридану нужно было непременно получить.

Он тихо спросил:

— Но скажи мне, друг, на что вы менялись? Что они вам давали взамен?

Услышал ли тот? Не было никаких признаков того, что гарсонианин его слышит.

— Что они вам дали взамен? — спросил Шеридан снова.

— Планету, — наконец ответил гарсонианин.

— Но у вас ведь была планета!

— Это была другая, — прошептал еле слышно гарсонианин. — Планета бессмертия. Тот, кто попадет туда, никогда не умрет.

Сидя на корточках, Шеридан оцепенел в потрясенном, полном гнева молчании.

И из молчания пришел шепот — шепот, все еще исполненный веры и сожаления, шепот, который услышавшего его человека будет преследовать до конца дней.

— Вот что я потерял, — шептал старик. — Вот что я потерял...

Шеридан сжал руки, мысленно душа точеное горло и чарующую улыбку, обрывая гладко льющийся поток изысканных слов.

Если бы он мне попался, подумал он, если бы только он мне теперь попался!..

Он вспомнил расстеленную для пикника скатерть, и кувшин с затейливыми украшениями, и аппетитную пищу; вспомнил ни к чему не обязывающую, ни на чем не задерживающуюся болтовню и ту уверенность, с которой его собеседник держался. И даже методичность, с которой тот напивался для того, чтобы их встреча закончилась без неприятных вопросов и ненужных подозрений.

Вспомнил высокомерие, с которым тот спросил, не знает ли он балльского — сам, почти наверняка, умея говорить по-английски.

Так что теперь наконец у «Центральной торговли» есть конкурент. Теперь «Центральной торговле» придется драться, и драться, прижавшись спиной к стене. Ибо эти шутники из «Галактических предприятий» нечисты на руку и идут ва-банк.

Конечно, гарсониане были наивными дурачками, но «Галактическим предприятиям» наверняка по плечу и куда более трудные дела. Они, несомненно, подбирают каждой рыбе особую наживку, но на старую басню о бессмертии, если ее умело подать, могут клонуть даже самые искушенные.

Козырями «Галактических предприятий» были абсолютная неразборчивость в средствах и телепортирующие машины.

Какая же судьба постигла жителей этой планеты, думал Шеридан. Куда они девались после того, как вслед за своими лодарами входили в эти машины?

Не нашли ли случайно где-нибудь молодцы из «Галактических предприятий» рынок для нескольких миллионов рабов?

Или же они просто решили отправить гарсониан куда-нибудь подальше, чтобы прервать поставку лодаров «Центральной торговле» и таким путем обеспечить легкую и выгодную продажу своих запасов калентроподенсий?

А может, они хитростью сманили гарсониан с планеты для того, чтобы захватить ее самим?

В случае, если верно последнее (а может быть, и в

любом случае), «Галактические предприятия» эту первую схватку определенно проиграли. Может быть, сказал себе Шеридан, на самом деле они не такие уж острые.

Они дали нам как раз то, в чем мы нуждались, осенило его вдруг, и он довольно усмехнулся. Они оказали нам услугу!

Неповоротливая, самодовольная старуха, «Центральная торговля», в конечном счете выиграла первый раунд.

Он встал и двинулся к двери.

Но вдруг остановился и повернулся к гарсонянину.

— Быть может, друг, — сказал он, — повезло именно тебе.

Но этих слов гарсонянин уже не услышал.

У дверей его ждал Гидеон.

— Как он? — спросил робот.

— Умер, — сказал Шеридан. — Ты не позаботишься о похоронах?

— Конечно, — сказал Гидеон, — Покажешь мне отчеты — этот обряд мне нужно подзубрить.

— Но сперва сделай для меня кое-что другое.

— Только скажи, Стив.

— Знаешь этого Тобиаса, курьера из «Центральной торговли»? Найди его и проследи за тем, чтобы он не улетел.

Гидеон растянул рот в улыбке:

— Можешь быть спокоен.

— Благодарю.

По пути к палатке Шеридан прошел мимо корабля курьера. В нем, обратил он теперь внимание, все было подчинено скорости — в нем не было почти ничего, кроме пульта управления и сиденья, закрепленных на мощном двигателе.

На таком корабле, подумал он, пилот и вправду может выиграть время.

Уже почти у самой палатки ему встретился Езекия.

— Пошли со мной, — сказал он, — у меня есть для тебя работа.

В палатке он сел на стул и взял лист бумаги.

— Езекия, — сказал он, — поройся в сундучке. Найди самый лучший трансмог дипломата, какой только у нас есть.

— Я знаю, где он, — сказал, уже копаясь в сундучке, Езекия.

Он достал нужный трансмог и положил на стол.

— Езекия, — сказал Шеридан, — слушай меня внимательно. Запомни каждое мое слово.

— Сэр, — обиженно сказал Езекия, — я всегда слушаю внимательно.

— Знаю. К тебе я испытываю полнейшее доверие. Поэтому я и посылаю тебя в «Центральную».

— В «Центральную», сэр? Вы, конечно, шутите? Вы же знаете, что мое место здесь. Кто будет заниматься о вас, сэр? Кто будет следить за тем, чтобы вы...

— Я смогу управиться и один. Ты скоро вернешься. И, кроме того, у меня есть Наполеон.

— Но я хочу остаться здесь, сэр!

— Езекия, мне нужен кто-то, кому я могу доверять. Мы вставим в тебя этот трансмог, и...

— Но ведь это займет недели, сэр!

— Не на курьерском корабле. Вместо курьера на нем полетишь ты. Я напишу документ, который даст тебе все полномочия представлять меня. Как будто ты — это я.

— Но ведь есть Эйбрахам. Или Гидеон. Вы могли бы послать любого из остальных...

— Только тебя, Езекия. Ты самый старый мой друг.

— Сэр, — сказал Езекия, став по стойке «смирно», — что я должен буду там сделать?

— Ты должен сообщить «Центральной», что Гарсон IV ныне необитаем. Должен сказать, что, ввиду этого, я формально, от имени «Центральной торговли», заявляю права на планету. Передай, что мне срочно нужны пополнения: не исключено, что «Галактические предприятия» попытаются ее у нас отнять. Для начала «Центральная торговля» должна прислать одни сани, нагруженные роботами (авангард оккупирующих и колонизирующих сил), и еще одни — с сельскохозяйственными орудиями, чтобы мы могли приступить к выращиванию лодаров. Заодно все до последнего лодары, какие у них есть, на семена. И, Езекия...

— Да, сэр?

— Насчет роботов. Пусть их уложат в разобранном виде. Так смогут погрузить побольше. Мы их здесь соберем.

Езекия подавил дрожь.

— Я им скажу, сэр.

— Прости, Езекия.

— Все в порядке, сэр.

Шеридан дописал доверенность.

— Передай «Центральной торговле», — сказал он, — что постепенно мы превратим всю эту планету в одно огромное засаженное лодарами поле. Но пусть не теряют ни минуты.

Курьерский корабль скрылся из виду. Сколько ни вглядывался Шеридан, он больше не мог его разглядеть.

Добрый старый Езекия, подумал он, уж этот сделает все как надо. «Центральная торговля» долго потом не сможет опомниться.

Он наклонил голову и потер ноющую шею.

Потом сказал Гидеону и Эбинизеру:

— Теперь можете его отпустить.

Те поднялись, широко улыбаясь, с распростертой фигуры Тобиаса.

Тобиас встал. Он был взбешен.

— Разговор об этом еще будет, — пообещал он Шеридану.

— Да, я знаю, — сказал Шеридан. — Ты бы съел меня с потрохами.

Эйбрахам шагнул вперед.

— Что теперь?

— Теперь, — сказал Шеридан, — я думаю, нам всем придется собирать клубни.

— Клубни?

— Наверняка остались лодары, которых гарсоняне, когда их собирали, не заметили. Все, какие мы только найдем, нам понадобятся на семена.

— Но ведь все мы тут физики, инженеры-механики, химики и тому подобное. Ты, конечно, не ждешь, чтобы специалисты такой высокой квалификации...

— Это поправимо,— сказал Шеридан.— Я думаю, мы сумеем разыскать трансмоги космических рабочих. Они сойдут, пока «Центральная» не придет сельскохозяйственных рабочих.

Тобиас шагнул вперед и стал рядом с Эйбрахамом:

— Требую, чтобы, пока мне приходится здесь быть,

для меня нашли занятие. Болтаться без дела не в натуре робота.

Шеридан хлопнул по карману куртки и ощутил выпуклость трансмога, который он вынул из Езекии.

— Кажется, у меня есть как раз то, что тебе нужно,— сказал он Тобиасу.

Эйла Пеннанен

ПОСЛЕДНИЙ РЕБЕНОК МУЖСКОГО ПОЛА

Мир облетела ошеломляющая весть: в самом сердце тропических лесов Заира обнаружен мальчик — возраст двенадцать лет, никаких физических изъянов, психика нормальная. Для изучения последнего молодого представителя мужской половины человечества создается Совет Стариц планеты.

Всемирное агентство новостей послало на слушания своего секретаря, миссис Полли. Ее машина села прямо перед Дворцом Всемирного Совета на одной из лондонских улиц одновременно с другой машиной, гораздо больших размеров. Секретарь агентства новостей тут же сообщила в микрофон своего портативного радиопередатчика, что прибыла председательница Всемирного Совета Стариц, представительница Северной Америки миссис Хип.

А старица, уже направляясь к лифту, не только помахала миссис Полли рукой, но и спросила ее громким и каким-то неестественным голосом:

— Что нового?

— Здравствуйте, старица,— почтительно приветствовала ее секретарь агентства новостей.

— Пойдемте со мной, барышня. Никто, как вы, не сумеет рассказать всю правду об этом событии,— и, ухватив секретаря за рукав, миссис Хип потянула ее за собой.

Секретарь, услышав «барышня», прикусила губу: председательница Всемирного Совета явно решила напомнить, что ей, миссис Полли, чтобы получить почетное звание «старицы», надо прожить еще шестьдесят лет. Самой же миссис Хип уже почти сто восемьдесят, и она почетный член Всемирного Союза Столетних и председательница Контрольной комиссии при Институте Долголетия, то есть одна из самых знаменитых женщин мира. Одна из первых, кто уже давным-давно добровольно предложили испытывать на них таинственный луч долголетия.

— Даже поверить трудно,— заговорила в лифте секретарь агентства новостей.

Старица загадочно улыбнулась. Только когда они вышли из лифта на третьем этаже и стали на движущуюся дорожку, она ответила:

— Да, нам придется подумать, как поступить с этим созданием.

— Как поступить? Что вы имеете в виду?

Секретарь агентства новостей уже размышляла, в какой части мира будет расти и воспитываться маль-

чик и кто будет ответствен за его здоровье и развитие. То, что миссис Полли о чем-то задумалась, не ускользнуло от внимания старицы. Секретарь уже открыла рот, чтобы сказать что-то в микрофон, но не успела: старица, протянув мертвенно-бледную руку, его выключила.

— Потом, барышня. Я обязательно дам вам интервью, но когда уже будет принято решение. Хочу только напомнить вам, что представлял собой мир до того, как изобрели «луч долголетия»: бесконечные войны, разграбление природных ресурсов, преследование расовых меньшинств... Поведение, типичное для мужского пола и для молодежи вообще! Теперь все иначе. Давайте поэтому будем осторожны.

— Вы абсолютно правы,— поспешила согласиться миссис Полли.— Вы ведь имеете в виду то событие, явившееся результатом ошибки?..

— Все случилось по воле провидения, барышня, исключительно по воле провидения.

— Да, то обстоятельство, что... хотя на женщин «луч долголетия» подействовал как предвидели, на мужчин он повлиял совершенно неожиданным образом: они утратили способность продолжать род. Такая была странная биологическая реакция... Из-за этого все стало по-другому... гораздо лучше. Возрастной состав человечества резко изменился, а когда власть перешла в руки женщин... э-э... на планете наступил мир.

— Конечно. Все изменилось к лучшему, даже сравнить невозможно. Что численность человечества уменьшилась в десять раз, явление временное. Спокойствие, которое сейчас царит на земле, это отнюдь не спокойствие смерти, о котором твердят Враги, а периодически наступающее идеальное состояние. Вот почему ребенок мужского пола должен быть тщательно изучен.

— Вы... э-э... хотите сказать, что он мог бы каким-то образом поставить под угрозу нынешнее идеальное состояние? — спросила секретарь.

— Ну, этому мальчику пока еще только двенадцать лет. И ведь среди нас живет также и много мужчин, и все они хорошие граждане, спокойные, уравновешенные. Но любому из них уже не меньше ста лет. Что же касается нашего опыта общения с мужчинами, не достигшими зрелости, то он совсем невелик. Поэтому... осторожность прежде всего. Не исключено, что внезапным появлением мальчика мы обязаны Врагам. Насколько мне известно, за последние пятьдесят лет не

родилось вообще ни одного мальчика, и ни одного жизнеспособного — за последние сто лет. Положение с девочками много лучше.

«Значит, она об этом знает», — подумала миссис Полли. Миссис Хип была секретарем по организационным вопросам все более активизирующегося Всемирного Объединения Добровольцев и влиятельным членом Комиссии по продолжению рода человеческого. Говорили, что раз в неделю она обязательно посещает строго засекреченные лаборатории в пустынях Тибета, работающие над проблемой продолжения рода, а в остальное время, не жалея сил, призывает человечество делать все, чтобы продолжить свой род.

Ходили слухи, что у женщин старше 150 лет начинается психическая деградация: появляются подозрительность, недоброжелательность, болезненные фантазии, упрямство и общее ослабление умственных способностей. Разговоры такого рода считались изменческими, старицы утверждали, что источник их — где-то скрывающиеся от правосудия мужчины-бунтовщики, так называемые Враги. Тех, кто распространял слухи, допрашивали сами старицы, и не было никого, кто, пройдя через эти допросы, не потерял бы рассудок. Поэтому у секретаря агентства новостей не показывала миссис Хип, что сомневается, и молча, с почтительным видом ее слушала.

Другой лифт, с прозрачными стенками, доставил их в огромный зал собраний, имевший форму амфитеатра. На возвышении посреди зала уже сидели члены Всемирного Совета Стариц: мадам Дюба, представительница континентальной Европы, фру Атоменьелм, представительница Скандинавии, товарищ Мышкина, представительница древнего Советского Союза, представительница Азии миссис Махал, представительница Африки миссис Куду и другие. Лица у всех у них были гладкие, хорошо ухоженные; только по рукам, худым и бледным, было видно, что обладательницы их принадлежат к элите мира, старицам.

Возвышение окружали представители средств информации со своей внушительных размеров аппаратурой. В телевизионных объективах отражались сосредоточенные лица операторов, почти исключительно женщин; немногочисленные мужчины, тоже преклонных лет, старались не бросаться в глаза, держались в стороне. Присутствующие переговаривались только шепотом.

Посередине возвышения было еще одно, небольшое, и на нем сейчас появился исследуемый объект. Секретаря агентства новостей охватило волнение: да, именно таким были в старинных фильмах мальчики, жившие до двухтысячного года. Худой темноволосый озорник, загорелый, с гордой осанкой и, похоже, рассерженный. Старицы следили за каждым его движением.

— А он красивый, — вполголоса сказала мадам Дюба.

Миссис Хип, прикрыв рукой рот, зевнула.

— Почему до сих пор не направили его мать на психиатрическую экспертизу? — возмущенно сказала миссис Куду. — Ведь она, подумать только, двенадцать лет скрывала, что у нее мальчик!

— Вина отца в этом случае тоже несомненна, —

заметила миссис Хип. — Они жили в брачном союзе, как люди жили в древние времена. Мужчина прямо говорит, что бежал в леса Заира от «власти женщин» и прятал там сына, «из жалости к нему».

— Это не имеет сейчас значения, — с некоторым раздражением сказала фру Атоменьелм. — Оставим это, проверим лучше, способен ли мальчик продолжать род.

— В таком возрасте? — негромко усомнилась миссис Махал.

— А что здесь особенного? — ответила ей фру Атоменьелм. — У нас в Швеции, например, в двадцатом веке это происходило постоянно. Хотелось бы узнать, не может ли Комиссия по продолжению рода использовать мальчика в масштабах всего мира.

— Вот так, прямо сейчас и начать? — иронически спросила миссис Хип. — А с результатами первых наблюдений вы знакомились? Из них явствует, что мальчик этот агрессивное, дерзкое, опасное существо. Только после тщательной проверки нам удастся принять обоснованное решение.

— А может быть, чтобы мальчиков и вправду изготовляли Враги? — спросила представительница Южной Америки, миссис Инка.

— Может! — почти выкрикнула миссис Хип.

Наступило молчание. Мальчик почесался о барьер на возвышении, где стоял.

— Насколько я понимаю, — заговорила товарищ Мышкина, — эта так называемая «семья» (отец, мать, этот мальчик и три дочери) жила в отдалении от других людей, в самых первобытных условиях. Можно ли представить себе, чтобы Враги так действовали?

Миссис Хип подумала, что товарищ Мышкина обладал некоторыми опасными качествами, по преимуществу свойственными мужчинам. Однако ответить ей она все равно не сочла нужным.

— Ближе к делу, — сказала миссис Инка. — Давайте поговорим с ним, сестры-старицы. Спросите, уважает ли он Женщину.

Мирового языка мальчик не знал, но для миссис Хип оказалось возможным объясняться с ним на языке седой старицы, английском. Передатчик трехмерного телевидения перенес изображение миссис Хип к мальчику, и изображение это, обнажив зубы в ослепительной улыбке, спросило:

— Ну, малыш, скажи, ты уважаешь Женщину?

— Э-э... что? — спросил мальчик.

— Уважаешь ты свою мать?

— Что?

— Любишь ты свою мать?

— Нет! — раздраженно ответил мальчик.

Изображение заколыхалось и придвинулось к мальчику почти вплотную; мальчик задрожал, но, показывая, что не боится, плюнул в изображение старицы. Послышались выражающие ужас восклицания женщин, однако престарелые мужчины тихонько захихикали себе в бороды.

Миссис Хип осталась невозмутимой.

— Не плюйся, мальчик, — продолжала она. — Ответь мне, ты уважаешь Седину?

— Кого? — спросил мальчик.

— Возраст ты уважаешь? — рассерженно выкрикнула миссис Инка.

— Нет!

— Только невоспитанные дети отвечают односложно, когда к ним обращаются женщины, — спокойно сказала, окидывая взглядом зал, миссис Хип.

Мальчик стоял в углу огороженного барьером места. Сейчас он переводил взгляд с одной старицы на другую и тяжело дышал.

— А ну-ка покажи нам, как красиво ты умеешь кланяться председательнице Всемирного Совета Стариц, — вкрадчиво попросила со своего места поодаль мадам Дюба, ласково глядя на мальчика. — Ну, поклонись же, — тихо сказала она.

Мальчик повернул голову и уставился на мадам. Он переступал с ноги на ногу, будто готовился кого-то лягнуть.

— Видите? — прошептала фру Атоменьелм. — Он агрессивен. Но, с другой стороны... если подумать о продолжении рода...

— Проект продолжения рода номер сто сорок четыре уже готов! — радостно завершала миссис Инка. — Можете мне поверить, для его реализации не понадобится антисанитарные приемы прошлого. А люди, которым предстоит родиться отныне, будут абсолютно свободны от каких бы то ни было дефектов. Они будут мягкие, спокойные, красивые, умные, совершенные во всем!..

Движением руки миссис Хип остановила ее. Хотя миссис Инка тоже, как и она, была членом Комиссии по продолжению рода, миссис Инка так мало в Комиссии значила, что не должна была бы выступать с публичными заявлениями.

— Что же тогда с ним делать? — с досадой спросила фру Атоменьелм. — Лично я никакого другого применения мужчинам не знаю.

И престарелые мужчины съезжились под ее недобрый взглядом.

— На нем можно ставить научные опыты, — заметила товарищ Мышкина.

Она протянула руку в сторону мальчика, щелкнула пальцами и сказала:

— Хоп!

Мальчик на это никак не реагировал.

Большинством голосов Совет Стариц решил, что наблюдение над мальчиком будет продолжено. Миссис Хип при голосовании воздержалась.

Старицы спешили покинуть зал.

— Торопятся каждая попасть скорее на свой континент, чтобы дома всласть посплетничать, — пробурчал старый тележурналист, которому отказали в разрешении взять у мальчика интервью для программы «На экране — одинокий мужчина».

Только миссис Хип никуда не торопилась. Она не спеша прошла в концертный зал Дворца Всемирного Совета, чтобы поиграть, как обычно, на находившемся там органе. Появились техники, они должны были обеспечить трансляцию ее игры через радиоцентры мира, которые этого пожелают. Желали все. Миссис Хип была также и Главной Покровительницей Музыки для всей земли, и у нее было право запрещать любую

музыку, которая покажется ей неблагозвучной или возбуждающей. Она требовала, чтобы музыка и пение были красивые, мелодичные и чтобы они воспитывали в слушателях послушание и умиротворенность.

Секретарь агентства новостей попросила миссис Хип, прежде чем та начнет играть, дать ей интервью. Та кивнула.

— Скажите вашим слушателям, — заговорила миссис Хип, — что появление мальчика — одно из самых важных событий в новейшей истории человечества.

Говоря, миссис Хип настраивала телевизионный приемник, которым пользовалась только она. На экран вплыло лицо ее помощницы.

— Дайте крышу, ту часть ее, где держат мальчика, — распорядилась миссис Хип.

На экране появилось лицо мальчика, заплаканное и грязное, но все такое же упрямое.

— Только взгляните на него, — продолжала миссис Хип, обращаясь к секретарю агентства новостей. — По его лицу ясно видно, что люди произошли от животных. Мы перед выбором: или вернуться к своевольному, агрессивному человечеству, управляемому мужчинами, то есть назад к животным, или идти вперед, к человечеству благородному и чистому, управляемому женщинами...

Про себя секретарь агентства новостей отметила, что миссис Хип говорит гладко, но без воодушевления, и с отсутствующим видом следит, не отрывая глаз от экрана, за каждым движением мальчика. Сперва тот сидел опустив голову, но потом задвигался и начал внимательно оглядывать все вокруг. Его держали в довольно большой, открытой сверху клетке на краю крыши небоскреба Дворца Всемирного Совета Стариц; внутри клетки искусственные деревья имитировали тропический лес. Для мальчика явно попытались создать подобие привычной ему среды. Вот он поднялся на ноги, потом схватился за металлические прутья решетки и смерил взглядом расстояние до ее верхнего края. Уж не задумал ли он бежать? Никакой охраны видно не было. Мальчик полез по решетке вверх. Секретарь агентства новостей взглянула на миссис Хип; та говорила теперь о долге человечества, по-прежнему наблюдая за мальчиком.

— Неужели он убежит? — спросила, набравшись духу, секретарь агентства новостей.

— Нет, он не убежит, — шепотом ответила миссис Хип и продолжала говорить.

Ловкими движениями мальчик карабкался все выше. Движения и в самом деле напоминали обезьяны, и, как и у обезьяны, от высоты у него не кружилась голова, хотя по ту сторону решетки была пропасть. Смуглое тело поднималось все выше, и было видно, как под шелковистой кожей движутся мышцы. Теперь глаза его сияли радостью, их взгляд ни на миг не отрывался от верхней перекладины. Он уже явно представлял себя свободным.

— ...сознания своей ответственности, — говорила миссис Хип, — своего высокого предназначения. Мы всего лишь выполним свой долг. Правильно это или нет, но мы...

Мальчик уже сидел на верхней перекладине и,

широко улыбаясь, смотрел вниз. Там, внизу, простирался огромный город, столица Земли. Улыбка исчезла, ее сменило на лице мальчика выражение растерянности... он оторвал от перекладки руку...

— Осторожно! — вырвалось у секретаря агентства новостей.

Крепко обхватив рукой угловой столб клетки, мальчик поднялся на ноги. Пылающим взглядом посмотрел вправо, влево, замахал рукой пролетающему мимо вертолету, а когда увидел, что тот удаляется, погрозил ему кулаком. Миссис Хип повернула верньер телеприемника, и на экране опять появилось лицо помощницы.

— Действуйте как мы договорились, — сказала ей миссис Хип.

На экране снова показался мальчик, он подпрыгивал радостно, держась за столб, и что-то кричал: к крыше приближался большой пассажирский вертолет. Яркая вспышка; мальчик замер и стал сгибаться, медленно-медленно — и, согнувшийся, упал в пропасть...

Миссис Хип ничего не сказала, не изменилось и выра-

жение ее лица. Она выключила телеприемник и пошла к органу, у которого ее нетерпеливо ждали техники.

Величественными движениями она сняла с пальцев кольца и растерла запястья.

— Играю «Für Elise», замечательную, бессмертную пьесу, написанную в девятнадцатом веке Бетховеном, — объявила она.

Но прежде чем опустить руки на клавиши, она еще раз повернулась к секретарю агентства новостей.

— Скажите вашим слушателям, что этот мальчик погиб от несчастного случая, став жертвой своей собственной мужской натуры. Нам всем повезло. Вне всякого сомнения. Добро — не в возврате к варварству, а в... движении к звездам.

И из органа понеслись, сотрясая старый небоскреб, гармоничные звуки бетховенской пьесы. Секретарь агентства новостей включила свой микрофон и почти шепотом заговорила. И почему-то сейчас ее была странная дрожь.

Герберт В. Франке

ВТОРОЙ ЭКЗЕМПЛЯР

Увидев перед собой капитана Эшли и его глаза, Мэри поняла, что спасти Боба не удалось. С усилием она приподнялась на больничной койке:

— Он?..

Эшли подавил владевшее им чувство неловкости. Кивнул.

— Только не волнуйтесь...

Он ясно видел, как сейчас бессмысленны его слова, но продолжал говорить.

— Вас-то едва поставили на ноги! Чудо, что вы выкарабкались. Сперва надо выздороветь совсем...

— А потом что? — всхлипнула она.

Он подождал, пока она успокоится.

— Мы обшарили место взрыва. У нас есть кусочек его кожи.

Слезы мгновенно высохли.

— Вы хотите?..

— Если вы хотите.

Мэри зарыдала снова.

— Обдумайте хорошенько, — посоветовал Эшли и тихо удалился.

Через неделю пришел биолог и все с ней обсудил.

— Вы знаете, что из набора хромосом человека мы можем вырастить его точную копию. Мы поместили кожу Боба в питательный раствор. Она живет. Пока живет кожа человека, жив и человек, которому она принадлежала. В каждой клетке кожи полный набор его хромосом.

— А это будет... Боб? — сказала, запинаясь, Мэри.

— Будет человек с его наследственными данными. Человек, который, если переживет то же, что Боб, станет им. Каждое живое существо — продукт своей наследственности и своего окружения. Он будет вашим мужем, но таким, будто после своего рождения он пережил не то, что Боб, а что-то другое. Пережил очень немного. Вам придется воспитывать его, как воспитывают ребенка. Справитесь вы с этим?

— Надеюсь, что да, — ответила Мэри.

Прошло полгода. И вот его привели к ней. Она уже тысячу раз рисовала в своем воображении эту сцену, однако сейчас колени у нее дрожали. Пришлось даже прислониться к стене. Перед ней стоял Боб. Но этот Боб выглядел моложе. Морщин, которые оставляют годы, не было. Это был Боб, но словно увиденный ею впервые — другой человек и одновременно тот же самый. «Второй выпуск», — горько подумала она.

И тут стоявший перед ней человек улыбнулся. Это была та же улыбка, какой всегда встречал ее Боб, и много раз виденным, привычным было движение, которым он чуть смущенно откинул со лба прядь волос. Мэри почувствовала, что расположение и приязнь определяются наследственными данными человека больше, нежели тем, что тот пережил.

— Пошли, Боб, — сказала она, теперь мать и жена одновременно. — Ты снова дома.

СОДЕРЖАНИЕ

Аргентина

ХУЛИО КОРТАСАР. Маленький рай	1
Великобритания	
ДЖЕЙМС БАЛЛАРД. Конец	2
ЛОРД ДАНСЕНИ. Средство доктора Кейбера	7
АРТУР СЕЛЛИНГС. Рука помощи	9

Испания

АЛЬФОНСО АЛЬВАРЕС ВИЛЬЯР. Супруги, любившие уединение	14
КАРЛОС БУИСА. Исповедь гратса	16
ХОСЕ ГАРСИА MARTINEC. Двойники	18
МАНУЭЛЬ Р. КУЭВИЛЬЯС. Пастух и пришелец из космоса	23
ХУАН ЭСТРЕМАДУРА. Спортивная жизнь	24

Канада

ПЬЕР БЕРТОН. Вклад Б. Дурстина Грабла в развитие рекламы	25
АНДРЕ МАЙЕ. Как я стала писательницей	27
АРТУР ПОРДЖЕС. Погоня	29

Люксембург

РОЖЕ МАНДЕРШАЙД. Рай земной	35
---------------------------------------	----

Мексика

ХУАН ХОСЕ АРРЕОЛА. Истинно говорю вам	38
---	----

Соединенные Штаты Америки

ФРЕДРИК БРАУН. Кукольный театр	39
РЭЙ БРЭДБЕРИ. Чепушинка	44
УРСУЛА ЛЕ ГУИН. Мастера	49
КЛИФФОРД САЙМАК. Торговля в рассрочку	56

Финляндия

ЭЙЛА ПЕННАНЕН. Последний ребенок мужского пола	76
--	----

Федеративная Республика Германия

ГЕРБЕРТ В. ФРАНКЕ. Второй экземпляр	79
---	----

СУПРУГИ, ЛЮБИВШИЕ УЕДИНЕНИЕ

Сборник зарубежной фантастики

Перевод и составление Р. Рыбкина

Учредители: ТРУДОВОЙ КОЛЛЕКТИВ «РОМАН-ГАЗЕТЫ»,
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ СССР ПО ПЕЧАТИ,
СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

Редактор Н. Колосовская

© Иллюстрации Б. Косильникова

Художественный редактор А. Моисеев

Технический редактор Н. Кошелева

Корректоры: Г. Володина, О. Наренкова

Сдано в набор 26.03.91. Подписано в печать 20.05.91. Формат 84×108¹/₁₆. Бумага газетная. Гарнитура «Литературная». Печать высокая. Усл. печ. л. 8,4. Усл. кр.-отт. 9,66. Уч.-изд. л. 11,31. Тираж 2 886 000 экз. (1-й завод 1 — 2 386 000 экз.) Заказ 510 Цена 1 р. 10 к. (Цена в розницу — 3 р.)

Адрес редакции: 107882, ГСП, Москва, Б-78, Ново-Басманная, 19.
Ордена Трудового Красного Знамени Чеховский полиграфический комбинат Государственного комитета СССР по печати
142300, г. Чехов Московской обл.

Рукописи ранее не опубликованных произведений редакцией не принимаются и не рассматриваются.

Во всех случаях полиграфического брака просим бракованные экземпляры отсылать для замены в типографию, где печатался данный экземпляр.

ПИКУЛЬ В. Барбаросса. Роман.

Свыше 500 историко-архивных документов, монографий, воспоминаний использовано В. С. Пикулем при работе над книгой о величайшем сражении XX века — Сталинградской битве. «Барбаросса» — последнее произведение В. С. Пикуля — занимает особое место в его творчестве.

СОВРЕМЕННАЯ ФАНТАСТИКА (МИХЕЕНКОВ С. Пречистое Поле. Повесть. ПИЩЕНКО В. Замок Ужаса).

Фантастический прием, примененный С. Михеенковым в повести «Пречистое поле», помогает лучше осмыслить происходящее в стране, особенно на селе, осознать необходимость духовной преемственности поколений, моральной ответственности живущих ныне как за настоящее, так и за будущее своих соотечественников.

Остросюжетный фантастический детектив «Замок Ужаса» позволит читателю заглянуть в будущее и совершить путешествие в далекое прошлое — в таинственный VI век.

ВОЛКОВ О. Два стольных града (Москва. Петербург).

Почти тридцатилетнее политическое заключение явилось причиной того, что О. В. Волков (год рождения писателя — 1900) лишь недавно приобрел широкую известность. Ныне его книга «Погружение во тьму» — одна из популярнейших и любимейших читателями.

Новое произведение О. В. Волкова — это увлекательный рассказ об истории двух главных городов России, об их величии и красоте, о замечательных архитекторах и исторических деятелях.

«Как работа на лесоповала открыла мне всю незащищенность матери-природы перед злой и невежественной силой — пишет автор, — так и обретенная возможность жить в Москве поразила — будто даже целенаправленным — уничтожением той красоты, что делала Москву неповторимой! Я надеялся, что очерки об «оставшихся в живых» архитектурных памятниках Москвы помогут их сохранить...»

Рассказывая о Москве, я постоянно возвращался к воспоминаниям о своем родном городе — Санкт-Петербурге, где я родился и жил до 17 года. Я стал писать о нем, о жизни в дореволюционном стольном граде...

Может быть, эти очерки побудят кого-то встать на защиту нашего достояния...»

БАЛАШОВ Д. Святая Русь. Роман. Часть первая («Степной пролог») и часть вторая («Метрополиний престол»).

Уходят с исторической арены личности, могущественно содействовавшие созданию государства Московского: митрополит Алексей, Сергей Радонежский, Дмитрий Донской. Маленькое окраинное княжество Владимирской Руси все больше набирает силу, крепнет в борьбе. «Святая Русь» — заклю-

чительный роман серии «Государи Московские» — освещает этап развития Московского государства, получившего самостоятельность.

МИР-ХАЙДАРОВ Р. Пешие прогулки. Роман.

Преступления подпольного бизнеса и коррупции в Узбекистане — предмет исследования в романе, в основу которого положены подлинные события.

*КРЮКОВ Ф. Казачка. Рассказы. ЗАЗУБРИН В. Щепка.

Повесть.

После долгих лет умолчания широкому читателю возвращаются имена Ф. Крюкова и В. Зазубрина.

О событиях 1919 года, о произволе чекистов рассказывает В. Зазубрин, участник гражданской войны сначала в армии Колчака, а затем в рядах красных партизан. Автор повести «Щепка» погиб в 1938 году, став жертвой механизма, действие которого предсказал.

Кто же истинный автор «Тихого Дона»? Участник белоказацкого движения в 1918—1920 годах Ф. Крюков или известный советский писатель М. Шолохов? Ответ на вопрос читатели найдут на страницах этого номера журнала.

*СОВРЕМЕННЫЕ ПОВЕСТИ (ПЕТРОВ М. «Жизнеописание Дмитрия Шелехова» и другие повести).

Повесть М. Петрова — о подвижнике земли русской Дмитрие Потаповиче Шелехове, отдавшем все свои незаурядные способности и душевные силы преобразованию Родины, гармоническому развитию народного хозяйства. В своих устремлениях и делах Шелехов опирался на народную предприимчивость, ум, природную сметливость и нравственную стойкость простых русских людей, на вековые традиции соотечественников.

*МАМОНТОВ С. Походы и кони. Повествование о гражданской войне.

С. Мамонтов возвращает нас в эпоху революции и беспощадной войны. Он восстанавливает все случившееся с юнкером, прапорщиком, потом поручиком Мамонтовым в 1917—1920 гг. Чудесный дар рассказчика, поразительная свежесть, искренность превращают в захватывающее чтение записи о походах по дорогам России, о боях и буднях русских солдат и офицеров, оказавшихся по другую сторону баррикад.

«Я хотел изобразить все, как оно было на самом деле, хорошее и плохое, стараясь не преувеличивать, не врать и оставаться беспристрастным. Это очень трудно. Невольно кажется: все, что делали мы, — хорошо; все, что делали они, — плохо». В этих словах С. Мамонтова выражена его искренность, и это делает «Походы и кони» увлекательной книгой и примечательным документом. Публикуется в нашей стране ВПЕРВЫЕ.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР
ВАЛЕРИЙ ГАНИЧЕВ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Сергей АЛЕКСЕЕВ, Юрий БОНДАРЕВ, Семен БОРЗУНОВ, Витаутас БУБНИС, Олег ВОЛКОВ, Геннадий ГОЦ, Юрий ГРИБОВ, Владимир ГУСЕВ, Владимир ДУДИНЦЕВ, Александр ЖУКОВ (ответственный секретарь), Сергей ЗАЛЫГИН, Феликс КУЗНЕЦОВ, Леонид ЛЕОНОВ, Виктор МЕНЬШИКОВ (заместитель главного редактора), Василий НОВИКОВ, Петр ПРОСКУРИН, Валентин РАСПУТИН, Леонид ФРОЛОВ

1 р. 10 к.
Цена в розницу — 3 р.

РОМАН-15 ГАЗЕТА

70782

В шестнадцатом номере
«Роман-газеты»
читайте повести
Василя Быкова
«ОБЛАВА»,
Михаила Алексеева
«РЫЖОНКА»

